

Слово
публициста

ГЕРОЛЬД БЕЛЬГЕР

РОДСТВО

Нет смысла доказывать, к чему приводят историческое беспамятство, незнание своих корней, основных этапов своей обычной судьбы народа, атрофия чувства сопричастности к живому прошлому. Историческое самосознание — не мертвая абстракция. Небрежение к национальной истории оборачивается, как правило, необратимыми трагическими потерями.

Г. Бельгер

КАЗАХСТАН

ГЕРОЛЬД БЕЛЬГЕР

РОДСТВО

АЛМА—АТА «КАЗАХСТАН» 1991

Редактор С. М. Паскевич

Бельгер Г.
Б44 Родство: Статьи и очерки.— Алма-Ата: «Казах-
стан», 1991.— 256 с. (сер. «Слово публициста»)

ISBN 5-615-00715-X

38997
В сборник литературно-публицистических статей и выступлений включены очерки, записки, наблюдения писателя, переводчика, заслуженного деятеля культуры Казахской ССР, много лет проработавшего в казахской, русской, немецкой советской литературе.

Эти материалы — о дружбе народов, проявлениях интернационализма, о родственности национальных культур, национальных и межнациональных отношениях, культурных и литературных взаимосвязях, двуязычии и многоязычии.

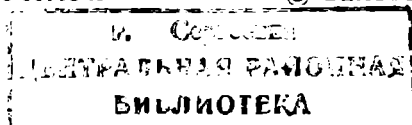
Массовому читателю.

0503020905—130
Б 401 (05)—91 22.91

ББК 63.3(2К) 7-36

ISBN 5-615-00715-X

© БЕЛЬГЕР Г. К., 1991

Три струны моей души

Первое, самое яркое впечатление — безбрежность степной шири — взволновало и даже потрясло мальчика с Поволжья. Полузаглохшая тропинка, причудливо извиваясь, то ныряла в задумчивые березовые колки, то надолго исчезала в печальном по-осеннему пшеничном поле, то вновь взбиралась на бурые холмы. Степной ветерок лениво шевелил сивые метелки ковыля. Вдали, у горизонта, там, где сонно текла речка Ишим, смутно темнел тугай.

Моноotonно поскрипывала арба, отрешенные волю поцокивали копытами, и узкоглазый возница с задубевшим от ветра и зноя лицом заунывно тянул бесконечную песню.

Неведомый мир простирался вокруг, и, казалось, дороге не будет конца. Но вот, когда солнце, багровея, нависло над тугаем и впереди, за бугром, взвился тонкой струйкой дымок, возница, оборвав свою песню, гортанно произнес: «Аул»...

Мальчик понял: мир огромен, и степь эта — тайна, которую предстоит узнать, постичь. А безбрежность степи, ее величие, ее таинственность, ее прошлое, настоящее и будущее вмещаются в одно крылатое слово — **КАЗАХСТАН**.

То было осенью 1941 года.

И с того времени пересеклись мои пути с Казахстаном во времени и пространстве.

За эти десятилетия я кое-что успел понять, полюбить этот раздольный край, его народ, выучить и полюбить его язык.

А до того, до той первой осени военного лихолетья были... были лишь клочки, обрывки воспоминаний о крае, где уже два столетия жили, трудились, рождались и умирали мои предки. Из того времени, из той жизни неокрепшая детская память запечатлела всего несколько эпизодов: раннее сумрачное утро, хриплые спрoсoнья петушинные голоса тщетно пытаются разорвать плотную зимнюю тишь, меня, заспанного, ведут по деревне Мангейм Гнаденфлюрского кантона мои подросшие двоюродные братья в бабушкин дом, куда приехали накануне из города Энгельса мои родители, снег скрипит под моими твердыми, негнушимися валенками. Наконец меня впахивают в удушливое тепло просторной, темной комнаты с низким потолком, и я, к вящему восторгу всех ее обитателей, прямо с порога громкой скороговоркой выпаливаю на родном диалекте, на «вольга-дойч», новогоднее пожелание, своеобразную немецкую колядку. Сердце мое готово выпрыгнуть из груди от волнения, от гордости, от радости за то, что доставляю кому-то приятное, от немудреных, простодушных в своей искренности слов колядки, от музыки родной, благословенной речи, на которую и теперь еще, спустя много лет, так чутко откликается, отзывается душа, как на что-то кровное, неистребимое, призрачное и таинственно влекущее, как зыбкое человеческое счастье...

Нечто созвучное я испытал несколько лет позже в тихом ауле на берегу Ишима. Однажды, уже в послевоенное время, в каморку-боковушку интерната поселили прибывшую откуда-то русскую женщину Марию Петровну Егорову. Все ее имущество составляли два ящика книг и старый патефон с довоенными пластинками. Вскоре мы, аульные ребята, узнали, что Мария

Петровна когда-то преподавала в педагогическом институте имени Герцена в Ленинграде, а потом почему-то работала телятницей в нашем районе. Теперь ей предстояло учить нас русскому языку. Мои познания в русском языке были ничтожны — немногим, может, больше, чем у любого аульного сверстника.

Летними вечерами, собрав группу интернатовцев, Мария Петровна устраивала читки. Не все было понятно, но всегда интересно. Теперь-то я понимаю, что это был своеобразный педагогический прием — приучать детей к русскому речестрою. Как-то учительница читала с особым воодушевлением: «Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади...» Изможденное лицо Марии Петровны побледнело, скулы обострились, глаза заблестели, а у меня, затаившегося в углу каморки вместе с горсткой затихших интернатовцев, замирала душа от чего-то неясного, необъяснимого, может, от величавого и торжественного лада и склада, притягательной силы и чарующей музыки русского слова...

Как много прошло с тех пор!

Речь немецкая, речь казахская, речь русская — как мелодия трех струн.

Три струны моей души.

Я не могу делить их... первая, вторая, третья. Они переплелись звуками, как деревья в лесу корнями и ветвями. Они для меня все первые, все главные. Одна без другой не существует.

Они триедины.

Три круга моей жизни...

Дружба конкретного смысла полна

Я родился и рос под «Марш единого фронта». В тридцатые годы он звучал повсюду в исполнении прекрасного певца, страстного антифашиста Эрнста Буша. На всю жизнь врезались в память чеканные строки: «Погому, что ты — Человек!», «Встань в ряды, товарищ мой!»

Перед войной Эрнст Буш приезжал в наш город Энгельс на Волге. Понятно, по малолетству мне то событие не запомнилось, но во мне живет ощущение, что я его знаю, помню: он стоит посреди площади в красной рубашке и раскатистым, зычным голосом поет «Марш единого фронта».

Друм линкс! Цвай, драй!
Марш вперед! Левой, левой!

Про Эрнста Буша, Эрнста Тельмана мне много рассказывал мой отец Карл Бельгер. Коммунист. Военный фельдшер.

Первых моих друзей звали Ваня, Фриц, Ренат. Тогда я знать не знал, что один из них русский, другой немец, третий — татарин. Это не имело никакого значения для нас, детей. И для взрослых — тоже. В городе Энгельсе мы все пели «Марш единого фронта».

У немецкого советского поэта Александра Реймгена в поэме «Сказ о дружбе» есть такая строка: «Дружба народов конкретного смысла полна». Для меня лично интернационализм — понятие философское, политическое и предельно конкретное. Психофизическое. Кровное.

С детства я живу в трехязычной сфере. Для меня речь немецкая, русская, казахская — как единая мелодия, обнаруживающая родство людей — духовное, гражданское. Человеческий язык пронизан духом ин-

тернационализма. Смее утверждать это как писатель, переводчик, лингвист.

Вначале было слово. Как сказал Сомерсет Моэм: «Слова имеют вес, звук и вид». Особенно остро это ощущаешь, когда имеешь возможность сравнивать, сопоставлять слова разных языков. Не знаю занятия более увлекательного, более захватывающего. Счастье: когда тебя понимают. И еще: когда ты понимаешь. А для этого, как минимум, люди должны знать язык друг друга. В наше время человек, знающий только один язык, по мнению моему, — беден. Ему необходимо подать руку, оказать помощь, научить. В нашей республике в 1987 году приняты два постановления ЦК Компартии Казахстана и Совета Министров Казахской ССР об улучшении изучения языков — и русского, и казахского. В последние годы повсюду организуются кружки.

Я изучал казахский язык не в кружках. Просто рос вместе с казахскими детьми.

В годы военного лихолетья, когда советских немцев переселили в Казахстан, выдержать испытание, устоять на ногах помогли им казахстанцы, казахский народ, которому присущ интернационализм, самое высокое уважительное отношение ко всем нациям и народам. Дружба народов конкретного смысла полна. Об этом очень интересно мог бы рассказать, например, Эрвин Госсен, ныне доктор сельскохозяйственных наук, лауреат Ленинской премии. Или Эрнст Боос, член-корреспондент Академии наук Казахской ССР. Или Андрей Георгиевич Браун, первый секретарь Целиноградского обкома КПСС. И еще тысячи советских немцев.

У моего друга, казахского писателя Сакена Жунусова есть психологически тонкая и точная пьеса на реальной жизненной основе: о волжской немке, учительнице немецкого языка, приехавшей в аульную школу. Ученики встречают ее в штыки: «Не желаем учить «фашистский» язык. Уходи из нашего аула!» Учитель-

ница, у которой, как потом выяснилось, сын в фашистском концлагере, находит простые необходимые слова, прокладывающие тропинку к ребячьим сердцам. Она рассказывает им про Розу Люксембург и Клару Цеткин, про Эрнста Тельмана и Эрнста Буша.

А я ведь тоже — хорошо помню — приставал к отцу с расспросами: кто такие фашисты? Почему они говорят на нашем немецком языке?

В те годы все было очень не просто. Самое важное, что советские люди сумели не озлобиться, не разобщиться, а помогали друг другу.

Расскажу об этом на своем скромном личном примере. Думается, он достаточно типичен и позволяет убедиться: дружба народов, интернационализм так глубоко, органичны советским людям, что остаются живы, укрепляются порой даже вопреки обстоятельствам.

В военные годы наша семья оказалось в Казахстане, в небольшом ауле Теренсай. С ним у меня связаны самые дорогие воспоминания детства. Большинство героев моих повестей, рассказов — из Теренсая. Собственно и моя судьба — писательская, переводческая — из Теренсая.

Русская школа была в двадцати пяти километрах от нашего аула. Я пошел учиться в казахскую. Мне не сказано повезло в том, что школа была хорошая, что казахский язык и литературу в старших классах преподавал нам Жилгельды Муканович Муканов, а русский язык и русскую литературу — Мария Петровна Егорова. Это были педагоги-энтузиасты сегодняшней реформенной формации. Свою работу в аульной школе они понимали как высокую миссию.

Жилгельды-ага, горячий пропагандист казахской литературы, имел в ауле талантливую соратницу — поэта Галыма Малдыбаева, стихи которого тогда были широко известны. Поэмы его изучались по школьной прог-

рамме. Мы, конечно, знали их наизусть. И все почти поголовно сами «сочиняли». Пускай плохо, но ведь с участием души. Я тоже писал свои неумелые вирши на казахском языке, которым овладел как-то удивительно легко и быстро. В играх с аульными ребятами. В школе.

В тяжкие для всех военные годы в ауле Теренсай коренные жители делились с нами, «пришлыми», последним куском хлеба, просяной похлебкой. Так что казахов, казахский быт, их добрые нравы и обычаи знаю не по книгам, не по творческим командировкам. Как говорится, «изнутри», на всю жизнь обогрет душевной добротой теренсайцев. Постоянно поддерживаю с ними добрые связи. Мне и теперь пишут письма из Теренсая. И я в наш антиэпистолярный век отвечаю подробно, обстоятельно. Переписка идет, понятно, на казахском языке.

Поступил я в Казахский педагогический институт им. Абая на литературный факультет, на русско-казахское отделение. Моим триязычием сразу заинтересовался профессор-тюрколог Сарсен Аманжолов. Он взял меня под свое крыло, увлек глубоким изучением языков, заразил сопоставительной грамматикой, научил чувствовать красоту, «вес, звук и вид слова». Но обстоятельства сложились так, что не вышло из меня языковеда-тюрколога. Поехал по распределению в село Байкадам учительствовать—преподавал русский язык и литературу в казахской средней школе. Через два года поступил в аспирантуру. Работал над темой: система развития русской разговорной речи в казахской школе. Но всегда меня влекли литература, художественный перевод, сопоставительная грамматика, сравнительное литературоведение, т. е. интернациональная суть Слова. В 1989 году закончил книгу «Гете и Абай». О творчестве Абая написано более четырех тысяч работ. Известно, что Абай был не только гениальным поэтом, но и гениальным читателем. Он хорошо знал творчество

Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Толстого, Салтыкова-Щедрина, Белинского, Чернышевского. Однако крайне мало изучена тема: Абай и западноевропейская литература. А он ведь читал труды Дж. Милля, Г. Бокля, Дж. Дрэпера. Был знаком с философией Спинозы, «Диалогами» Платона, «Опытами» Монтеня.

Целые библиотеки написаны о творчестве гениального немца Иоганна Вольфганга Гете. Однако чудится мне, тема «Гете и Восток» тоже исследована еще недостаточно.

И вот, когда я размышляю на тему «Гете и Абай», то, полагаю, что критика-исследователя ждут интересные открытия именно на стыке двух параллелей «Гете и Восток», «Абай и Запад». В творчестве Гете и Абая я нахожу много созвучий и перекличек с поэзией Хафиза, Фирдоуси, Джами, и в этом я вижу извечную тягу к сближению культур, к интернационализации духа. Изучение этих тем может явиться предметным доказательством глубинных процессов взаимовлияния литератур в историческом аспекте. Все мои лингвистические, литературоведческие работы — о взаимосвязи, взаимопроникновении, взаимообогащении литератур, культур.

По мере сил и сам стараюсь способствовать этому практически. На русский язык я перевел более двухсот произведений казахских и советских немецких писателей. Это свыше пятисот печатных листов.

Начинал с подстрочного перевода трилогии «Кровь и пот» Абдижамила Нурпеисова, лауреата Государственной премии СССР. Только он и я знаем, какой крови это стоило. Да еще, наверное, те переводчики, которые пытались делать подстрочники до меня. На трилогию «Кровь и пот» Нурпеисов опробовал многих. Ох, как я их понимаю — сбегавших. Работать с Абдижамилом Нурпеисовым — мука мученическая. Абзац, сразу подстрочника он может уточнять, заострять, углублять часами. До десятого пота. И своего. И моего. И нет ни-

чего удивительного в том, что многие «подстрочникисты» не выдержали. Я не знаю, каким был по счету, двенадцатым или тринадцатым, но не сбежал потому, что увлекся романом, потому, что не смог, к счастью, преодолеть притягательность таланта, личности писателя Нурпеисова. Теперь нас с ним связывают четверть века творческой жизни, непростой, порою трудной дружбы. Работа с Нурпеисовым стала для меня университетом творчества, гражданственности. Он пишет только о том, о чем не может молчать: о войне, истории и сегодняшних проблемах своей малой родины — Арала. К писательской миссии писатель Нурпеисов относится с высочайшей ответственностью. Последняя его книга, первая часть дилогии, названа «Долг». На русском языке вышло уже несколько изданий в моем и П. Краснова переводе.

Моя новая книга прозы, изданная в 1987 году в «Советском писателе», названа «Каменный Брод». Ее тоже можно было бы назвать «Долг». Я, писатель, пытаюсь отдать долг дорогим для меня людям: дедушке Сергали, учительнице Марии Петровне Егоровой, учителю Жилгельды Муканову, моему другу Ойрату, вместе с которым мы в степи у надмогильного камня сочинили в детстве проклятие войне: «Чтобы ты корчился в могиле, фашист-злодей! Чтоб ты сгорел в огне и ветер развеял твой прах поганый!..»

Повесть «Завтра будет солнце» посвящена хирургу Вере Леонтьевне Никифоровой, благодаря которой я по существу второй раз родился. Из лап тяжелой болезни вырвала меня удивительная русская женщина Вера Леонтьевна. Платить и платить мне долги людям. За всю жизнь не выплатить...

А Каменный Брод — это благословенный уголок земли на берегу Ишима, реки не очень громко известной. Но ведь она рядом с моим родным аулом Теренсай! Весной мы с ребятами бегали к Каменному Броду

смотреть ледоход. Промерзнув до костей, часами стояли на высоком крутом берегу, заворуженно наблюдая побоище на реке: ледяные глыбы пробивали себе дорогу с грохотом, сшибаясь, давя, круша друг друга.

А летом нет лучшего места для купанья, чем Каменный Брод. Спускаешься крутой тропинкой между кустов к реке — вода прозрачная, теплая. Ее нагревают камни-валуны, принимающие, впитывающие солнечный жар. Попробуй ляг на такой валун позагорать — обожжешься, всю кожу со спины оставишь.

В сухое лето, а они нередки в Северном Казахстане, воды в Ишиме бывает мало. Тогда по Каменному Броду, прыгая с валуна на валун, можно перейти на ту сторону реки, где шумит машинами грейдерное шоссе. Многие мои сверстники ушли из нашего аула в большую жизнь по Каменному Броду... И я тоже так выбирался на дорогу с камня на камень. Меня поддерживали, мне протягивали руки. И не только мне...

Больше половины советских немцев и сегодня живет в Казахстане. В республиканском союзе писателей работает секция писателей и поэтов, пишущих на немецком языке. Издательство «Казахстан» уже многие годы издает их произведения. В Казахстане работает единственный в нашей стране музыкально-драматический немецкий театр. С 1966 года издается республиканская немецкая газета «Фройндшафт».

В судьбе многих советских немецких писателей немалую роль сыграл первый редактор этой газеты Алексей Борисович Дебольский, известный немецкий прозаик, коммунист, участник Великой Отечественной войны. Прочитав мою первую пространную статью о советской немецкой литературе в республиканском журнале «Простор», Алексей Борисович разыскал меня, уговорил сотрудничать в газете «Фройндшафт». Он горячо одобрил мое решение взяться также за перевод советских немецких литераторов (кстати, Дебольский сам от-

личный переводчик). Алексей Борисович развил во мне страсть пропагандиста казахской и советской немецкой литературы в нашей стране и за рубежом. Особенно тесные связи установились с издательством Германии «Фольк унд Вельт» («Народ и мир»). Несколько раз побывал в Алма-Ате, стал общим нашим другом заведующий отделом советской литературы этого издательства Леонгард Кошут. Я горжусь, что в Германии знают и любят казахстанских писателей. Особенной популярностью пользуются А. Нурпеисов и А. Кекильбаев. Роман «Кровь и пот» великолепно перевел на немецкий язык Вильгельм Плакмайер. Восторженно писали о трилогии известные немецкие критики Кошут, Ральф Шрёдер, Петер Кирхнер, Иоахим Навотный... О творчестве Абиша Кекильбаева писали в ГДР Герберт Кремпиен, Зигрид Клейнмихель, Гельмут Земке. Популярный журнал «Фрайс Вельт» посвятил Абишу Кекильбаеву несколько страниц. Очерк Гельмута Земке о казахском прозаике был иллюстрирован прекрасными photographиями. На одной из них: залитая солнцем берлинская площадь, выложенная камнем. На заднем плане — современные высотные здания. По площади шагает Кекильбаев. Широко улыбается. Видно, что ему здесь хорошо, в стране друзей.

Леонгард Кошут, Лео, как мы его называем, вот так же привольно гулял по улицам и площадям Алма-Аты, восхищался ее красотой, улыбался прохожим, своим мыслям. С Кошутым мы много говорили о проблемах культурных взаимосвязей, интернационализме. Его глазами я острее увидел то, что для нас стало привычным, естественным, само собой разумеющимся.

Немецкая советская поэтесса Нелли Ваккер пишет и на немецком, и на русском языках: «Жизнь меня ода-рила — я с самого детства два родных языка получила в наследство. На одном изъясняюсь с домашними я, на другом говорит вся Отчизна моя».

Казах Медеубай Курманов перевел с оригинала «Фауст» Гете. А я, немец, пишу об этом рецензию на казахском языке в литературной газете «Казах адабияты».

Режиссер Булат Атабаев, казах, ставит немецкие пьесы, обучает артистов правильному литературному произношению. Советский немец, известный режиссер МХАТа Владимир Мартенс специально приезжает в Алма-Ату, чтобы на сцене казахского ТЮЗа поставить классическую пьесу Островского.

О знаменитой целиноградской трактористке, делегате XXVII съезда КПСС Наталье Геллерт пишет поэму поэтесса Рысты Шотбаева. На казахском языке. Я рассказываю об этом в республиканской немецкой газете «Фройндшафт»...

Сколько таких примеров!

Я сам уже более тридцати лет живу в Алма-Ате. Мои отец и мать с сестрами живут теперь в Ташкенте. Я часто бываю в Узбекистане, обзавелся русско-узбекскими словарями и разговорниками. С интересом прислушиваюсь к узбекской речи. Знание казахского — надежный фундамент для познания тюркских языков. Я слежу за творчеством писателей узбекских, туркменских, киргизских. Думаю, сравниваю, сопоставляю. И все больше убеждаюсь: интернационализм — категория историческая. Человеку свойственно искать свои корни. И чем дальше они идут в глубь, тем очевиднее видятся интернациональные связи языков и культур. В беседе с Фаизом Ахмадом Фаизом киргиз Чингиз Айтматов сказал, на мой взгляд, очень точно о процессах, происходящих сегодня: «Сохраняя свою разность, народы тем временем сблизились настолько, что это стало фактором истории — все мы на каждом шагу ощущаем взаимовлияние и живем в стихии все возрастающей взаимосвязи культур. И это — одна из наиболее характерных черт нашего времени и нашего в нем бытования.

Более того, это фактор долговременного действия, дальнейший ход и последствия которого мы вряд ли сейчас и состоянии провидеть».

Гляжу в будущее с оптимизмом. Верю, что наши потомки будут культурнее, духовнее нас. Конечно, если мы постараемся сделать все возможное, чтобы было так...

1987

Обогащая наш духовный опыт

Прекрасно, что мы сейчас много, открыто говорим об интернационализме, о дружбе народов, не мнимой, не показушной, а подлинной, о культуре межнациональных отношений, о воспитании чувства уважения, интереса к истории, культуре, быту, языку других народов. Важно только не скатываться в этих понятиях до примитивизма, до бюрократической трескотни и словоблудия.

Между тем такая тенденция существует, в чем я имел возможность убедиться, участвуя в разных совещаниях, научно-практических конференциях, пленумах, посвященных этой важной, острой проблеме.

В последнее время особенно часто прибегая на всех уровнях к высоким понятиям «национальное» и «интернациональное», мы, как мне кажется, заметно скатываемся к примитивизму, облегченным схемам и даже к заурядной пошлости. При этом забываем простые истины: ведь если в автобус набиваются представители двух-трех десятков национальностей, то это совсем еще не говорит об интернационализме, это еще вовсе не «чувство семьи единой» (П. Тычина), а всего-навсего «ужасное чувство локтя» (О. Сулейменов). И уж совсем тоскливо становится, когда упорно путают объемное понятие «интернационализм» с самыми обыденными и банальными семейно-брачными отношениями. То и дело слышишь восторженные излияния о том, что, дескать, в

той или иной семье полный интернационализм, ибо, видите ли, муж — казах, жена — немка, а дети... кто киргиз, кто грузин. Ну и это еще куда ни шло. А то еще иные мудрецы договариваются до того, что интернационализм подвержен унификации, сплошной нивелировке, подходят к полному беспамятству — манкуртизму, выдвигают в подлинники интернационалисты тех, кто от кого-то ушел, но до кого-то не дошел, кто не тут и не там, ни рыба и ни мясо. Избавь аллах от такого интернационализма!

А иногда шарахаются в другую крайность. Придирчиво устанавливают, выясняют национальность там, где в этом вроде никакой очевидной надобности и нет, скажем, при устройстве в гостиницу или вступлении в шахматный клуб, будто так уж важно знать, представитель какой нации провел ночь на казенной кровати или двигал фигуры по черно-белым клеткам...

Так вот, говоря о национальном и интернациональном в литературе, осмысливая уроки прошлого и вглядываясь в современность, хотелось бы особенно предостеречь от реальной опасности низвергнуть высокие идеи и помыслы, получившие теоретическое обоснование и художественное воплощение в лучших творениях прошлого и настоящего, в болото расхожей беллетристики, облегченной схемы, в бытовую пошлость. И тенденция эта не должна казаться безобидной, невинной, ибо она исподволь создает представление о беспроблемности национальных процессов, происходящих в недрах общества. А такое представление — ложное. Литература должна работать не на нивелировку, не на унификацию подлинно национального, а нацеливать человека социально-психологически, культурно-этически на восприятие особенностей, культуры и быта разных национальностей. Именно такая настроенность ведет к интернационализму, и именно таков урок истории, способствующий осмыслению современности.

Сколько сказано и написано слов о дружбе народов, об единстве, о взаимовлиянии и взаимодействии культур. Но имеем мы зачастую друг о друге весьма поверхностное представление. Помню, в конце 1986 года мы, представители пяти национальных литератур Казахстана, приехали в Москву на расширенное заседание секретариата Союза писателей СССР, где обстоятельно, в весьма мажорной тональности говорили об интернационализме в многонациональной литературе республики, прославившей «планетой ста языков» и «лабораторией дружбы народов». А в перерыве, еще возбужденные оказанной нам честью, сбившись в тесный круг в холле Союза писателей СССР, мы как-то неожиданно принялись расспрашивать друг друга: «А каким образом в Казахстане очутились корейцы?», «Когда прибыли греки?», «А откуда взялись турки?», «Как случилось, что в Казахстане оказался миллион немцев?», «С каких пор обитают в республике уйгуры и где, собственно, их исконная земля?» И тут выяснилось, что у нас, литераторов, обо всем этом весьма приблизительные и туманные понятия. И еще... что привычно разглагольствуя об единстве, мы фактически разбрелись и замкнулись в национальных квартирках. Вернувшись в Алма-Ату, мы попали в известные декабрьские события, ошарашившие и ошеломившие многих из нас.

Не свидетельствует ли это о том, что мы, живя многие годы, десятилетиями под одной крышей, друг друга просто-напросто плохо знаем?..

Сказанное относится и к близкой мне советской немецкой литературе. Казахская поговорка «Незрячий и верблюда не приметит», по-моему, вполне приложима к ней. Упоминание о советской немецкой литературе почему-то стойким образом сопровождается удивлением: для одних это новь, для других — нечто реликтовое, нечто такое, что обречено на забвение, но каким-то образом все еще существует и гальванизируется.

Очевидно одно: предмет этот недостаточно известен и изучен. Так в чем же дело? Ну, понятно, имели место разные ограничения, извращения, перегибы, произвол и «ошибки», приписываемые определенному этапу многотрудной нашей истории, были долгие годы безмолвия, когда в промежутке между 1941 и 1956 годами ни один советский немецкий литератор не мог опубликовать и строчки на родном языке. Все это было, было...

Но, с другой стороны, прошло немало лет, и многое, очень многое выправляется, налаживается. Не стану здесь перечислять все позитивное, что сделано в этом направлении. Это известно и очевидно. И все же, как и прежде, я получаю много писем из разных уголков необъятной Отчизны, в которых вновь и вновь ставятся те же вопросы: каким образом немцы оказались в Казахстане (в Сибири, в Киргизии, на Алтае), есть ли у них культурная жизнь, сохранилась ли довоенная периодическая печать на немецком языке в архивах, что и где издается о советских немцах, где можно прочесть об их истории, культуре, литературе, этнографии, где сказано об участии граждан немецкой национальности в Великой Отечественной войне, где можно найти работы советских немецких художников, композиторов, историков, фольклористов, писателей двадцатых-тридцатых годов, изучает ли кто диалекты советских немцев, какие изменения претерпел их менталитет, т. е. склад ума, система миропонимания и т. д. и т. п.

Если бы подобные вопросы задавал народ мало сведущий, не очень-то в грамоте искушенный... Так нет, спрашивают люди весьма грамотные — кандидаты наук, преподаватели, даже дипломированные германисты. И я терпеливо отвечаю вновь и вновь, недоумевая при этом: ведь кое-что все-таки говорится и пишется в нашей периодической печати или отдельных исследованиях. Значит, не доходит до читателя? Или читатель недостаточно любопытен? Откуда такая поразительная

неосведомленность? Отвечая на подобные письма, я не только недоумеваю, но и радуюсь. Значит, не все поддается губительному влиянию всеобщего беспамьяства, люди нет-нет да и задаются вопросом «Где наши корни?», в них просыпается национальное самосознание.

Конечно, верно, что тираж исследований историков и литературоведов В. Эккерта, К. Эрлиха, Д. Вагнера, В. Клейна, И. Кроневальда, Л. Малиновского ничтожен. Русскоязычный читатель о них не ведает. Да и учащиеся немецкой национальности, прилежно изучая в школах историю Древнего Рима и Греции, представления не имеют, кто они, откуда родом, то есть не знают своей всего-навсего двухвековой истории.

Нет смысла доказывать, к чему приводит историческое беспамьяство, незнание своих корней, основных этапов своеобразной судьбы народа, атрофия чувства сопричастности к живому прошлому. Историческое самосознание — не мертвая абстракция. Небрежение к национальной истории оборачивается, как правило, необратимыми, трагическими потерями. Очень верно выразился Федор Абрамов: «Народ умирает, когда становится населением. А населением он становится тогда, когда забывает свою историю». Менее всего я хотел бы винить в этом советских немецких литераторов. Слишком продолжительным оказался тот период, когда благое желание писать о своем прошлом, об истории своего народа, мягко говоря, не поощрялось. Да и потом, когда настал конец «периоду безмолвия», условия никак не благоприятствовали художественным размышлениям об историческом самосознании. Очень многое — близкое, кровное, больное — табуировалось, считалось неприлично, стыдно даже говорить об этом.

Не скажу, что советские немецкие литераторы обходят свое прошлое стороной. Достаточно вспомнить известные романы и повести Д. Гольмана, В. Клейна, Р. Кёльна, А. Закса, А. Реймгена, В. Брунгардта, А. Де-

больского, в которых раскрываются панорама колоритной народной жизни, незаурядные мужественные образы новых людей, картины, обычаи, нравы немецкой деревни в канун революции и в первые годы Советской власти. Произведения названных авторов восполняют значительный пробел в советской немецкой литературе, отражая исторический этап в духовном становлении и развитии советских немцев. В последние годы объектом исследования и художественного осмысления стали и годы «затяжного безмолвия», воссозданные через детское восприятие, в исповедально-лирическом ключе в повестях и рассказах Р. Вебера, Г. Вормсбехера, В. Гейнца, В. Шнитке, К. Шифнера.

А вот в современной казахской прозе исторический роман — пожалуй, ведущий жанр. В самом деле, на память прежде всего приходят такие широко известные произведения, как «Путь Абая», «Ботагоз», «Пробужденный край», «Улпан», «Яик — светлая река», «Кочевники», «Стрела Махамбета», «Возвращение Учителя», «Плеяды — созвездие надежд», «Предрассветные сумерки», «Вешние снега», «Шелковый путь», романы о Чокане, об Ибрае, Ахане-серэ, Жаяу-Мусе, Султанмахмуде, Амангельды и т. д. Список можно продлить на две-три страницы.

Тяга казахских прозаиков к историческому жанру кажется мне закономерной, естественной. В этом видится проявление национального самосознания, стремление выяснить и определить свои исторические корни, уяснить свою значимость во времени и пространстве. Психологически это та же борьба против глобального манкуртизма. И философски, диалектически подобный взрыв историзма оправдан. Каждый народ стремится к самовыражению своей сущности. А еще Гегель утверждал: «Сущность это прошлое».

Думаю, надо радоваться, что в национальном кордуне казахов имеются столь значительные и весомые

произведения Ауэзова, Нурпеисова, Алимжанова, Кекильбаева. И не надо особенно сетовать на то, что в казахской литературе преобладает исторический жанр. Что ж... такова ее природа, ее своеобразие наконец. К тому же старая истина: подлинно историческое произведение — всегда современно. Недавно переведенный мною роман Абиша Кекильбаева «Елен-алан» (в русском переводе «Всполохи») об истории присоединения Казахстана к России представляется мне очень современным, своевременным и даже злободневным.

Настораживает другое: то, что в этом жанре много тусклых, невзрачных поделок и скороспелок, в которых подлинной истории с гулькиным носом, а все остальное — той, кумыс, бесбармак, чай, «аттан-аттан», «ойбай-ойбай», скачки, состязание балуанов и обжор и еще для «оживляжа» — «ауылдың маңы терең сай» — «вблизи аула овраг глубокий», в котором, случается, иногда что-то происходит. Вот и весь антураж. Вот на подобное производство «исторических» романов надо бы более решительно направить критические стрелы.

Некоторое время в Казахстане с разных трибун допительно настойчиво муссировался тезис о мононациональности нашей литературы. Конечно, тезис этот возник не на голом месте. Расхожий стереотип в изображении национальных героев, должно быть, надоел и самим писателям, и они понемногу начали предпочитать главным образом писать о «своих». Говорить об инонациональном стало хлопотно. Критику старательно избегали. Считалось неприличным, скажем, немцу изображать отрицательного казаха и наоборот. Нашлось объяснение: дескать, невозможно изображать национальный характер, не вникнув в его глубинную суть. Постулат совершенно правильный, однако он — и косвенно, и прямо — оправдывал национальную замкнутость, сугубую специфику, уход в локальную жизнь, что закономерно приводило в конечном счете к одно-

бокости ценностных ориентаций, к искусственному ограничению и искажению реальной действительности в художественном творчестве.

И, если исходить из этого, то в тезисе о мононациональности нашей литературы (что вполне справедливо считается серьезным недостатком) есть доля истины. И все-таки, думается, лишь доля. Мононациональность — никак не характерное свойство всех казахстанских литератур последних десятилетий. Для советской немецкой литературы мононациональность никак не характерна. Ни ранее, ни теперь. Российские немцы всегда жили в тесном контакте с представителями разных народов. И этот факт, естественно, всегда отражался в литературе. Достаточно вспомнить образы русских, украинцев, казахов в произведениях основоположников советской немецкой литературы. Вспомним колоритный образ казахского юноши Қошентай в повести Франца Шиллера «Картины классовой борьбы в степи». Или сквозной, главный герой романа Г. Завацкого «Мы сами» — казах по имени Киндыбай. О советской немецкой литературе послевоенного периода и говорить нечего: она пестрит инонациональными героями — русскими, украинцами, казахами, татарами, корейцами, чеченцами, ингушами, киргизами, манси. И опять-таки это естественно: литература отражает жизнь, а среда советских немцев многонациональна.

Мононациональность не свойственна и казахстанской русской литературе. Возьмите романы М. Симашко, И. Щеголихина, А. Сергеева, повести Ю. Герта, Ю. Плашевского, В. Старкова, биографические повествования П. Косенко и многие другие.

Нельзя категорически обвинять в грехе мононациональности и казахскую литературу. В романе Тахави Ахтанова «Да не угаснет твоя свеча» — сплошь украинцы, белорусы, русские; в повести Ади Шарипова «Звезды в темнице» — опять-таки белорусы, русские,

украинцы. Критик Л. Аннинский считает принципиальным достижением казахского прозаика Абдижамила Нурпеисова русских героев из его трилогии «Кровь и пот». Вспомним образы русских в произведениях К. Исмакова, С. Жунусова. Или немцев в произведениях К. Исабаева, А. Джагановой, К. Казыбаева, С. Муратбекова. А роман Мусрепова «Пробужденный край»? А образы казахов в моих скромных писаниях? Словом, на мой взгляд, мононациональность — отнюдь не главная беда казахстанской литературы.

К тому же тезис этот не кажется мне безобидным. Иные ретивые писаки, исходя из него, начнут ориентироваться на полинациональность и тотчас напищакуют свои опусы целой ротой инонациональных гомункулов.

Действительно, весьма серьезный вопрос — национальное и общечеловеческое. Какое тут должно быть соотношение? Герой, обладающий сугубо национальными свойствами, локальными, так сказать, приметами, в состоянии взволновать инонационального читателя? Близок ли он ему? Понятен ли? Или художнику есть резон в угоду общечеловеческому поступиться «чисто» национальным, приглушить национальное своеобычие, национальное мировосприятие и мирозерцание, то есть то, что немцы называют объемным словом «менталитет»?

Я понимаю этот вопрос так.

Есть истинное и ложное. Или, скажем, приблизительно. Существует огромный поток литературы, авторы которой все знают весьма приблизительно, умозрительно — и фактуру, и антураж, и тему, и направление. И герои их приблизительно, малокровные. В лучшем случае они носят национальную фамилию или шапку, но нет в них национальной сути, обличья, запаха, свойства. Есть только искусственные человечки — гомункулы. Подobie. Схема. Такой герой может цедить

бокости ценностных ориентаций, к искусственному ограничению и искажению реальной действительности в художественном творчестве.

И, если исходить из этого, то в тезисе о мононациональности нашей литературы (что вполне справедливо считается серьезным недостатком) есть доля истины. И все-таки, думается, лишь доля. Мононациональность — никак не характерное свойство всех казахстанских литератур последних десятилетий. Для советской немецкой литературы мононациональность никак не характерна. Ни ранее, ни теперь. Российские немцы всегда жили в тесном контакте с представителями разных народов. И этот факт, естественно, всегда отражался в литературе. Достаточно вспомнить образы русских, украинцев, казахов в произведениях основоположников советской немецкой литературы. Вспомним колоритный образ казахского юноши Қошентая в повести Франца Шиллера «Картины классовой борьбы в степи». Или сквозной, главный герой романа Г. Завацкого «Мы сами» — казах по имени Киндыбай. О советской немецкой литературе послевоенного периода и говорить нечего: она пестрит инонациональными героями — русскими, украинцами, казахами, татарами, корейцами, чеченцами, ингушами, киргизами, манси. И опять-таки это естественно: литература отражает жизнь, а среда советских немцев многонациональна.

Мононациональность не свойственна и казахстанской русской литературе. Возьмите романы М. Симашко, И. Щеголихина, А. Сергеева, повести Ю. Герта, Ю. Плашевского, В. Старкова, биографические повествования П. Косенко и многие другие.

Нельзя категорически обвинять в грехе мононациональности и казахскую литературу. В романе Тахави Ахтанова «Да не угаснет твоя свеча» — сплошь украинцы, белорусы, русские; в повести Ади Шарипова «Звезды в темнице» — опять-таки белорусы, русские,

украинцы. Критик Л. Аннинский считает принципиальным достижением казахского прозаика Абдижамила Нурпеисова русских героев из его трилогии «Кровь и пот». Вспомним образы русских в произведениях К. Исакова, С. Жунусова. Или немцев в произведениях К. Исабаева, А. Джагановой, К. Казыбаева, С. Муратбекова. А роман Мусрепова «Пробужденный край»? А образы казахов в моих скромных писаниях? Словом, на мой взгляд, мононациональность — отнюдь не главная беда казахстанской литературы.

К тому же тезис этот не кажется мне безобидным. Иные ретивые писаки, исходя из него, начнут ориентироваться на полинациональность и тотчас напищакуют свои опусы целой ротой инонациональных гомункулов.

Действительно, весьма серьезный вопрос — национальное и общечеловеческое. Какое тут должно быть соотношение? Герой, обладающий сугубо национальными свойствами, локальными, так сказать, приметами, в состоянии взволновать инонационального читателя? Близок ли он ему? Понятен ли? Или художнику есть резон в угоду общечеловеческому поступиться «чисто» национальным, приглушить национальное своеобразие, национальное мировосприятие и мирозерцание, то есть то, что немцы называют объемным словом «менталитет»?

Я понимаю этот вопрос так.

Есть истинное и ложное. Или, скажем, приблизительно. Существует огромный поток литературы, авторы которой все знают весьма приблизительно, умозрительно — и фактуру, и антураж, и тему, и направление. И герои их приблизительно, малокровные. В лучшем случае они носят национальную фамилию или шапку, но нет в них национальной сути, обличья, запаха, свойства. Есть только искусственные человечки — гомункулы. Подobie. Схема. Такой герой может цедить

кумыс, теревить бородку, вздыхать: «Ия, алла...», тренькать на домбре, но это еще не казах. Такой герой может бешено сверкать глазами, носиться диким наметом по краю пропасти, картинно осушать рог, восклицать: «вах, генацвале!», но это еще не грузин. Такой герой может ходить в пестрой тубетейке и полосатом халате, сидеть возле горы дынь, потягивать кок-чай, поминутно твердя: «пул, пул» или «алын, алын», но это еще не узбек.

Увы, по такому трафарету и ныне еще нередко срабатываются национальные персонажи. И, понятно, ведет это к заурядному шарлатанству, и такие создания далеки как от аула национального, так и от города интернационального.

С другой стороны, герои «Прощай, оружие» или «Стон горы», или «Степного волка», или «Сто лет одиночества», или «Буранного полустанка», или «Крови и пота» близки и понятны, душевно и кровно родственны всем, а не только японцу, немцу, испанцу, киргизу, казаху. Они сугубо национальны. И одновременно интернациональны. Общечеловечны.

Отсюда вывод: все истинное, подлинное — всечеловечно. Истинно национальное — всегда интернационально. Чем больше подлинно национального, тем оно ближе всечеловеческому.

Впрочем, истина стародавняя. Ее утверждал еще Белинский.

Тревожит еще одно обстоятельство. Мы столько лет не касались этих тем, что высокие понятия — национальное и интернациональное — примитизировались донельзя. К сожалению, для иных национальное — это «свое», а интернациональное — «чужое». Иным все еще чудится, что если кто-то печется о сугубо национальном, тот патриот своего народа, а кому дорого интернациональное — чуть ли не космополит.

Я убежден, что если человек одной национальности

проявляет истинный, бескорыстный интерес к культуре другой национальности — это, несомненно, благо, это следует приветствовать, ибо нередко инонациональное воспринимается более обостренно, чутко, тонко, более глубоко, обнаженно и свежо. Кому плохо оттого, что немец А. Эйхгорн изучил казахский музыкальный фольклор и опубликовал первое научное исследование о казахской народной музыке? Кому плохо оттого, что поляк А. Затаевич проявил столь благородный интерес к казахским песням и кюям? Кому плохо оттого, что немец Бартольд или еврей Жирмунский уделили много внимания казахскому эпосу? Кому плохо оттого, что казах М. Курманов внес посильный вклад в гетеведение? Кому плохо, если казах Б. Атабаев душевно заинтересован в развитии советского немецкого театра и драматургии? Кому плохо оттого, что немец Теодор Герцен иллюстрирует четырехтомное издание киргизского героического эпоса «Манас»? Кому плохо оттого, что казах О. Сулейменов влюбленно и углубленно изучает величайший древнерусский памятник? Или, наконец, кому плохо оттого, что я пытаюсь выразить свое отношение, свою любовь к казахскому языку, к казахской литературе, к которым не могу быть равнодушным хотя бы по своему воспитанию?

Явление это, бесспорно, прогрессивное. А ведь между тем нет-нет да и приходится слышать: «Эй, какое ему дело до нас?!» Оракулы «чистой расы», «очагового патриотизма», «локально национального» ратуют за то, чтобы каждый в отдельности, не подпуская «чужих», возделывал только «свой» огород, пас только «свою» отару, заботился только о «своем» роде-племени.

Это опасное заблуждение. Это вчерашний день. Это узкая, полузаглушающая тропинка, ведущая как раз к национальной ограниченности, национальному чванству. Последствия такой тенденции разрушительны и самоубийственны. И потому я радуюсь тому, что в группе

при КазГУ, где готовятся журналисты для советской немецкой прессы, радио и телевидения, вместе с немцами учатся русская Елена Петухина и казах Нурлан Сыздыков. Радуюсь, что казахской филологии решил посвятить себя немец Владимир Шнайдер.

Об этом также следует говорить — устно и печатно — открыто, убежденно, доказательно. Взаимоузнавание, взаимоуважение, взаимопроникновение, взаимовлияние, взаимодействие — один из реальных и эффективных путей к развитию всечеловеческой культуры, а, следовательно, к интернационализации, к гуманизации души.

1988

В многоголосице единого хора

Человек —
сродни дереву:
без корней жить он
не может.
Корни эти незримы, ибо
таятся в глуби
родимой земли.

Роберт Вебер

В 1736 году из основанного всего годом раньше на краю загадочных киргиз-кайсацких степей укрепления с многозначительным, еще не привычным названием Оренбург («Уши-город») вышел караван, ведомый английским путешественником Джоном Кестли. После многодневного пути, преодолев огромное, почти безлюдное пространство — всхолмленные бурые степи, изрезанные редкими речками, едва покрытые скудной травой и чахлым кустарником, окаймленные зыбким и причудливым миражом, над которым упоенно заливался одинокий жаворонок — караван прибыл, наконец, в ставку хана Абулхайра, чей Джуз незадолго до того добровольно присоединился к России. Любознательный и дотошный путешественник Джон Кестли не владел ни русским, ни казахским языками. Он вел свой путевой дневник по-немецки, беседовал с приближенными хана с помощью двух переводчиков. Один из них был татарин-слуга по имени Кулбай, другой — подросток-немец, подмастерье из Оренбурга Дитрих Юстус. Когда известный казахский прозаик Абиш Кекильбаев принес мне однажды фотокопию путевых записок Джона Кестли, я подумал: а не является ли тот скромный отрок-толмач Дитрих Юстус самым первым, кто волею судьбы оказался у истоков немецко-казахских взаимоотношений? Ну, если и не самым первым (историкам это виднее), то одним из первых, полагаю, несомненно. Кто знает,

может, то было первым, пусть неосознанным импульсом взаимной тяги и взаимопонимания, начальной точкой сближения, а впоследствии — пересечения и тесного единения судеб двух наций, двух народов, прошедших столь разное историческое и культурное развитие. Во всяком случае именно оттуда, из той исторической дали, хочется думать, тянется нить искреннего взаимного интереса и духовных контактов между немцами и казахами.

Да, бескрайняя Казахстан знала не только верноподанных, услужливых царедворцев и колонизаторов с немецкими фамилиями, таких, как генерал-губернатор Г. Х. Гасфорд, с тонким юмором высмеянный Чоканом Валихановым, генерал Фридерикс, или, скажем, генерал-адъютант К. П. Кауфман и правитель его канцелярии А. К. Гейнс, но и многих-многих передовых, прогрессивных, гуманистически и демократически настроенных немцев, которые шли в Степь с чистым сердцем и добрыми побуждениями, стремясь прежде всего открыть, постичь, познать ее и народ, изучить историю, быт, язык и культуру и сделать все это достоянием большого мира, других народов и племен.

В этой связи на ум приходят весьма известные и менее знакомые имена ученых-тюркологов, историков, путешественников, литераторов, как, к примеру, П. С. Паллас, Г. Ф. Миллер, В. В. Бартольд, В. В. Радлов, Н. И. Пестель, И. И. Гейер, Г. К. Гинс, оставивших немало капитальных трудов, исследований и точных этнографических описаний и наблюдений о казахам и их самобытном жизненном укладе и культуре.

Следует в этом ряду вспомнить и музыковеда А. Эйхгорна, который в 80-е годы прошлого века выехал в казахскую степь, записывал казахские песни и собирал образцы казахских народных инструментов. А. Эйхгорну принадлежит написанный по-немецки труд «Казахская музыка», включающий нотные записи нескольких

казахских песен и кюев. По свидетельству академика А. К. Жубанова, это первое научное исследование казахской музыки (см. А. К. Жубанов. Соловьи столетий. Алма-Ата, 1967. С. 8).

Уместно здесь напомнить, что среди 550 народников, высланных царизмом в Казахстан (данные историка В. З. Галиева), были представители и немецкой национальности. Назовем здесь Е. П. Михаэлиса, дружба которого с Абаем длилась двадцать лет, до самой смерти великого казахского поэта. О Е. П. Михаэлисе, искреннем друге казахов, многостороннем ученом, проводившем ряд естественно-географических обследований и исследований в Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областях, написано немало. Среди друзей Абая был известен и другой народник, немец по национальности, уроженец Саратова — Александр Львович Блек. В 1883—1884 годах он находился в ссылке в Семипалатинске и при его участии и содействии в городе были организованы музей и библиотека (см. В. З. Галиев. Ссылные революционеры в Казахстане. Алма-Ата, 1978. С. 132).

Подобных фактов и примеров можно привести немало. Казахские просторы, «киргизская вольница», как писали в прошлом веке, манила, притягивала. Шли годы, и контакты — дружеские, хозяйственные, даже родственные — между казахами и немцами все более активизировались и разветвлялись. В конце прошлого и начале нашего века поселяются в Казахстане в поисках лучшей доли немцы из разных глубин России, образуются целые немецкие поселения. Так, в 1933 году, например, на территории Казахстана имелось 33 немецких сельсовета. В одной Акмолинской области было четыре немецких сельсовета. В 1934 году их в Казахстане было 26 (см. кн. В братском единстве. Алма-Ата, 1972. С. 458).

Ни один народ не в состоянии жить в изоляции, тем

более в стране, последовательно проводящей политику свободы, равенства и братства всех народов и наций. И ни в одной литературе не могут быть не отраженными подлинные факты дружбы, единения и родства народов. Не составляет исключения и советская немецкая литература.

«Киргизские» (собственно казахские) мотивы можно встретить в фольклоре «русских» немцев, в некоторых произведениях буржуазно-либерального толка, опубликованных еще до Октябрьской революции. Отдельные сведения о казахско-немецких отношениях просачивались в печать Поволжья в первые годы Советской власти. Покойный Давид Вагнер познакомил как-то автора этих строк с любопытной заметкой из «Майштубе» за 1927 год, где описывались любовь и брак реальных «киргиза Якоба» и немки Амалии, что позволило мне потом написать рассказ под названием «Жакып-Якоб».

Герхард Завацки, написавший в 30-е годы объемистый (48 п. л.) роман «Своими руками», один из первых в советской немецкой литературе создал образ казаха по имени Киндыбай. Смышлениый, деятельный, верный в дружбе бедняк Киндыбай показан автором с искренней симпатией и теплотой. Образу этому посвящено немало страниц романа.

Интересный образ казахского подростка Кошентай создал известный литературовед и историк западно-европейской литературы Франц Шиллер в автобиографических рассказах, объединенных в книгу «Картины классовой битвы в степи» и изданных в г. Энгельсе в 1930 году. «Было что-то непривычное, но притягательное в его тихой, робкой улыбке, в смуглом, загорелом лице и маленьких узких глазах. Зимой и летом он носил одну и ту же одежду: длинный чапан с подпояской, киргизскую шапку и валенки... Кошентай говорил на ломаном русском языке и называл нас, немцев. «алемана-

ми»... Автор с удовольствием вспоминает друга своей юности, приводит очень верные, точные этнографические детали, отражающие жизнь и быт степняков-кочевников (степь, юрта, скачки, угощения и т. д.).

В военное лихолетье десятки и сотни тысяч советских немцев обрели в Казахстане надежный приют. Именно в то суровое время формировались и крепились, обретая конкретный смысл, содержание и форму, искренняя человеческая близость, то духовное родство, которое впоследствии точно и емко было выражено поэтом Карлом Вельцем в формуле: «как брат среди братьев». С полным основанием Карл Вельц пишет:

Казахом он по-братски был привлечен,
Не чувствовал себя как пришлый гость.
И голос его звонкий был замечен:
Шагал мой брат по жизни во весь рост!

перевод Б. Пчелинцева

Мне не однажды приходилось говорить и писать, как в тяжкие годы казахи по-братски делили с сосланными немцами каждую горсть толченого проса и миску айрана. И это не метафора, а живая реальность, которую могут подтвердить многие и многие немцы, особенно моего поколения. То были годы великого испытания на человечность, дружбу, верность наших гуманистических идеалов. И о том написано немало. Возьмем, к примеру, творчество Александра Реймгена, летописца великих преобразований в Голодной степи, создавшего ряд колоритных и достоверных образов представителей казахской национальности в рассказах «Первые» (Кемельбеков), «Черный камень на хлопковом поле» (Қасым-аға, Шолпан-апа), в повестях «Где свищет ветер пустыни» (Мупасса и ее мать), «...И ни шагу назад!» (Кудайбергенов и Аблазимов), в поэме «Сказ о моих друзьях» (Беков), романе «Вкус земли» (Утебай Муратбеков, Кенес) и другие. Писатель с любовью и

тонким тактом выписывает лучшие черты национального характера казахов — открытость, искренность, дружелюбие, гостеприимство, общительность, душевную щедрость и отзывчивость.

Отдельные удачные попытки в изображении казахского быта и казахов встречаются в маленьких рассказах «Шинель партизана», «Слякотная погода» Генриха Кемпфа, в повестях «Решение» Э. Ульмер и «Роковая встреча» В. Фейста. Казахскими мотивами пронизаны циклы стихов Р. Вебера «Казахстанская тетрадь» и Г. Генке «По республике», рассказы А. Гассельбаха «Первый снег», Ф. Больгера «Кусочек хлеба», Г. Пфедфера «Рахмет», поэма Л. Майера «Мой дядя Темирбек», многие стихотворения К. Вельца, Н. Ваккер, Р. Пфлюг, Д. Иоста, В. Гейнца, Г. Арнгольда, А. Бретмана и др. Примечательно, что некоторые советские немецкие поэты проявляют интерес к казахским легендам и по своему пересказывают, интерпретируют их («Асан» Г. Кемпфа, «Легенда о Бес-кунак» Н. Ваккер, «Последние дни Коркута-ата» В. Гейнца).

Можно бы было составить объемистый том стихов советских немецких поэтов, посвященных Казахстану, где во всех уголках живет около одного миллиона немцев, которые успешно трудятся на всех участках народного хозяйства, возделывают землю, выращивают хлеб, добывают руду, строят дома, преподают в школах, участвуют в культурной жизни. Несколько лет назад была предпринята такая попытка — издательством «Жалын» был выпущен сборник стихов казахстанских немецких поэтов под характерным названием «Мой Казахстан». С высоты нынешнего времени слабости и недостатки этого сборника определенно заметны, однако казахстанская тематика в нем прозвучала, кажется, довольно явно.

Много стихов посвятили советские немецкие поэты описанию богатой и разнообразной природы необъят-

ной республики — от многожды и на многих языках воспетых красот Северного и Центрального Казахстана (Кокче-тау и Баян-аул) до рукотворного моря на юге республики Чардара. И не случайно Нора Пфеффер написала восторженную «Песню о Казахстане», в которой призывает поспешить «окинуть взглядом красоту родной земли», называет Алма-Ату «краем в зелени карагачей». Каждую строфу «Песни о Казахстане» заключает ликующий рефрен:

Казахстан!
Стоят стеною горы.
Казахстан!
Молчат в степи озера.
Выше гор
Одно лишь поднебесье.
На простор
Из сердца льется песня.

перевод Л. Степановой

Доминик Гольман, восхищенный утопающей в садах Алма-Атой, голубизной ее неба, розами, парками, великолепием, пышностью «сахарноголового» Алатау, сравнивает это диво со сказкой, сотворенной волшебником.

Александр Бретман, Карл Вельц, Давид Иост называют с полным, заслуженным правом родную республику «Моим Казахстаном».

Казахстан — не просто место жительства для миллиона советских немцев. Это раздольный край, где имеются безграничные возможности для физического и духовного роста и совершенства, подлинно свободного труда и творчества, приложения всех своих потенциальных сил и осуществления своих стремлений и надежд, для осознания своей значимости на земле и утверждения чувства национального достоинства и гражданства в семье многоязычных народов. Роберт Вебер в стихотворении «Караганда» пишет:

Хорошо, что ты знаешь все языки,
И мой тоже...

Да, на этой стоязычной планете давно уже звучит и немецкий язык. Здесь на немецком языке выходит ежедневная республиканская газета «Фройндшафт»; функционируют немецкий драматический театр и разъездной эстрадный немецкий ансамбль; для немецкого населения ежедневно вещает республиканское радио; при издательстве «Казахстан» на немецком языке издается художественная и общественно-политическая литература.

Естественно, что казахские и казахстанские мотивы звучат с каждым годом все громче и проникновеннее в творчестве советских немецких писателей, художников и композиторов.

Успехи и достижения казахской национальной культуры неизменно находятся в поле зрения и радуют, восторгают и воодушевляют советских немцев. В деле пропаганды, например, казахской литературы огромную роль играют газета «Фройндшафт» и немецкая редакция при издательстве «Казахстан». Невозможно перечислить статьи, обзоры, репортажи и заметки о тех или иных явлениях казахской литературы, опубликованные почти за четверть века на страницах газеты «Фройндшафт». Немыслимо сосчитать все переводы рассказов, поэм, стихотворений, глав из повестей и романов казахских писателей, осуществленные за три десятилетия советскими немецкими литераторами, из которых трудно назвать кого-либо, кто бы не занимался переводами. Уместно здесь вспомнить о таких книгах, выпущенных издательством «Казахстан» на немецком языке, как сборник казахской поэзии «Ритмы степей», «Рассказы казахских писателей», «Казахские народные сказки». Книги эти не остались незамеченными. А «Казахские народные сказки» (перевод Н. Пфедфер и К. Эрлиха) на Всесоюзном конкурсе на лучшую книгу 1983 года были отмечены Дипломом первой степени.

Казахские мотивы в произведениях советских немец-

ких писателей, а также образы представителей казахской национальности, создаваемые немецкими литераторами, отнюдь не являются данью расхожим схемам или голым декларациям, это правда жизни, реальность, будни. Могу сослаться и на свой скромный литературный опыт: мне, выросшему в казахском ауле, окончившему казахскую школу, постоянно занимающемуся казахской литературой, просто невозможно, немыслимо не писать обо всем казахском, о том, что меня окружает, привлекает, интересует и что вошло, как говорится, в плоть и кровь. При этом я убежденно отношу себя к советской немецкой литературе.

Здесь, кстати, отмечу, что в свою очередь образы немецкой национальности довольно часто встречаются и в произведениях казахских писателей. Вспомним, к примеру, Эмилию из рассказа А. Джагановой «Без вины», ставшего фильмом, учительницу Эмму Ивановну Таурих из пьесы «Пораненные цветы» С. Жунусова, Зигфрида Вагнера из повести «Дети одной семьи» М. Магауина, кузнеца Карла из повести «Дикая яблоня» С. Муратбекова, семью Гальфингеров из романа «Изморозь» К. Казыбаева, Карла Карловича из повести «Жар-птица» О. Сарсенбаева, немца-мальчишку с казахским именем Бахытжан Дабылов из повести «Чика — сын Дабыла» М. Каназова, симпатичную, печальную певунью Эмму из рассказа «Песня» С. Сматеева, Альфреда из рассказа «Геноссе Бартоломео» А. Тарази, молчаливого, сдержанного шофера Фридриха из романа «Долг» А. Нурпеисова и т. д. Это живые, полнокровные образы, взятые из нашей действительности, из повседневной жизни, вылепленные с любовью и симпатией, с проникновением в национальную суть, убедительно и ярко.

Говорить об этом здесь необходимо потому, что речь по сути дела идет о наиболее существенной примете нашего времени — о взаимоотношениях и взаимовлия-

ниях культур, о диалектической взаимосоотнесенности национального и интернационального.

Совершенно очевидно, что Казахстан в творчестве советских немецких писателей самым определенным образом ассоциируется с всеобъемлющей темой Родины. И это понятно. Казахстан — судьба. «Ты мой родимый дом!», «Моя республика родная», — заявляет Карл Вельц. Розе Пфлюг кажется, что домбра в руках аксакала поет о «стране, похожей на птицу, полет свой стремящую к солнцу».

Арно Прахту чудится, что даже «рельсы монотонно гудят: «Казахстан! Казахстан! Казахстан!» А Эльзе Ульмер слышится, что «Степь-степь-степь... — выстукивает поезд».

Странно все это слышать! Иногда даже неловко оспаривать эту откровенную неправду. Более двухсот лет назад прибыли в Россию предки советских немцев, а некоторые даже значительно раньше известных манифестов Екатерины II. И покинули они свои насиженные места в Вестфалии, Пфальце, Баварии, Саксонии, Швабии, Эльзасе-Лотарингии, Швейцарии и т. д. отнюдь не от хорошей жизни. Переселенцы шли-текли потоками в Россию, влекомые надеждой. И как говорит Александр Реймген:

Нет, не ошибся предок мой далекий,
Предвидел он взволнованной душой,
Что из России паводком широким
Мир потечет, охватит шар земной.

перевод В. Назарова

Ну, насчет «предвидел», допустим, — поэтическая вольность, перехлест, однако, очевидно, что, очутившись в России, «в стране немеркнущих рассветов» (Э. Гюнтер), немецкие поселенцы в подавляющем большинстве прониклись заботами, тревогой, болью, дерзновенностью

новой Родины. И отныне столь дорогое немецкому сердцу слово «Фатерлянд» связывалось отнюдь не с этнической страной, откуда пришли предки, а с Россией, пугавшей поначалу смиренных и законопослушных колонистов-переселенцев своими необозримыми просторами и далями.

О России, о новой, истинной родине своей думали «русские» немцы, сражаясь в русском стане против полчищ «кайзера» Наполеона. О новой России мечтали лучшие представители «русских» немцев, участвуя с оружием в руках в русских революциях, в штурме Зимнего. За честь, достоинство и славу Родины своей боролись советские немцы и в гражданскую войну, и в годы социалистического строительства, и на войне с гитлеровским фашизмом на передовой фронта и в глубоком тылу на ответственных участках трудовой армии. Во славу советской многонациональной отчизны трудились и трудятся все новые и новые поколения советских немцев, поднимая целинные земли, осваивая Голодную степь, активно участвуя в строительстве коммунистического общества.

«Моя родина — где родители мои жили, где когда-то стояла моя колыбель», — пишет о Казахстане Давид Лёвен. «Лишь одну свою землю родную человек может крепко любить», — утверждает А. Бретман. Описав немалые мытарства, выпавшие на его долю «в суровые дни ненастья», В. Гердт признается: «Родина сердце мое согревала». Давид Иост, пройдя через муки фашистской неволи, говорит о Советской отчизне: «Без тебя мне нету жизни, без тебя мне смерть милей». Карл Вельц восклицает: «Я знаю, что высоким счастьем жизни тебе обязан, Родина моя!» Рудольф Жакмьен, родившийся там, «где Рейн течет», но принявший в начале 30-х годов советское гражданство, в стихотворении «Моей Советской родине» признается: «Сокровища души своей раскрыла, ты сердце подарила мне. И я

впервые ощутил со всею силой, что это значит: «Родина моя!»» Фридрих Больгер с гордостью заявляет: «Мы все, и те, кто мертв, и те, кто жив, тебе, Отчизна, верность доказали».

Нет, эти слова, идущие от сердца,— не декларация, они — выражение неизбывной любви, выстраданной в суровых испытаниях, невероятных лишениях, доказанной десятилетиями борьбы и созидания.

Тема Родины в широком, эпически развернутом плане, в диалектическом отражении времени и действительности, убедительно звучит в лучших произведениях советской немецкой прозы. Вспомним исторические повествования Д. Гольмана «Разбитые оковы» и «Осенняя буря и дыхание весны», рассказывающие о социальном пробуждении старой немецкой деревни в канун революции, романы «Завоеванная земля» В. Клейна, «Ураган» А. Закса, «Туман» А. Дебольского, в которых запечатлены динамические картины времен гражданской войны и строительства новой жизни, книгу «Рыцари без страха» Д. Вагнера и повесть «Имя вернет Победу» Г. Вормсбехера, посвященные реальным фактам участия советских немцев в схватке с фашизмом, роман «Вкус земли» А. Реймгена, на фоне семейной хроники Шпроо, его детей и внуков художественно отразивший судьбу советских немцев нескольких поколений и т. д.

Нелегкий, тернистый путь советских немцев, шедших и идущих в тесном ряду с другими народами нашей страны, отражен в истории, в литературе, в человеческой памяти, в ярких судьбах, запечатлен в государственных и партийных документах.

Разумеется, и тема эмиграции, драматически обостряющая понятие и чувство родины, не может не волновать советских немецких литераторов. Одним из первых довольно остро и убедительно коснулся ее А. Закс в пьесе «Фридрих Бауэр и его семья». Старая Вильма Бауэр, навестив сына, очутившегося в годы

войны совсем юным в ФРГ, возвращается домой, в Казахстан, делится своими никак не восторженными впечатлениями от своей поездки в кругу большой, счастливой семьи и говорит в конце невеселого рассказа: «Да, дети мои, жить среди своих, дома — великое счастье. Я это поняла по-настоящему только там, на чужбине. Я там такую вдруг тоску испытала... не могу выразить словами. Теперь я снова дома! Скажите, что может быть прекрасней!»

Повесть Нелли Ваккер «На этнической родине» на конкретных человеческих судьбах развенчивает «преlestи» и «благоденствие» общества потребления, психологически раскрывая тяжкий разлад в душе, разрушение личности, происходящие в советском немце в незнакомой, чуждой его воспитанию и миропониманию среде.

Резко и нетерпимо, с подлинно гражданских позиций относился к вопросу эмиграции, к так называемым «поздним возвращенцам» покойный писатель Эрнст Кончак. Незадолго до своей смерти он опубликовал в немецких и русских газетах блистательный очерк «В расчете на простаков», в котором темпераментно и язвительно раскрыл всю подоплеку этого пресловутого вопроса. Он писал: «Кстати, необходимо напомнить, что термин «историческая родина» выкопан из архива человеконенавистнической пропаганды Геббельса — небызывестного фашистского главаря».

Размышляя о Родине и о причудливых человеческих судьбах, лирический герой моей повести «Завтра будет солнце» делится своими сокровенными, как исповедь, думами: «И такая тебе тогда открылась истина, что у каждого человека, помимо большой Родины, непременно должна быть родина малая, свой родной край, свой светлый уголок на земле, свое поле, свой лесок, свое укромное местечко на берегу тихой речки, свой — на худой конец — любимый кустик возле дома. Каж-

дый, кто вольно или невольно скитается или вынужден скитаться по земле, оставляет незаметно то здесь, то там частицу своей души, понемногу растрчивает, обкрадывает себя и превращается в перекати-поле, гонимое ветром. Несчастен тот, кто не помнит своего родного места, своей земли, но трижды тот несчастен, кого не помнит уже сама земля, ибо она, земля, как твоя родная мать,— последняя твоя вера, последняя твоя надежда в жизни, и если уж она предаст тебя забвению, то ты уже и не человек вовсе, а тлен, прах...»

Увы, к этой простой, столь, кажется, очевидной истине каждый приходит через свой немалый житейский и нравственный опыт. Иногда ценой тяжких потерь. И повторять эту истину все вновь и вновь, внушить ее людям — долг художника во все времена.

Казахстан... Родной, родимый край многоязыких племен. «Мой» — говорит о нем миллион советских немцев.

Родина... Советская Отчизна... «Моя» — говорят о ней два миллиона граждан немецкой национальности.

«Мой», «моя», «мы» — гордо звучит в многоголосице единого хора.

Моя Родина. Неизбывная. Вечная. Как человек. Как любовь. Как жизнь.

— Герольд Карлович, ваше имя я услышал далеко от Алма-Аты, в Усть-Каменогорске. Мне рассказывали о вас нечто необыкновенное. Немец, работавший редактором в газете, издающейся на казахском языке... Создатель уникального памятника трем великим поэтам: Гете, Лермонтову и Абая...

— Это неточные сведения. В газете я не работал. Мне довелось около года работать литературным сотрудником в отделе прозы казахского журнала «Жулдыз» — это верно. А к памятнику, о котором, по всей видимости, идет речь, я имею весьма косвенное отношение. Создан он заботами совсем другого человека — Калмухана Исабаева, казахского прозаика, участника войны, долгие годы служившего в ГДР. Это не совсем памятник трем поэтам. Это памятник песне. В композиции памятника барельефы трех великих поэтов — Гете, Лермонтова и Абая и полные тексты «Ночной песни странника» Гете, «Горных вершин» Лермонтова и «Темной ночью горы дремлют» Абая. Тексты на немецком, русском и казахском языках — соответственно. Гетевский оригинал, переложение Лермонтовым его «Ночной песни...» и, наконец, переведенное Абаем на казахский язык стихотворение Лермонтова — вершинные явления в трех названных национальных культурах.

— Один из ваших литературоведческих очерков как раз посвящен этой теме. Я имею в виду очерк «Созвучие», отлично изданный издательством «Жалын»...

* Интервью, опубликованное в газете Краснознаменного Тихоокеанского Флота «Боевая вахта» (22 июля 1988 г.). Интервью вел капитан II ранга Владимир Тыцких.

— Есть у меня об этом и другие литературоведческие работы, и рассказы, это на самом деле моя тема, но все-таки я должен еще раз подчеркнуть: создание памятника песне (он находится на родине Абая — в Семипалатинской области, в городе Карауле) не является моей заслугой...

— Герольд Карлович, получается, что кое-кто из читателей неверно представляет некоторые детали вашей биографии. Но суть, по-моему, от этого не меняется. Вы — человек, владеющий тремя языками, не поверхностно приобщившийся к культуре трех народов и именно на этой основе работающий в литературе. Как все же возник, как стал писатель Герольд Бельгер таким, каков он есть?

— Мне было шесть лет, когда я очутился в Казахстане. Родился в городе Энгельсе Саратовской области в 1934 году, тогда там была Автономная Советская Социалистическая Республика немцев Поволжья (бывшая Трудовая коммуна немцев Поволжья, декрет о создании которой еще в 1918 году подписал Владимир Ильич Ленин). В трагическом сорок первом республике не стало. Раньше о нас говорили: «эвакуированные». Но сегодня уже открыто речь идет не об эвакуации, а выселении, депортации немцев из Поволжья. Мы были фактически спецпереселенцами. Это слово, так же, как, например, слово «спецкомендатура», до недавнего времени было табуированным словом. Мой отец, военный фельдшер, прослуживший в РККА семь лет, коммунист с 1939 года, оказавшись в Северном Казахстане, стал заведовать фельдшерско-акушерским пунктом — единственным на тринадцать окрестных селений. Это были селения казахов, ближайшая русская школа находилась в двадцати пяти километрах. Отец тогда

сразу понял: чтобы успешно заведовать фельдшерско-акушерским пунктом, работать с пользой в казахских аулах, ему, немцу, в то тяжкое время нужно завоевать уважение и доверие местного населения. Это недостижимо было без знания казахского языка, без душевной открытости и понимания того, что составляет суть национального своеобразия. А у меня иного выбора просто не было. Я пошел в казахскую школу. О чем никогда не жалел и не жалею.

После смерти Сталина, уже в пятьдесят четвертом году, я поступил в Казахский педагогический институт имени Абая. Прежде мы не имели права выезда с территории, подведомственной «нашей» спецкомендатуре. При этом пединституте я окончил и аспирантуру — после двух лет учительствования в Байкадаме Джамбулской области. Потом работал в журнале «Жулдыз» литсотрудником в отделе прозы, что, по-видимому, послужило основанием для слухов о том, что я работал в казахской газете.

— Разница, в общем, непринципиальная. Журнал-то издается на казахском языке... Надо думать, именно отсюда и стал прорастать писатель Бельгер. От литсотрудника до писателя путь неблизкий. Между тем вы сегодня член правления Союза писателей Казахстана, председатель совета по советской немецкой литературе при СП Казахстана, член Комиссии по советской немецкой литературе при СП СССР...

— В «Жулдызе» главным редактором был в ту пору Абдижамил Нурпеисов. Он привлек меня к художественному переводу. Сначала я сделал подстрочник трилогии Нурпеисова «Кровь и пот». Художественный перевод принадлежит Юрию Казакову. Это было начало,

стоившее мне и пота, и крови. Зато теперь я могу сказать, что увлекся после этого художественным переводом, перевел очень много — примерно 500—550 печатных листов казахской прозы. Книга обычного формата в 500 страниц текста содержит менее 30 печатных листов, примерно листов 27—28. Вот и судите.

— Да, внушительно. Это около 20 томов перевода! А свои книги?

— Они появились в свое время. Последние из них: «Каменный брод», вышедшая в издательстве «Советский писатель», это книга прозы; «Мотивы трех струн» — сборник статей, исследований, эссе, годом раньше изданный издательством «Жазушы»; вышла книга «Гете и Абай». Всего у меня десять книг.

— Дела литературные вы сочетаете с очень значительной общественной работой. Одно перечисление ваших званий, хотя бы самых важных, говорит о многом. Вы член Комиссии по национальным и межнациональным отношениям при ЦК Компартии Казахстана, заместитель председателя правления республиканского отделения Общества советско-германской дружбы, заслуженный работник культуры республики, член Казахстанского отделения Фонда культуры. Очевидно, что наиважнейшее место в вашей общественной деятельности занимают проблемы межнационального общения, проблемы взаимоотношений разных народов. Как вы оцениваете состояние, динамику этих отношений?

— События последних лет — в Казахстане и Прибалтике, Нагорном Карабахе, в других регионах страны — не дают повода считать, что это вопрос простой и

до конца решенный. Если не оглядываться слишком далеко назад, не углубляться в историю, сравнительно давнюю, то мы должны сказать, что на межнациональном общении пагубно сказались годы застоя. Чем они характерны, в частности, для Казахстана? Много было всяких «ура», высокопарных слов о «лаборатории дружбы народов», о «планете ста языков», а фактически ничего серьезного и толкового не делалось. Мы привычно говорили так: в нашем коллективе столько-то национальностей, столько-то смешанных браков, довольствуясь этим уровнем интернационализма. Национальные особенности и потребности практически никак не учитывались. Более того, даже внутри нации появилось нездоровое разделение: скажем, у казахов — по жузам, по племенам, по принципу кровного родства и землячества. Эта ненормальная политика в сознании казахстанцев связана с деятельностью бывших высоких руководителей республики, в частности Кунаева. Она не могла не привести к беде. Загоняемые вглубь проблемы не решались, опасный огонь тлел, что в конце концов привело к взрыву в декабре 1986 года, крайне уродливым проявлениям.

— Знаете, Герольд Карлович, я родился и вырос в Казахстане, служу на флоте два десятка лет, но бываю здесь почти ежегодно. С детства у меня было немало приятелей-казахов, учился в свое время в школе и медучилище с казахами, немцами, татарами, поляками и до сих пор не испытываю трудностей в общении с представителями других наций. Ваш опыт, опыт вашей семьи тоже, как мне кажется, дает основания думать, что на уровне бытовых отношений проблема межнационального общения не выглядит сколько-нибудь драматично. Не кажется ли

вам, что она возникает на уровне взаимоотношений культур на уровне социальном, может быть, даже социально-правовом? Не решаясь здесь десятилетиями, она, эта проблема, как бы спустилась в урочный час и в область бытовую, проявившись в поведении толпы, на уровне «уличной демократии». Взять Казахстан, Нагорный Карабах и т. д.

— Полностью разделяю вашу мысль. Именно поэтому, именно с этой точки зрения мы сегодня переосмысливаем проблему. Принят ряд очень важных постановлений по этому вопросу. В основу партийной линии положены концепция двуязычия, другие прогрессивные идеи, суть и цель которых сводятся к обеспечению внимания всем национальным вопросам — от вопросов национального и социального равенства и взаимоуважения до вопросов возрождения и создания национальных приоритетов в культуре: проведение фольклорных фестивалей, возрождение национальных традиций и обычаев и т. д. В Казахстане это вырастает в целый букет вопросов. Вот, например, в Темиртау живут 85 национальностей. Из двух миллионов немцев, проживающих в СССР, один миллион — жители Казахстана. Свои проблемы есть у дунган, уйгуров, корейцев, курдов, турок, представителей других народов. Вот хотя бы украинцы. Их в Казахстане 800 тысяч, почти миллион. И ни одной украинской школы, ни одного украинского класса... Что делать? Смириться с утратой национального лица, неизбежной в этих условиях, или искать какие-то альтернативные пути? Мы ищем эти пути.

— Что конкретно сделано сегодня в этом направлении?

— Я говорил о создании специальной комиссии при

ЦК КП Казахстана. Аналогичные комиссии созданы при Президиуме Верховного Совета республики, ЦК комсомола Казахстана, Казсовпрофе, в областях и районах. Опыт республики в этом деле используется уже и в других республиках. Конечно, создать комиссии — мало. Важно, как они работают. Мы стремимся ставить конкретные вопросы и находить их практическое решение. Кратко можно перечислить уже осуществленные идеи. При Академии наук Казахстана, в Институте истории, этнографии и археологии недавно создан сектор по изучению истории, культуры и языка немцев Казахстана. Увеличен объем изданий литературы на немецком языке. В Алма-Ату из Целинограда переведена редакция немецкой газеты «Фройндшафт». Принято решение организовать передачи на немецком языке по Казахскому телевидению. Планируется перевод в Алма-Ату единственного в СССР немецкого драматического театра из Темиртау. Я говорил о немцах, о проблемах немцев. То же можно сказать о корейцах, уйгурах, представителях других национальностей. Процессы эти идут в республике широким фронтом.

Перемен много. Можно еще вспомнить о том, что во всех газетах, печатных органах республики стала постоянной рубрика «Воспитывать культуру межнациональных отношений». Многое еще можно вспомнить.

11 мая 1988 года прошла научно-практическая конференция по культуре межнациональных отношений — вторая за этот год. В ее работе участвовали все члены бюро ЦК Компартии Казахстана во главе с первым секретарем.

4 июня 1988 года состоялся пленум ЦК Компартии Казахстана, посвященный целиком межнациональным отношениям...

— Как вы могли бы обозначить конечную цель этих усилий, сформулировать, так сказать, сверхзадачу?

— Воспитание истинного интернационализма и равноправной дружбы людей разных национальностей на основе уважения друг к другу. Путь к этому воспитанию лежит, мне думается, через устранение тех исторических несправедливостей, неправильностей, которые долгое время считались нормой. От книги на родном языке, от реального права и возможности учиться своей истории и своему языку в национальной школе до создания, может быть, автономий (или их воссоздания, если говорить о советских немцах) в случае, если иным путем удовлетворение национальных нужд окажется неосуществимым. Так или иначе, речь должна идти о всеобъемлющем выполнении резолюции XIX Всесоюзной конференции КПСС «О межнациональных отношениях». Я бы особенно подчеркнул четвертый пункт резолюции: «Важно, чтобы в каждом национальном регионе экономический и социальный прогресс сопровождался прогрессом духовным, с опорой на культурную самобытность наций и народностей... — И дальше: — Следует позаботиться, чтобы национальности, проживающие за пределами своих государственно-территориальных образований или не имеющие их, получили бы больше возможностей для реализации национально-культурных запросов, особенно в сфере образования, общения, народного творчества, а также создания очагов национальной культуры, использования средств массовой информации, удовлетворения религиозных потребностей».

— Спасибо за беседу. Творческих успехов вам, счастья — от имени всех тихоокеанцев!

1988

Созвучного слова родство

Вырос я на стыке трех культур — немецкой, казахской, русской. Ясно, что в том нет никакой моей личной заслуги. Такова была воля всесильного времени и обстоятельств. Но я этим горжусь, ибо стал интернационалистом по воспитанию, по убеждениям, по языковой среде и даже по семейным связям и отношениям.

Этим я живу. Этим дышу. В этом смысл и суть моего бытования. Говорю «я», «моя», «для меня», но могу сказать: «мы», «наша», «для нас». И это будет справедливо и объективно, ибо характерно для многих моих сверстников.

Все мы видим: происходят перемены поразительные, долгожданные. Общество обновляется нравственно и духовно. Мы свидетели огромного подъема, происходящего сейчас в нашей республике во всех сферах жизни. Это радует и вдохновляет. Помимо многого другого, радует и тот живой импульс, оздоравливающий межнациональные отношения, и приятно мне также слышать добрые, справедливые слова о казахах, о казахском языке, сказанные в последние месяцы с высокой трибуны. Постановления о более углубленном изучении русского и казахского языков в республике отвечают духу и запросам времени и своими конкретными намеченными мерами вселяют надежду. Банальная истина: не зная языка, невозможно знать народ. А уж народ не зная, как можно говорить об интернационализме, един-

стве духа, тесных взаимных контактах, да просто о взаимоуважении, наконец? Тоже вроде элементарная истина, которой, однако, годами, десятилетиями не придаем должного значения и внимания.

Мне знакомы проблемы преподавания русского языка в казахских школах и казахского языка в русских школах. Окончил я русско-казахское отделение педагогического института; некоторое время преподавал русский язык и литературу в казахской школе в отдаленном районе Джамбулской области; увлекался сопоставительной грамматикой; занимался методикой преподавания русского языка в аспирантуре; изучал историю методики преподавания русского языка в дореволюционных так называемых русско-туземных школах. Словом, эти проблемы мне известны в историческом развитии. Скажу, что за многие десятилетия, начиная с оригинального учебника Ибрая Алтынсарина «Начальное руководство к обучению киргизов русскому языку» (Оренбург, 1879) и даже еще раньше — с «Самоучителя русского языка для киргизов» (1861) и «Самоучителя русской грамоты для киргизов» (1874) Н. И. Ильминского, наработан громадный и ценный опыт в деле преподавания русского языка в национальных школах и при всех имеющихся недоработках и недостатках успехи все же налицо. Однако из рук вон плохо обстоит дело с преподаванием казахского языка в русских школах. Здесь все худо. Неудачные учебники. Непродуманные разговорники и словари. Отсталая методика. Слабые кадры. Но и это еще не вся беда. Главная беда — в небрежении, в формализме, в укоренившемся равнодушии, даже в нигилизме в деле преподавания и изучения казахского языка. Сплошь и рядом бытует давнее, откровенно нелепое, обывательское представление, что, мол, какая надобность в изучении, в знании казахского языка, когда мы все в состоянии изъясняться

ся по-русски и понимаем друг друга. Досадное, горькое заблуждение!

Интернационализм — это прежде всего разноплатовые контакты. Скажу здесь несколько слов и о так называемых лексических взаимопроникновениях. В условиях многонационального Казахстана эти вопросы являются собой весьма интересный и перспективный объект специальных исследований. В книге Б. Хасанова «Языки народов Казахстана и их взаимодействие» (1976) я нашел интересные сведения о казахизмах в разных языках, в том числе и в немецком. Факт этот отражен и в литературе. Так, в моем рассказе «Дедушка Сергалп» Б. Хасанов насчитал 2600 словоупотреблений, из них около сорока — элементы казахского языка.

Интернационализация наглядно проявляется также в языке русскоязычных национальных писателей. Иногда приходится сталкиваться с откровенно снобистским отношением к языковому поиску, к языковой палитре русскоязычных нерусских литераторов. Это большое заблуждение.

Бесспорно, эта категория писателей получила в наследство бесценное состояние — великий могучий русский язык. Бесспорно также, что русскоязычные Ч. Айтматов, Т. Пулатов, О. Сулейменов, Ч. Гусейнов, В. Санги, Ю. Шесталов, Ю. Рытхеу, Ф. Искандер и многие другие своим творчеством обогатили русский язык и лексически, и свежим образным строем, и новыми изобразительными средствами и красками.

Лексические взаимопроникновения — процесс естественный, закономерный. Однако, как я успел заметить, он сопряжен не только с обретениями, но и с потерями. Необычная пестрота речи нередко характерна не только для повседневного языкового бытования, но и для инокультурного литературного языка. Я иногда прислушиваюсь к доступным мне языкам тюркской системы, и меня приводит в недоумение, а то и в замешатель-

ство огромное количество заимствований русской лексики. Я мог бы привести много примеров из узбекских, киргизских, башкирских, татарских газет. Читать подобное странно. По-моему, это издержки, потери не взаимодействия, а неплодотворного, бездумного заимствования. И ратовать за такое никак не хочется. Отмечу здесь, что казахский язык пока что относится к подобным явлениям более сдержанно и опрятно. Когда один язык импортирует бездумно, безосновательно, у другого языка высокие понятия, затрагивающие национальную честь и достоинство, то это и тревожит, и угнетает. Как тут не вспомнить слова Чингиза Айтматова: «Меня это глубоко оскорбляет. Что же это за народ с тысячелетней историей за плечами, у которого в языке отсутствуют слова «правда», «истина», «справедливость»? Кому нужно такое коверканье русского языка и унижение киргизского, в котором только синонимов понятия «правда» насчитывается около десятка?!» (ЛГ, 1986, 13 августа).

Таковы некоторые грани затрагиваемой темы.

Время от времени приходится слышать, что язык казахский примитивен, беден, невыразителен. Клевета! Беспардонная, грубая клевета! В этом проявляется невосдержанность, неуважительность определенной категории обывателей к людям коренной национальности, как это отмечалось в докладе бюро ЦК Компартии Казахстана на ее XIII пленуме. В основе такого, мягко говоря, заблуждения лежат невоспитанность и невежество. Я позволю себе немного порассуждать на эту тему.

«Богат ли казахский язык?» — нередко любопытствуют у меня. Вопрос непростой, и я обычно даю короткую информацию о грамматической системе языка, говорю о составных глагольных формах, о семи падежах, об отсутствии предлогов и родов и перехожу к лексике.

Рассказываю о многообразии казахских слов из мира животных — о лошади, верблюде, овце.

Как правило, это впечатляет. Я продолжаю: а как воспет беркут в казахском фольклоре! Сколько его разновидностей! Сколько слов для беркута разных возрастов: «балапан кұс», «кёк тубит», «трнск», «тас тулек», «музбалак» и т. д. Кстати, само слово «вид» имеет в казахском языке более двадцати синонимов. А сколько слов, определяющих степень родства и сложные родственные отношения! Для многих из них не найдешь адекватов в европейских языках.

А сколько в казахском языке наименований «белой пищи», «белой еды» — так казахи называют молочное. Вот пример: кумыс, шубат, айран, катык, балкаймак, клегей, сарысу, таскорык, шалап, уыз, сирне, курт, ак каймак, белый иримчик, красный иримчик, коиртпак, ирkit, ежегей, сыкла, сузбе и т. д. Для многих из них в русском языке не существует эквивалента, в немецком — и подавно.

Слов, связанных с общим понятием «юрта», наверняка существует несколько десятков. И ни одно из них не имеет адекват в русском языке.

Многие из подобных сугубо казахских реалий в громадном количестве встречаются в казахской прозе и поэзии. Вспомним сцены конных скачек, пиршеств, свадеб, поминок в казахских романах. Вспомним сочные, детальные этнографические описания в произведениях М. Ауэзова, Г. Мусрепова, А. Нурпеисова, А. Кекильбаева, М. Магауина и других.

А вот конкретный факт, свидетельствующий о богатстве казахского языка: в «Пути Абая» М. Ауэзовым использовано 16983 слова! Для сравнения напомним, что словарь Шекспира и Байрона составляет 15 тысяч слов, Маяковского — около того.

Современный казахский литературный язык, на мой взгляд, находится как бы на пересечении традиции и

новизны. Тылы традиции этого языка необычайно прочны, глубоки и сильны. Я имею в виду не только долгий, тернистый путь исторического развития, не только акынов-песнопевцев XVII—XIX веков или поэтические глыбы казахского устного народного творчества со всей его степной вольностью и неукротимой стихийностью, и поныне плохо поддающейся тискам канонизированной грамматики, но и внутреннюю, скрытую мощь и суть языка, его философское кредо. Бытуя в этом языке более четырех десятилетий, я неизменно ощущаю его как язык необыкновенно образный и емкий, светлый и щедрый. В этом его сила. В этом его жизненность. В этом — надо полагать — его спасение.

Язык, однако, живет не только в одних традициях и одними традициями. В недрах его клубится, ворочается, яростно и дерзко прорываясь, некая новизна, то чудодейственная, таинственная, подлинная, то мнимая, аляповатая, крикливая, сплошь в мыльной пене. Новизна эта касается не только лексического состава языка, но и всего его многопластового культурного слоя. С высоты своей скромной переводческой колокольни современный казахский литературный язык ассоциируется у меня с мощным, бурным селевым потоком. Все есть в этом потоке: и прозрачная горная вода, и золотистый песок, и глина, и гладкие гальки, и булыжники, и коряги, и ил, и пенные хлопья. Поток этот бурлит, ярится, клокочет, неистовствует, грозит захлестнуть, затопить берега, ухоженные нивы, и иные напуганные, встревоженные рьяные блюстители порядка и чистоты языка тщетно пытаются унять, усмирить, укротить эту стихию. Но всему свое время. Вино ведь должно перебродить. Прежде, чем укротить стригунка, надо, чтобы он всласть познал шальную волю. Чтобы зерно очистить от плевел, надо, чтобы зерно это было. «Без хромой овечки и отара не полна», — говорят казахи. И человек не состоит из одних достоинств, а живой язык — из одних

лишь узаконенных грамматических правил. По-моему, в современном казахском литературном языке происходит процесс бурного обогащения и становления, окультуривание, и процесс этот немыслим без поиска, эксперимента, дерзания и накладок.

Свидетельствую: о современном казахском литературном языке разговоры вспыхивают повсюду и на самом разном читательском уровне. Говорят аксакалы, степенно оглаживая мудрые бороды. Говорят интеллигенты всех мастей, совершая вечерний моцион. Говорят в издательских и писательских кулуарах. Говорят на страницах печати. Говорят на аульных вечеринках. Равнодушных нет. Одни возмущаются, другие недоумевают, третьи укоризненно покачивают головами.

Один из моих аульчан схватил меня за горло: «Слушай, если ты такой знаток, скажи: что это за слово такое — «дялдуришь»? Вот пишут, а я слышу такое впервые». Действительно, слово редкое, бог весть откуда выкопанное, но огласовка казахская и означает оно, если не ошибаюсь, «дилетант». Другой земляк, прочитав в моей статье слово «аки-таки», обрушился на меня: «Ты что? Разве ты не северный казах?! У нас говорят «акыр-такыр». Или забыл?!» Нередко споры происходят в «классическом» ключе: «В нашем ауле так не говорят!», «А вот в нашем краю говорят именно так!» Понятно, что ни первое, ни второе утверждение не может быть аргументом. Разумеется, встречается немало дельных суждений и замечаний. Многие особенно рьяно обрушиваются на диалектизмы. Думаю, это не совсем верно. Нечто похожее пережила русская литература в тридцатых годах. Какие были баталии против местных словечек. Кончилось тем, что постепенно стали писать усредненным, нивелированным, бесцветным языком. Теперь радуемся: ах, какой живой, сочный язык у В. Астафьева, В. Белова, Ф. Абрамова, В. Распутина, В. Личутина и многих других известных русских писа-

телей. А ведь язык их сильно ожил за счет исконных русских слов, диалектизмов и местных речений. Не то ли происходит и в современном казахском литературном языке? И не всякий диалектизм плох. Время и читатель внесут свои коррективы.

Как ценят казахи образный, яркий язык, как почитают складную и ладную речь! Сколько поговорок, пословиц сложено о языке, о слове! «Язык — ключ души». «Язык — начало всех искусств». «Язык ведет к согласию». «Слово — украшение мысли». «Доброе слово — благо». «Слово истины — свято». «Хорошее слово — правдивое». «Правдивое слово горько». «Слабый душой слаб и на язык».

Впрочем подобные поговорки имеются и у русских, и у немцев, и у других народов.

Объемно и богато казахское слово. Оно живое. Оно дышит, ликует. Оно радуется и утешает. Оно, случается, корчится от боли. Оно как человек. Нехорошо обходиться с ним походя, неряшливо.

Особенно в наше время — в эпоху активной интернационализации души.

И нет смысла пространно говорить о роли и значении русского языка, об его созидательной мощи и объединяющей народы функции. Русская речь — наша общая мать. А о матери говорят только с любовью.

Созвучного слова родство. Единство многоязычия. Благодатная сила созвучной речи. Вот та цель, вот тот идеал, к которому необходимо стремиться цивилизованному человеку в многоязычном обществе.

(Двуязычие как важный фактор воспитания культуры межнациональных отношений)

Смысл моего выступления я вижу отнюдь не в теоретическом обосновании концепции двуязычия, по моему, тут в общем-то все довольно ясно и очевидно и без особой философской аргументации, и даже не в призывах к двуязычию, ибо чего уж ратовать со столь значительной трибуны за то, что в сущности является вполне осознанной потребностью и необходимостью нашего реального бытования в многонациональном социалистическом обществе... Конференция наша называется научно-практической, и, вероятно, мне, литератору, более приличествует сделать ударение на вторую часть этого словосочетания, то есть, не забираться в заоблачную высь абстракции, а окунуться в гущу реальной конкретики.

Хотя к терминам «двуязычие», «билингвизм» мы прибегаем особенно часто в последнее время, однако они — отнюдь не изобретение наших дней. Явление, выражаемое этими словами, существовало искони, может быть, даже всегда. Древние поэты Востока, кажется, не знали слова «билингвизм», но и в жизни, и в творчестве своем были деятельными поборниками его светоносной идеи. В многотомных трудах Гете мы не встретим слова «двуязычие», но разве всеми деяниями своими «великий веймарец» не ратовал за многоязыкую культуру народов? Абай и в поэзии, и в философских своих «гаклиях» вполне обходился без этих терминов, но разве горячий призыв к двуязычию, как к пути познания, пути к культуре и нравственному совершенствованию,

* Выступление на Республиканской научно-практической конференции, состоявшейся 11 мая 1988 года в Алма-Ате.

ванию не составлял одну из важнейших граней его духовного завещания?

Если же перейти к нам, простым смертным, с самого рождения живущим не в национальной изоляции, а в среде дву- и многоязычия, то разве мы с молодых ногтей инстинктивно, само по себе, по естественному наитию, всей душой не ощутили потребность и необходимость в билингвизме как в факторе дружбы, взаимопонимания, добрых взаимоотношений народов?

Мой отец, высланный в Казахстан в трагическом 41 году, сразу понял: чтобы успешно заведовать фельдшерско-акушерским пунктом в казахских аулах, чтобы ему, немцу, в то тяжкое время завоевать уважение, расположение и доверие местного населения, никак не обойтись без знания казахского языка, без душевной открытости к тому, что составляет суть национального своеобразия или — по-немецки говоря — его менталитет. И этой житейской мудрости он учился и сам, учил и меня, определив в казахскую школу.

Это норма нашей жизни. Это судьба подавляющего большинства из нас. Это форма межнациональных отношений, естественная и животворная. Это фундамент, на котором строится национальная культура.

Хорошо выразила эту идею советская немецкая поэтесса Нелли Ваккер в стихотворении «Два родных языка»:

Als seltenen Reichtum hat das Leben
zwei Muttersprachen mir gegeben:
Bei Mutter ich die eine fand,
die andre spricht mein Vaterland.

Русский перевод:

Жизнь меня одарила —
я с самого детства
два родных языка
получила в наследство.

На одном изъясняюсь с домашними я,
на другом —
говорит вся Отчизна моя.

Думаю, то же самое может сказать и казах, и узбек, и эстонец, и все, кто в нашей стране создает литературу на 78 языках.

Так о чем же речь? Почему вдруг в наши дни двуязычие стало предметом обсуждения, спора?

Вероятно, потому, что термин этот — двуязычие — вышел за рамки житейской надобности и в контексте сложных национальных проблем нашего общества обрел жгучую, актуальную значимость и новую яркую окраску — политическую, социальную, психологическую, этико-нравственную. А от этого не отмахнешься. Ибо пока существуют нации и национальные языки, непременно будут стоять и проблемы национальные и языковые.

Полагаю, всем ясно, что понятия «двуязычие», «культура» и «воспитание» тесно переплетаются и в значении своем взаимосвязаны, взаимоопределяемы.

Два важных документа — два постановления о более глубоком изучении казахского и русского языков в нашей республике делают, по-моему, ей честь. Они точно отражают реальную потребность Времени и определяют магистральную политику в национальном и интернациональном воспитании.

Вероятно, пора уже сегодня говорить и о конкретных шагах, последовавших за постановлениями ЦК КП Казахстана, об открываемых казахских школах и детсадах, о кружках по изучению казахского и русского языков, о практическом, деловом внимании к этой проблеме в школах, институтах, учреждениях, рабочих коллективах, в периодической печати, на радио и телеви-

дении. Все эти начинания похвальны, они свидетельствуют о претворении в жизнь материализации насущной идеи, несмотря на препоны старой инерции, равнодушия, лени, формализма, скепсиса и скрытого сопротивления. Да, о первых успехах в этом направлении говорить уже можно. С другой же стороны, никак нельзя и самоуспокаиваться и преувеличивать наши успехи в реализации концепции двуязычия. Будет неверно умалять значение оперативно изданных новых учебников, словарей, разговорников или программ и содержания курсов обучения языкам по телевидению и на страницах периодической печати. В этих начинаниях воплощены и определенный опыт, и доброе намерение, и рациональное зерно.

Однако негоже закрывать глаза на то, что словари нередко недостаточно дееспособны и компетентны, ибо какой толк, например, от того, что — если верить «Казахско-русскому словарю» (1954 и 1987 годов) — и по-казахски, и по-русски «панель» оказывается «панелью», «паника» — «паникой», «парад» — «парадом», «паразит» — «паразитом», «парк» — «парком», «парник» — «парником», «пассаж» — «пассажем», «пафос» — «пафосом», «плащ» — «плащом», «проба» — «пробой», «протез» — «протезом», «прокат» — «прокатом», «проект» — «проектом», «портрет» — «портретом», «пропуск» — «пропуском», «план» — «планом», «пациент» — «пациентом», «паяк» — «пайком», «профиль» — «профилем», «проблема» — «проблемой», «примус» — «примусом», «принцип» — «принципом», «плакат» — «плакатом», «помещик» — «помещиком», «планшет» — «планшетом» и т. д. в том же духе. Как видите, я ограничился лишь некоторыми примерами на букву «П». При этом, напомню, словарь-то «казахско-русский», выходит, все перечисленные выше слова — «казахские», и можно только удивляться, до чего же схожи казахский и русский

языки. Не буду дальше вас утомлять примерами. Скажу только, что на букву «А» таким образом переведенных слов я насчитал в этом словаре 220! Что касается первого тома двухтомного «Русско-казахского словаря», на который в свое время я опубликовал рецензию в «Казах адабиеты», то в нем я обнаружил более тысячи не-суразностей и нелепостей. А много ли проку оттого, что «түйе жапырақ» переводится как «вид травы», «лашын» — как «ловчая птица из породы ястребов», «жабы» — как «порода лошади»? Неужто в русском языке не нашлось более точного наименования?

Справедливости ради нужно сказать, что в 1987 году «Казахско-русский словарь» Х. Махмудова и Г. Мусабоева переиздан с кратким дополнением С. Исаева и С. Каскабасова, которое показалось мне продуманным и существенным. Свидетельствует это дополнение также о том, что в республике есть квалифицированные лексикологи.

Как-то мне попался «Русско-киргизский словарь» профессора Машанова, изданный еще в 1899 году в Оренбурге. Какое знание, какое чувство языка! Как тонко раскрывает он смысл слов! Он не позволяет себе писать «вид орла», «вид травы» или «семейство куликовых», а переводит точно: стрепет — безгелдек, кречет — сұңкар, сокол — лашын, кобчик — жағалтай, түйғын, гриф — күшіген, чибис — қызғыш, пигалица — тарғак. И еще при этом разъясняет: ворона и ворон не одно и то же — ворона — «шаукарға», ворон — «күзғын қарға». А вот в «Русско-казахском словаре», изданном Казахской академией наук девяносто лет спустя, ворон и ворона даже по родовым признакам не отличаются — оба оказываются мужского рода.

А какое богатство синонимического ряда в том «Русско-киргизском словаре»! Вот синонимы к русскому понятию «вид», которые приводит профессор Машанов:

түр, кескін, сыйық, сымбат, түрпат, келбет, нобай, нұсқа, көрік, әлпет, шырай, рен, тұлға, ұсқын, айбар, пыс, кейіп, сұрық, ажар, мүсін, пішін, бейне, сын, өң көрініс и т. д. Боюсь, что наши современные лексикологи за- просто переведут «вид — вид» и посчитают дело сделанным...

Негоже закрывать глаза и на то, что обучение казахскому языку в печати и по телевидению ведется, на мой взгляд, все еще по старинке, по шаблону, без живинки, без распахнутой души. Новаторам-педагогам, методистам прошлого — И. Алтынсарину, С. М. Граменницкому, Н. А. Бобровникову — принадлежат интересные идеи в преподавании русского языка в так называемых русско-туземных училищах, мектебах и медресе Средней Азии и Казахстана. Я когда-то занимался историей методики преподавания русского языка в дореволюционных национальных школах и был удивлен, какое внимание уделяли передовые русские люди этому вопросу в условиях царской России, как верно и глубоко понимали содержание и форму своей просветительской деятельности. Эти формы работы вполне сгодились бы и сейчас в деле обучения казахскому языку. В частности, эти поборники просвещения особое значение неизменно придавали устному методу обучения языков, практическим навыкам, живой разговорной речи, сознавая, что именно такой метод обучения и психологически, и методически является наиболее благоприятным, ибо слуховые ассоциации, имитационная способность, произвольность, естественность молодых людей, систематические упражнения как раз и образуют те навыки, то чувство, то ощущение языка, без которых немислимо настоящее его знание. Этот же метод лежит и в основе обучения иностранным языкам, всесторонне обоснованный давным-давно в трудах Г. Пальмера и Б. В. Беляева. И неразумно, думаю, пренебрегать этим опытом.

Мне, например, кажется недостаточно эффективным то, как преподают казахский язык по телевидению, во всем чувствуется какая-то скованность, натуга, излишнее фонетическое усердие, злоупотребление переводным методом преподавания. Слишком много грамматики и в тех уроках, которые публикуются в «Ленинской смене». И сложные глагольные формы, и вспомогательные глаголы, и спряжение, и склонение, и притяжательные аффиксы, и прочие грамматические премудрости рассеивают внимание, отвлекают, усложняют, уводят от основных задач.

Есть нарекания и к учебникам, и к разговорникам.

Серьезную озабоченность вызывает и преподавание казахского языка и литературы в русских школах. И беда тут мне видится в том, что нет (или мало) серьезно, искренне, убежденно заинтересованных в этом преподавателей. Их к этому не готовили. И главное — они не уверены, что это необходимо. Они сами плохо или поверхностно знают предмет. В 9-м классе русских школ, например, на казахскую литературу отводится один час в неделю, и я знаю, что преподаватели сплошь и рядом этот час не всегда используют по своему назначению, а «перебрасывают» его на русскую литературу, ибо, как известно, на изучение творчества Тургенева, Толстого, Достоевского не всегда хватает часов. И что же получается? Получается, что в благом деле изучения языков еще предостаточно формализма, казенщины, равнодушия.

Негоже закрывать глаза и на то, что имеются противники или недоброжелатели концепции двуязычия. На одном полюсе, к примеру, полагают, что нет особого смысла уделять внимание изучению русского языка, дескать, в нашей республике и так везде и всюду говорят по-русски, так что тут вообще нет никакой проблемы. Неверно! Я сам некогда работал в казахской школе и по собственному опыту знаю, что в этом деле далеко

не все на должном уровне. Вот как изобразил уровень преподавания русского языка в казахской школе Кали Чингизов («Казах адебиеты», 1987, 25 декабря):

Ребята, бұл не шум?
Хватит, а то...
Енді біреу үндесін...
Потише отырындар!
Школда бес жыл оқыдыңдар,
Давайте, тәртіп сақтаңдар,
Одан да вчерашний текстті жаттаңдар.
Сейчас проверять буду шетіңнен,
Жарамайды потом өкінген.
Как домой барасыңдар
Русскийден алған екіңмен?

Тут нет большого преувеличения. И речь идет не только о далеких районах, о затерявшихся в степи и песках аулах. Даже у нас, в Союзе писателей Казахстана, далеко не все в состоянии грамотно и толково изложить на русском языке свои мысли, а иные литераторы и два слова по-русски вместе не свяжут. Так что рано еще снимать эту проблему с повестки дня.

На другом полюсе раздаются нередко ворчливые голоса: дескать, а зачем-то нам изучать казахский язык, ведь неказахов в республике большинство, с какой стати большинство должно знать язык меньшинства?.. Глубокое заблуждение, замешанное на чванстве, высокомерии, невежестве и бескультурье!

Знать историю, культуру, обычаи, быт и нравы, язык того народа, в среде которого живешь, — это элементарно, это азбука человечности и порядочности. И досадно, и грустно оттого, что эту азбучную истину все еще приходится доказывать в нашем многонациональном общегитии.

Голые лозунги и призывы еще не обеспечивают успех. Необходимо инонациональным братьям раскрыть суть своего подлинно национального. Прежде чем приступить к изучению, скажем, казахского языка, жела-

тельно показать его красоту, его богатство, его образность, его внутреннюю организацию, наглядно показать высокое искусство казахского речестроя. И дабы развеять невежественное представление о его «примитивности», нелишне напомнить, что в одном лишь «Пути Абая» Мухтар Ауэзов использовал 16983 слова. Нужно сказать, что там, где европеец говорит «верблюд», «верблюдица», «верблюжонок», казах различает такие виды, как нар, бура, үлек, коспак, желмая, жалбай, аруана, інген, атан, кайыма, буыршын, бота, тайлак... всего 80 названий. В нашей пропаганде культуры языка не хватает знания, убежденности в силе живого слова. Монтень говорил: «Живое слово и учит, и упражняет». А в наших выступлениях, речах, лекциях, телевизионных и радиопередачах, в повседневном общении остро ощущается недостаток именно живого, сочного, образного казахского слова. Пропагандировать культуру языка, его богатство нужно не только среди неказахов, но и среди самих казахов, и в том нет ничего зазорного, стыдного. Начало познания — интерес, любопытство, стремление. А знание ведет к уважению, к культуре. Уважение — одна из ступеней любви. И на всем этом и зиждятся межнациональные культурные отношения. Следовательно, пахать нужно глубоко, основательно, старательно, с любовью возделывать почву культуры. И работать на этом пути с далекой перспективой, с высокой целью, систематически, шаг за шагом поднимаясь по круче культуры двуязычия.

До сих пор, говоря о двуязычии, я, главным образом, оперировал примерами казахского языка. Но даже в условиях одной лишь нашей республики существуют и иные языковые пары — национального и русского. Все сказанное выше имеет непосредственное отношение — скорее всего, даже в более острой форме — и к языку советских немцев. И, признаться, говорить об этой кровно близкой мне стороне вопроса и трудно, и

больно, ибо отношусь я к тому поколению советских немцев, которое в самом хрупком возрасте лютой стужей обжег бесчеловечный сталинский указ от 28 августа 1941 года, лишивший нас в одночасье и «малой» родины, и человеческого достоинства, и прав, школ, газет, книг, и отлучивший даже от родного наречия. В обстановке жестких и абсолютно несправедливых гражданских ограничений, продлившихся до конца 1955 года, немцам даже разговаривать на родном языке не всегда бывало безопасным. Помню, когда в конце сороковых годов мой отец, выпросив у районного коменданта разрешение на трое суток, повез меня, хворого, в больницу в областной центр, то мы заранее условились говорить при людях только по-русски. И мы старательно изъяснялись по-русски, отец — с немецким акцентом, я — с казахским, ибо тогда мы считались не товарищами и даже не гражданами, а исключительно спецпереселенцами. С того времени немало воды утекло, и многое, очень многое изменилось к лучшему, выпрямилось и выправилось, но эксперименты на судьбе народа никак и никогда не проходят бесследно. И вот тому одно из доказательств: по данным переписи 1959 года 75 % советских немцев назвали родным языком немецкий; в 1970 году этот показатель упал до 66,8 %; в 1979 году он составил уже 57 %. Так что тенденция тут довольно очевидная.

И надо приветствовать более чем своевременное и опять-таки у нас, в Казахстане, принятое менее года назад постановление «О состоянии изучения в республике немецкого языка как родного», в котором намечены конструктивные меры по выправлению негативных явлений в этом важнейшем вопросе и которые, как мне кажется, вселяют некоторую надежду.

Говорю я это к тому, чтобы подчеркнуть простую истину: разрушать всегда легче, чем строить. Терять проще, чем обречать. И чтобы строить, вовсе не обязательно

но сначала все разрушать до основания. Делать это следует, очевидно, лишь в отношении к миру насилия, дабы затем построить наш новый мир. А чтобы строить на надежном фундаменте национальную культуру, здравую языковую политику, перспективные и справедливые межнациональные культурные отношения, лучше с самого начала беречь то, что досталось нам от предков, что заповедано ими, что веками накоплено опытом народа, а не приниматься, спохватившись, громогласно и всем миром за возрождение, воссоздание того, что предварительно также громогласно и всем миром дружно разрушалось. И если еще можно, потратив миллион-другой, выпрямить в преобразовательном порыве какую-нибудь излучистую речушку, а потом, убедившись в бессмысленности этого свершения, вновь пустить ее по старому руслу, опять-таки, понятно, вложив в это миллионы, то с национальной культурой, с национальным языком подобные эксперименты, достойные небезызвестных деятелей града Глупова, совсем уж неприемлемы и нереальны. Эту не столь уж сложную истину мы, кажется, начинаем осознавать только теперь. И потому ДВУЯЗЫЧИЕ, о котором ныне так страстно говорим, и есть та, может быть, главная гарантия сбережения нашего национального духа и уж, конечно же, важнейший фактор воспитания культурных межнациональных отношений. И это не просто вывод, это — убеждение. Более чем убеждение. Единственный, думается мне, путь обрести и сохранить себя.

1988

Свет книги

В мою жизнь книга вошла робко. Я только-только научился складывать буквы в немецкие и русские слова, как разразилась война и наша семья очутилась в

маленьком казахском ауле на берегу Ишима. Книг, соответствующих моему возрасту и потребностям, не оказалось во всей округе. Медицинские справочники отца не возбуждали во мне интереса к чтению. Между тем надвигалась пора учиться, а мой запас казахских слов был явно недостаточен, чтобы пойти в местную школу (русская же находилась в двадцати пяти километрах), и тогда, спасая мои ликбезовские познания, отец заставлял меня ежевечерне при подслеповатой лампе-семи-линейке читать вслух «Краткий курс ВКП (б)». Выгода от этого, как я понял позже, была двойная: я учился бегло читать, отец же повышал свой идейно-политический уровень. По крайней мере так ему тогда казалось.

Потом я выменял на бабки учебник немецкого языка для пятого класса; в кузнице старика Жайлаубая нашел книгу «Удар и защита» — о видах оружия с древнейших времен; приятель Аскер подарил мне потрепанный том Джамбула, напечатанный латинским шрифтом; отец где-то раздобыл дивную книжку «Синопа — маленький индеец», которую я вскоре зачитал до дыр.

Так я подружился с книгой. И свет ее манил, будоражил. Конец сороковых годов был для меня периодом запойного чтения. Читал я все, что было доступно в послевоенном ауле. Главным образом, на казахском языке. Учительница русского языка и литературы Мария Петровна Егорова, светлой души и незаурядного образования человек, привила мне, наивному аульному подростку, навыки систематического, осмысленного, серьезного чтения. Оно стало потребностью, а книга незаметно, исподволь формировала неокрепшую душу, внося в мои хаотические представления и ощущения смысл и лад.

Думаю, писатель обязан задавать себе вопрос: «Для чего он пишет? Что хочет?» Этот же вопрос вправе задавать ему читатель. Коли писатель пишет просто так, ради самого письма или для удовлетворения мелкого тщеславия, то это и нелепо, и горько. Читателя не обманешь: он тоже начнет читать просто так, для времяпрепровождения, от скуки. Ведь хорошие писатели, как говорил А. П. Чехов, «куда-то идут и вас зовут туда же, и вы чувствуете не умом, а всем своим существом, что в них есть какая-то цель, как у тени отца Гамлета, которая недаром приходила и тревожила воображение».

Увы, в потоке книг, выпускаемых нашими издательствами, многие никуда не зовут, не ведут, не волнуют, не тревожат воображение. Листаешь иную новинку и недоумеваешь. Ни мысли, ни любви, ни боли. Для чего написано? Разве лишь для того, чтобы множить лень у ма, небрежение, равнодушные.

Досадно...

...

Каждый писатель и пишет-то в конечном счете по мере разумения и способности ради одной-единственной цели: умножить добро, человечность, искренность, близость, душевность и тепло людских сердец. Ради той же цели — надо полагать — и книги читаются. Чтобы приобщиться к добру и умножить добро. Настроить душу на светлый лад. Проникнуться сочувствием к человеческим тревогам и болям. Все взаимосвязано.

...

Что иногда тревожит и вызывает у меня недоумение — так это то, что у иных писателей (большей частью, понятно, у молодых, хотя и достаточно зрелых — тоже) литература становится как бы самоцелью, какой-то автономной областью человеческого сознания, что ли; то есть уделяется внимание на ЧТО и КАК (при

этом КАК нередко превалирует) и совершенно упускается из виду ЗАЧЕМ, ради чего собственно написано произведение, иначе говоря, не совсем ясно, куда зовет, куда ведет такой писатель читателя. Очень часто вне поля зрения остается то, ради чего в общем-то и существует литература. Для меня, для моей рациональной немецкой души, прежде всего, важно ЗАЧЕМ. Вот лежит передо мной прекрасно изданный сборник «Поэзия ГДР». Так вот, читаешь стихи, скажем, Бехера, Брехта, Вайнерта, Кубы и все ясно: и ЗАЧЕМ, и ЧТО и КАК. Читаешь в хронологическом порядке более поздних, более молодых поэтов и поражаешься: какая техника, сколько изыска и вычурности, словесной эквилибристики, сколько, как говорил Райкин, «рекбусов» и «кроксвордов», а уяснить для себя ради чего все это — ох, трудно. Потом критики, издатели, да и сами поэты скорбят по поводу упадка читательского интереса к поэзии. Между тем интерес к поэзии никогда не угасает. Интерес теряется лишь к зауми, к претенциозности, к игре, к манерности и элитарности.

Давно замечено: литература — боль. Человек в слове выражает боль свою. А потому необходимо четко уяснить для себя, что хочешь. Иначе слово твое будет сочтаться жиром, на слове будет казы в три пальца.

...

Почему-то принято ругать слово «ремесло». Оно стало как бы синонимом бескрылости, неодоухотворенности. А по-моему, напрасно. Хорошее слово. Ну, понятно, все норовят быть талантами, художниками, и все у нас сплошь и рядом талантливо, все исключительно художники, все оригиналы, все уповают на вдохновение, на божественный дар. Увы, в любом деле нужно прежде всего постичь свое ремесло, научиться работать, систематически, в ритме, методически. Ведь прозаик, переводчик недалеко ускачет на легкономом стригунке вдох-

новения, ему нужна крепкая, выносливая, ломовая лошадь. Без ремесла не обойтись. Ну, что из того, что кого-то называют талантливым, вдохновенным, тонким художником, эстетом и т. д., а даже невооруженным глазом видно, что ремеслом он не владеет, и что никакой он не работник. Ремесло есть профессионализм, а без него и в писательстве никуда. Мне нравятся слова: работа, работник, ремесло, мастеровой. А художник, талант — такая редкость, такой поистине дар природы, судьбы, что даже говорить об этом боязно, неловко.

...

Чтение — труд. Об этом мало говорят. А ведь неблагодарное дело — писать и читать для забавы. В угоду сомнительной простоте, пресловутой доступности и занимательности мы часто, сами того не ведая, насаждаем легкое, поверхностное, машинальное чтение. И читатель, похоже, привыкает к этому. Проглатывает все с непостижимой легкостью. И мы упорно рассуждаем о безмерных тиражах и поем дифирамбы в адрес всеядного читателя. А что хорошего?

Подлинная литература должна ориентироваться на индивидуальность, на личность. Иначе попусту говорить о развитии. Чингиз Айтматов заметил, что круг его читателей сужается. Однако это не дает повода для тревоги. Действительно, ранние его повести количественно пользовались большим успехом, чем, скажем, «И дольше века длится день» или «Плаха». Но значит ли это, что Ч. Айтматов стал писать хуже? Отнюдь! Он стал писать по-другому, сложнее, глубже, глобальней, если можно так выразиться. И читатель, которого называют широким, просто-напросто не успевает расти за ним, дорасти до него.

Не стоит обольщаться массовым потреблением литературы. Вопрос ведь в том — какой литературы. Серость тоже бывает разномастной, а массовый читатель —

слишком разный. Социологи еще не изучили, какой он, что читает, как читает, для чего читает. А надо бы...

...

Банальность:

Не все благополучно в писательском деле. Заметна усталость от длинных речей и скучных книг.

Не все благополучно в издательском деле. Нет заслона потоку, давно именуемому мутным.

Не все благополучно и с читателем. Жвачку и сыворотку он часто принимает за полнокровную литературу. Не он, правда, в том виноват.

Может, в идеале эти проблемы неразрешимы? Не знаю. Но стремиться к их разрешению, очевидно, надо.

...

Тяжко написать хорошую книгу. Непросто ее издать. Но ее еще нужно сделать достоянием читателя. О ней нужно говорить. Умело и честно. Помня при этом лапидарную формулу И. Бехера: «Меньше — значит больше».

Свет книги. Свет добра и мудрости. Он неугасим. Он вечно облагораживает душу. Не дает черстветь сердцу. Этот свет надо любить. Им нужно дорожить.

1981

ЕДИНАЯ, МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ *

О литературных взаимосвязях

Хотя мое выступление и названо излишне общо и широко, речь, понятно, идет о вполне конкретном: о

* Выступление на творческой встрече советских немецких писателей в Москве (май 1984 г.).

творческих контактах советской немецкой литературы с братскими литературами нашей страны. Контакты эти проявляются в разных аспектах — в творческих взаимоотношениях, взаимопереводах, ярко свидетельствующих о взаимной любви, дружеской переключке и созвучии талантов и судеб, пропаганде и популяризации литератур, да и, наконец, простом человеческом сочувствии и соучастии в общем серьезном деле.

Мы, литераторы, непосредственно и активно участвуем в двуедином диалектическом процессе, при котором, с одной стороны, каждая культурная нация или народность стремится сконцентрировать свои интеллектуальные силы, дабы четче чувствовать свое национальное достоинство, ощущать себя не только потребителем, но и производителем духовных ценностей, выявить свое подлинно национальное, избегая по мере возможности печальную участь манкуртизма, столь философски ярко выраженного в известном романе Чингиза Айтматова, а с другой стороны, в силу исторических обстоятельств и насущной потребности Времени происходит консолидация духовных сил, властная тяга к взаимообогащению интеллекта и единению литератур, культур и народов.

По сути в этой короткой предпосылке — ключ нашего разговора о литературных взаимосвязях. Советские немцы живут и творят не в изоляции, не в некоем вакууме. И развитие их литературы идет нога в ногу со всеми литературами братских народов страны, в более или менее тесном контакте, во все более увеличивающемся в последнее время взаимном интересе.

В ряду бесспорных достоинств советских немецких поэтов следует назвать их многолетний, целеустремленный, устойчивый интерес к многоязыкой нашей поэзии и желание сделать лучшие произведения достоянием немецкого читателя. Невозможно представить литератур-

ные страницы трех наших периодических немецких газет без стихотворных переводов. По пальцам одной руки можно пересчитать советских немецких поэтов, которые пока еще не переводят своих иноязычных коллег.

Примечательно, что многие наши поэты включают в свои сборники и переводные стихи. Подчеркиваю: издавна и традиционно сильно развита у наших поэтов явно интернационалистическая жилка. Наряду с нашими опытными, признанными переводчиками все увереннее пробуют свои силы в этом благородном деле и те, кто еще недавно избегал его. Переводят наши поэты много и в подавляющем большинстве, на мой взгляд, хорошо. Почему это происходит? По моему мнению, потому, что глубоко проникают в оригинал, чутко понимают и чувствуют все его тонкости, верно настраиваются на его тональность и дыхание, стараются подыскивать в родном языке наиболее точный, емкий эквивалент, и еще потому — это не менее важно — что переводят исключительно по любви, по внутреннему зову, по душевному влечению. Конечно, в подобных переводческих принципах большая гарантия успеха.

Нетрудно также заметить тенденцию расширения переводческой географии — переводят не только классиков, не только знаменитых и маститых, не только русских поэтов, но и менее известных, а то и вовсе не известных, прошлых и современных, национальных поэтов из всех регионов и областей.

Масштабная, многогранная переводческая деятельность Зеппа Эстеррайхера, выступающего в многоликом единстве, заслуживает уважения и восхищения. Его переводы — высокой художественной пробы — вот уже не одно десятилетие постоянно публикуются во множестве изданий, знакомя немецкоязычного читателя не только нашей страны, но и за рубежом с лучшими поэтическими творениями всех наших союзных и автономных республик. Достойны доброй оценки переводы Ф. Боль-

гера — С. Есенина и К. Кулиева, Р. Жакмына — Р. Гамзатова, Р. Лейса — К. Мурзалиева и Дж. Мулдагалиева, М. Шаханова, Р. Пфлюг — большой группы казахских поэтов.

Положительно оценивая благородные порывы наших переводчиков, неустанно пропагандирующих творчество своих собратьев по перу и тем самым не только по гражданскому долгу, но и по зову сердца, сближающих души народов, я хотел бы здесь поделиться и некоторыми своими сомнениями и озабоченностью.

Явно неверно, что об уровне, о качестве перевода на немецкий язык слишком мало, слишком редко всерьез и квалифицированно говорится. На память приходит серьезный доклад на эту тему на одном из давних, полузабытых наших семинаров, сообщение на одной из алтайских литературных встреч, несколько заметок в печати — и, пожалуй, все. Между тем такой разговор нужен постоянно, на всех наших творческих встречах, ибо, как сказано, переводим много и есть смысл в том, чтобы вновь и вновь обращаться к тому, что такое хорошо и что такое плохо. Иначе неминуема самодетельность, инертность. И если уж разговор этот не по зубам нашим доморощенным критикам, то надо настойчивей привлекать к нему самих поэтов-переводчиков или приглашать специалистов, так сказать, извне.

Не вижу порой логики, принципа, четкого художественного подхода в иных переводческих публикациях. Неясно, чем руководствовалась редакция, публикуя какой-нибудь заурядный стишок неизвестного поэта, почему он удостоился чести быть переведенным на немецкий язык, что руководило переводчиком при выборе именно этого стихотворения. Скажем, мелькнуло где-нибудь в уголочке литстраницы куцее стихотворение, к примеру, Е. Рахима, Б. Радевича, Р. Короткова, Н. Дорошюка и т. д. один раз за десятилетие, ну и что из этого? Кто и как идейно-эстетически обогатился? Не смыхи-

вает ли это на самотек? На случайность? На всеядность?

И еще: мне никогда не приходилось видеть или слышать читательские отзывы на переводы. Или, скажем точнее, почти никогда. Почему? Не читают их? Или мало читают? Или оставляют равнодушными? Каково отношение читателя к переводческой продукции? Имеются ли какие социологические данные по этой части? Если с вопросом «для чего переводим?» вроде все более-менее ясно, то как обстоит дело с вопросом «для кого переводим?». В этом надо разобраться.

Известно: хорошая любовь — взаимная любовь. И истинная творческая связь не может и не должна быть односторонней. Поэтому совершенно понятно желание и стремление наших литераторов переводиться на другие языки. Примечательно, что эту потребность выразил еще в 30-х годах русский поэт Осип Мандельштам, сказав: «И даже приволжские немцы к себе переводчиков ждут».

Произведения советских немцев, переведенные на русский язык, обретают сразу же значительную популярность среди широкого читателя, и в первую голову среди тех же советских немцев, по тем или иным причинам предпочитающих читать по-русски. Каждый раз, встречаясь с читателями, мне приходится убеждаться в том, что — особенно среди советской немецкой молодежи — далеко не всегда в обращении находятся книжки, издаваемые в «Прогрессе» или «Казахстане» на немецком языке, зато книги советских немецких авторов или даже отдельные статьи, появляющиеся где-либо на русском языке, мгновенно привлекают внимание и становятся предметом разговора. Едва, скажем, вышла в Казахстане книжка Давида Вагнера «Рыцари без страха» на русском языке, как пошли письма, отклики читателей с пожеланиями углублять и разрабатывать эту тему и впредь. Моя скромная, информативная статейка

«Горизонты надежд» в «Дружбе народов» обрела для меня самого неожиданный резонанс, и я получал письма из разных уголков, которые и радовали, и огорчали. Радовали потому, что статья дошла до читателя, а огорчала потому, что из некоторых писем явствовалала поразительная неосведомленность определенной категории наших читателей из числа советских немцев об истории своего народа, своей литературы, из чего можно было сделать печальный вывод, что они и слыхом не слыхивали о серьезных, основательных публикациях на эту тему во всех наших немецких газетах. Вывод отсюда один: в стране существует очень большая немецкая аудитория, которая в состоянии воспринять нашу литературу, нашу историю главным образом на русском языке.

Не считаться с этим мы не вправе. И характерно это явление отнюдь не только для советских немцев.

Какие книги советских немецких литераторов вышли на русском языке в промежутке между двумя нашими творческими встречами? Перечисление их займет не много места. Это — книжка для детей «Обезьянка Мик» Пюры Пфедфер (издательство «Жалын»), сборник рассказов и повестей «Далекie журавли» коллектива авторов, сборник стихов «Обещание» Р. Вебера и коллективный сборник стихов «Созидание» (все три книги вышли в издательстве «Советский писатель»), сборник стихов Эдмунда Гюнтера, изданный в Новосибирске, однотомник А. Дебольского, переизданный в Алма-Ате, сборник рассказов Эрнста Кончака «Три березы» и Нелли Ваккер «Гвоздики для тебя», вышедшие в издательстве «Жазушы», поэма Р. Жакмьена «Сказание о янтаре» (Калининград), две моих книги «Брат среди братьев» и «Созвучие», увидевшие свет в Казахстане, и «Голуба Вандривка» О. Ришави (Ужгород), прозвучавшая по-украински. В цифровом выражении это означает: двенадцать книг за четыре года на русском языке.

Остановимся чуть подробнее на некоторых из них.

Казахстанское издательство «Жазушы» в последнее время почти ежегодно издает по одной книжке немецких литераторов республики на русском языке. При этом упор делается на прозу. При составлении этих книг каждый раз всплывают две проблемы — отбора и перевода. В процессе подготовки книги вдруг выясняется, что далеко не все, что написал тот или иной советский немецкий прозаик или поэт на родном языке, может представлять интерес для широкого читателя. Изъяны любого произведения особенно заметны в переводе. Для того, чтобы составить небольшой коллективный сборник, приходится перелопачивать уйму литературы. А после отбора наталкиваешься на переводческую проблему. Речь идет, понятно, о прямом переводе, а не двустадийном, значит, необходимо искать людей, которые были бы в ладу и с тем, и с другим языком.

В Казахстане сложился переводческий актив с немецкого: Р. Вайнбергер, Ж. Шлишевская, В. Назаров (Новокузнецк), Ю. Плашевский, Л. Степанова. Некоторые авторы (А. Дебольский, Н. Ваккер) переводят иногда себя сами. Что можно сказать об этих переводах? Они аккуратны, добросовестны, старательны. Чутки к оригиналу. Грамотные. Особых претензий к ним нет. Однако, читая их, нередко ловишь себя на мысли, что они вроде как излишне скованны, излишне точны и буквальны, робки, что ли. Ощущение такое, что переводчики боятся отойти от «буквы», старательно перетаскивают с языка на язык слова, фразы, предложения, забывая о легкости, о свободе художественного языка, о естественном дыхании, об изяществе и шарме, без чего не существует истинно художественного перевода. Тень этого изъяна лежит, пожалуй, на большинстве книг немецких писателей, изданных в Казахстане на русском языке. Не на достаточном уровне в этих книгах и редакторская работа: ляпсусы, языковые огрехи и опечат-

ки встречаются еще довольно часто. Об этих недостатках мы знаем и стараемся их преодолеть.

Нора Пфедер уже несколько лет работает в контакте с русской поэтессой Лидией Степановой. Благодаря ее переводу родились две милые книжки на русском языке известного нашего детского поэта. На мой взгляд, это удачные переводы. Л. Степанова переводит не только слова, не только «букву», а поэзию поэзией; она точно настроена на поэтическую волну оригинала, на размер, ритм, легкую, игровую, озорную, добрую тональность. Словом, перевод ее созвучен и немецкому оригиналу, и обладает достоинством и естественностью русского стихосложения. Можно параллельно на русском и немецком языках прочесть и «Обезьянку Мик», и «Лягушонка и Скорпиона», и «Веселый пир», и «Лесную прогулку» и другие известные веселые истории, рассказанные Н. Пфедер, и убедиться в изысканности и точности перевода. Отдельные отклонения в деталях вполне объяснимы и контекстуально оправданы.

Общий уровень переводов в сборнике «Созидание», на мой взгляд, вызывает удовлетворение. В них я лично улавливаю главное — соблюдение индивидуальности поэта, его своеобразия, его манеры. Средствами русского языка переводчики в большинстве случаев верно и чутко передали суть, дух оригинала, нередко даже тонкости, нюансы его формы, добиться чего, конечно, было непросто. Вспомним буйную, лукавую, красочную «Ярмарку» А. Реймгена:

Es eilen die Leute, denn Markttag ist heute,
Hinunter die Gasse bewegt sich die Masse.
Durch's Markttor, das enge, drängt bunt sich die Menge
Mit Glatze. Mit Mähne. Verhutzelte. Schöne,
Behoste, in Röcken. Mit Kleinkram in Säcken.
Mit Bändern an Hüten und Blumen in Tüten...
Es lärmten die Leute, denn Markttag ist heute.

Вслушайтесь в русский перевод:

Весь город запружен, как улей, разбужен
от гвалта и гуда,— ах, ярмарка-чудо!
Кишеньё, брожение и столпотворенье,
Старухи, молодки, завивки, бородки,
Кто в юбках, кто в шортах, кто в джинсах потертых,
косынки, папахи, халаты, рубахи,
чувяки и кеды,— не встретишь нигде ты
столь разного люда,— ах, ярмарка-чудо!

Хорошо, не правда ли? Ритм, дух, настроение, размер, тональность, интонация переданы великолепно. Перевод выдержан на едином дыхании. Выполнен он В. Летучим.

Или прочтем несколько стихотворений Зеппа Эстеррайхера из этого сборника. Вот «Истории без рифм»:

Написавшего книгу смиренного схимника
Я сегодня стихами прославлю.
Я пока что не выдумал рифмы для «схимника»
И без рифмы его оставляю...

Или «Рыцарь Конрад»:

Жил рыцарь Конрад фон Камнебой,
Он вечно рвался с соседями в бой,
Он захапал очень много земли,
Был весьма известен вблизи и вдали
Рыцарь Конрад.

Стихи Зеппа Эстеррайхера кажутся простыми только внешне. Они едки и лукавы, в каждой строчке сквозит умная усмешка, есть в них игра слов, шаловливость, своенравный размер, и переводчик Евг. Витковский не только верно уловил все это, но и естественно передал по-русски. В этих переводах мы явственно слышим знакомые интонации нашего юмориста и сатирика.

Евг. Витковскому подвластны и сатирическая, и лирическая, и философско-созерцательная тональность, в чем легко убедиться, знакомясь с его переводами Р. Вебера, А. Бека, Н. Ваккер.

Профессионально переводит В. Вебер. Особенно ему

на. В том же размере написана и глава «Талисман»:

Там, где пестрыми волнами
Океан осенних джунглей
Подступает к Синегорью —
До крутой скалы отвесной,
Дотянулась, как ладонью,
Гололобая поляна.
Люди с кожей цвета бронзы,
Темный волос оттенявшей,
Дружно в тесный круг сомкнулись...

Переводчик руководствовался верным принципом: не слова переводить, не переливать их из языка в язык, а переводить поэзию — поэзией, образ — образом.

Были ли публикации о советской немецкой литературе на других языках народов СССР? Мне известно лишь несколько фактов. 71 стихотворение О. Ришави вошло в ее украинский сборник. В сборнике «Отаным — бакыт ордасы» (издательство «Жалын») представлены по-казахски четыре стихотворения Генке, Больгера, Кемпфа, Реймгена и два рассказа, Эрлиха и мой. Газета «Советская Удмуртия» (1980, 19 сентября) опубликовала в переводе А. Белоногова на удмуртский язык четыре стихотворения «немецкой поэтессалэн Нэлли Ваккерлэн». Шесть стихотворений Генке прозвучали по-литовски в переводе Йонаса Штриелькунаса. В газете «Карпати игаз со» (Ужгород) заговорила по-венгерски новелла Дебольского. В казахском журнале «Билим жене енбек» вышел «Трони» Жакмьена. Статью о советской немецкой литературе опубликовал эстонский журнал «Кеель йа кириандус». Кетевана Тиникашвили из Тбилиси перевела на грузинский язык две статьи и один рассказ Гольмана. Мои статьи о советской немецкой литературе печатались в казахских газетах «Социалистик Казахстан», «Казах адебиеты», «Лениншил жас». Возможно, существуют публикации и на других языках, но я о том не информирован. В связи с этим

приходит на память строфа из стихотворения О. Мандельштама:

И может быть, в эти минуты
Меня на турецкий язык
Японец какой переводит
И прямо мне в душу проник?!

Послушаем, что пишут критики о наших русских изданиях. Примечательно, что издания эти не остались без внимания. Когда, к примеру, у нас в республике вышел поэтический сборник «Мой Казахстан», о нем говорилось и в «Казахстанской правде», и в «Ленинской смене», и в «Огнях Алатау», и в «Литературной газете», и в «Просторе», и в «Друге читателя». В ряде областных газет публиковались доброжелательные рецензии. Казахстанский русский поэт Владимир Гундарев писал о том, что в сборнике представлены «во всей многоплановости, широте, без излишней патетичности и прямолинейности неповторимая природа Казахстана, его замечательные люди, дети разных народов, среди которых достойное место занимают и немцы». Он находил глубину проникновения в уклад и колорит Востока, поэтическую зоркость у Н. Пфеффер, философское осмысление явлений действительности у Р. Пфлюг, образное выражение современной действительности у Р. Вебера, лиричность у В. Гейнца и Э. Ульмер. В заключении рецензии В. Гундарев писал: «Книга «Мой Казахстан» убедительно свидетельствует о том, что современная советская немецкая поэзия, являющаяся частью многонациональной литературы нашей страны, успешно развивает свои традиции».

Об этом же сборнике написал и критик Илья Шухов в своей книге «Время открытий» («Жазушы», 1980). Он отмечает, что сборник издан аккуратно, с любовью и вкусом, что вдумчиво поработали составители и редакторы, что «стихи — в большинстве своем — отличаются

глубиной содержания, разнообразием формы, свежестью, точностью поэтического языка». Особое внимание уделяет критик разбору «Казахстанской тетради» Р. Вебера, стихов Ф. Больгера, К. Вельца, Г. Генке, Р. Пфлюг.

Любопытно, что теми или иными фактами советской немецкой литературы оперируют нередко и именитые литературоведы, хотя, случается, и путают Больгера с Бельгером, т. е. со мной, щедро приписывая мне поэтические творения алтайского коллеги.

Много отзывов было о сборнике «Далекие журавли». О сборнике «Созидание» опубликовала теплую рецензию Элла Репина в журнале «Литературное обозрение». Не осталась вне поля зрения критиков и моя книга «Брат среди братьев», один раздел которой целиком посвящен советской немецкой литературе. Об этой книге писали в русской и казахской печати В. Гундарев, О. Мацкевич, Н. Пфеффер, А. Еженова, О. Сарсенбаев, А. Алибеков.

Здесь уместно назвать и ряд статей в локальной периодике Алтайского края о творчестве Каценштейна, Больгера, Гердта, Крамера, Шпаара.

Говоря о взаимосвязях литератур, нельзя обойти молчанием и стремление писателей создавать в своих произведениях инонациональные художественные образы. Ни одна литература в нашей стране не развивается замкнуто, и потому вполне естественно звучит в художественной литературе одна из магистральных тем — тема дружбы народов, интернациональных взаимосвязей в жизни, в быту, в творческих контактах. Инонациональные образы в произведениях советских немецких писателей и образы советских немцев в литературе братских народов — предмет отдельного обстоятельного разговора. Здесь я только напомним, что в советской немецкой литературе можно встретить целую галерею полнокровных, жизненно достоверных образов русских, украинцев,

казахов, киргизов, узбеков, корейцев, грузин, армян, татар, балкар и манси — мне о том уже приходилось говорить и устно, и печатно. Напомню также, что герои немецкой национальности особенно часто встречаются в произведениях казахских писателей — А. Джагановой, С. Жунусова, М. Магауина, С. Муратбекова, К. Казыбаева, О. Сарсенбаева, М. Каназова, Р. Сейсенбаева, С. Сматаева, А. Нурпеисова, А. Тарази и других.

Было бы неверно рассматривать творческие контакты советской немецкой литературы с другими литературами в сплошном розовом свете. Увы, нерешенных проблем по этой части значительно больше, чем решенных.

Чтобы иметь более ясное и четкое представление о литературных взаимосвязях, следует, очевидно, начать с библиографии. Мы пребываем в неведении. Сами литераторы, не говоря уже о читателях, зачастую не знают, что и где печаталось или печатается на русском и других языках. Это серьезный пробел. Разговор о том, что необходима библиография типа шиллеровской, ведется уже много лет, но конкретного решения пока не видно.

Я уже многие годы слежу за иноязычными публикациями советской немецкой литературы, и поначалу мне чудилось, что составить подобную библиографию проще простого. Ан нет! Несложно было сделать список книг советских немецких писателей на русском и других языках. Оказалось, что с 1960 года по 1984 год вышло на русском языке 34 книги советских немецких литераторов, одна книга на украинском и одна на латышском языках, две книги за рубежом.

Пожалуй, в большем количестве известны мне публикации наших произведений на русском языке. Но, разумеется, не все. Вероятно, известны мне все публикации на казахском. А на других языках? Могу назвать немало статей, заметок, информации о нашей литерату-

ре на разных языках, но перечень этот будет не полным. Известны мне публикации произведений советских немецких литераторов в ГДР, ФРГ, Австрии, Швейцарии, Чехословакии, Румынии, но это опять-таки единичные сведения. Значит, работа предстоит объемная, громоздкая, кропотливая, Значит, нужны совместные усилия.

В пропаганде и популяризации нашей литературы мы все еще проявляем пассивность и инертность. Почему-то ждем, когда кто-нибудь обратит на нас благосклонный взор и начнет писать о нас. Спасибо В. Гундареву, В. Владимирову, Илье Шухову, Э. Репиной, которые это делают. А мы сами? Или грамоты не хватает? Или с русским языком не в ладу? Или скромность не позволяет? Я знаю, многие наши печатные органы охотно опубликовали бы обзоры, статьи, заметки, рецензии о нашей литературе.

Недостаточно эффективно, не на должном уровне идет и устная пропаганда нашей литературы на встречах с читателями.

Все еще плохо обстоит дело с привлечением к переводческому делу значительных художественных сил; не «задействованы» русскоязычные немецкие поэты, плохо слышны их голоса; недостаточно мобилизованы русские поэты, которые испытывают некоторую тягу к советской немецкой поэзии; излишне робки немецкие прозаики, пишущие по-русски.

Негоже, однако, заканчивать столь длинное выступление на упадочнической ноте. Было время, когда мы говорили о расцвете нашей литературы, однако в те годы о переводе на русский язык и не помышляли. Было время, когда бурно радовались первым русским книжкам Жакмьена и Больгера. Наступили иные времена: теперь мы называем десятки книг и сотни публикаций на русском и других языках народов СССР, и мы, радуясь этому, все же сетуем на наши недостатки. Может, это и свидетельствует о нашем росте, о качественных

сдвигах нашей литературы? Может, именно в этом гарантия наших будущих успехов?

1984

О «белых пятнах» в немецкой советской литературе

Для меня до сих пор загадка, для чего тоталитарному сталинскому режиму понадобился этот злодейский эксперимент с насильным переселением народов, в частности советских немцев. То, что сказано в Указе от 28 августа 1941 года, — ложь, рассчитанная главным образом на запуганных и оболваненных фарисейской идеологией обывателей. И, уверен, тогдашние вершители судеб народов и сами прекрасно сознавали, что это заурядная, беспардонная ложь — все эти наспех придуманные рассказы о тысячах и десятках тысяч диверсантов и шпионов, якобы орудовавших в селах и деревнях Поволжья. И зная, что это ложь, «отцы народов» решили побряцать устрашающими выражениями типа: «карательные меры», «кровопролитие», «по законам военного времени». Вполне планомерное, незунитское преследование советских немцев началось значительно раньше 1941 года, так что мифические диверсанты и шпионы в Поволжье совсем уж ни при чем. Это был просто один из мощнейших аккордов в гигантской лжи. Карательные меры против советских немцев нужны были для каких-то других целей, которых мы либо не знаем, либо старательно скрываем.

А. И. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ», говоря о депортации немцев Поволжья, высказывает такое предположение: «Это было личное распоряжение монарха. Кроме того, это был его первый национальный эксперимент подобного рода, это было интересно теоретически». Не знаю, так это или не так, но если это и

был теоретический эксперимент, то весьма и весьма «удачный», «блестящий» на практике эксперимент, который пришелся по душе и другим — откровенным или тайным последователям монарха. Блестящий в том смысле, что «успехи» оказались и впрямь грандиозными: целый народ был развеян, рассеян, точно кизяк в степи, растоптан, искалечен, превращен в одночасье в изгоев, в спецпереселенцев, потом в население, потом в толпу.

Все это известно, все это мы знаем, и пишу я о том сейчас лишь затем, чтобы еще раз подчеркнуть: «белые пятна» не только идут сплошной чередой по многотрудным этапам истории российских немцев, но и сами немцы — российские, советские или этнические (называй, как хочешь) — превратились в сплошное «белое пятно». Не о том ли свидетельствует почти что шоковое удивление, даже неловкость какая-то, недоумение, едва речь заходит об этом народе? (Впрочем, замечу тут в скобках, что и понятие «народ» в отношении к советским немцам употребляется весьма условно, ибо наши мудрые головы не в состоянии определить, кто мы есть: народ ли, нация ли, национальность ли, национальная ли группа или просто граждане немецкого происхождения, либо и вовсе уж манкурты — люди без памяти).

И опять-таки не о том ли, о сплошном «белом пятне», свидетельствует постыдная возня на территории бывшей Автономной Республики немцев Поволжья, где с некоторых пор проводится некое «патриотическое» действо под испытанным лозунгом: «Не пущать!»? Это уже страшнее, чем «белое пятно» в истории советских немцев. Это как раз последствия того злодейского эксперимента, начатого задолго до гитлеровского нашествия, это «белые пятна» в общем сознании нашем, в духовной системе нашей, которые из-за давности и неусыпной боли превратились, чудится мне, в огромное гибельное серое пятно.

Вот та, по-моему, точка зрения, исходя из которой можно наконец несколько конкретнее говорить о «белых пятнах» в немецкой советской литературе.

Во-первых, это травля и репрессии наиболее значительных советских немецких литераторов в продолжении всех 30-х годов, потом 15-летнее тотальное безмолвие, когда ни один немец нашей страны не мог написать ни одной строчки на родном языке, потом четвертьвековой этап разговора шепотом, этап, более похожий на вялую реанимацию или гальванизацию. Все это неизбежно привело к тому, что между разными литературными поколениями, разными периодами литературы произошел катастрофический разрыв, обрыв, провал.

У послевоенного поколения, насильно отлученного от национальных духовных истоков, основательно перемолотого бесправием и лишениями, подспудно сложилось представление, будто у советских немцев в области культуры и литературы никогда ничего и не было, что первая проба пера связана едва ли не с появлением газеты «Арбайт» на Алтае и «Нойес Лебен» в Москве. Более того, даже робкие, спорадические разговоры о том, что литература российских немцев некогда была довольно разнообразной и представительной, что в ней шла полнокровная жизнь, были такие-то и такие-то имена, издавались в разных центрах страны книги, журналы, газеты, воспринимаются нынешним поколением с недоверием, скептически, ибо, во-первых, сознание его поражено национальным нигилизмом, а, во-вторых, практический по складу ума и характеру немец верит лишь в то, что он видит своими глазами, что он может пощупать, потрогать руками.

В последние годы историки, литературоведы, критики (Д. Вагнер, В. Эккерт, Э. Кончак, Л. Малиновский, И. Кроневальд, К. Эрлих, В. Гердт) опубликовали ряд статей и исследований, в которых пытались как-то восстановить разорвавшиеся звенья духовного развития,

однако эти работы, обнародованные в малотиражных изданиях, как правило, не доходят до сознания массового немецкого читателя, а русскоязычный читатель и во все пребывает в полном неведении. И следовательно, уже только в одном этом вопросе — в истории советской немецкой литературы — образовался стойкий и длинный ряд «белых пятен». Кто и что, например, ныне знает о немецких литераторах второй половины XIX и начала XX века, так называемого буржуазно-клерикального направления (С. Келлер, Э. Шриль, В. Гарден, В. Штрац, И. Крушинский и др.)? Ясно, что многое в их взглядах и художественных пристрастиях нам ныне чуждо, но отмахиваться от этого течения, делать вид, что его не было, нельзя.

Крайне мало мы знаем и о революционно-демократическом направлении литературы российских немцев начала XX века (Ф. Бах, Г. Люфт, А. Вульф, А. Лонзингер, Р. Дирк, П. Зиннер, Д. Куфельд, Х. Эльберг и др.).

А есть ли у нас мало-мальски систематическое представление о немецкой советской литературе 20—30-х годов? А это ведь десятки достойных имен и сотни значительных произведений, художественно запечатлевших Время, без которых невозможно представить нашу литературу. Этот огромный пласт нашей культуры не обобщен, не осмыслен, не изучен по всем параметрам. Современный советский немец и знать не знает ни имен тех литераторов, ни названия их произведений. Ибо о них почти не говорится, книги их, можно сказать, недоступны, произведения их не перепечатываются.

В Казахстане в минувшем году было реабилитировано пять крупных казахских писателей, репрессированных в 30-е годы, и тут же, несколько месяцев спустя, появились их любовно изданные однотомники, не говоря уже о бесчисленных публикациях их произведений в периодической печати. Похвальный пример! Мы же

ценой больших усилий сумели опубликовать в «Хайматлихе Вайтен» давний роман Герхарда Завадского, и этим едва ли не ограничились. Доброе дело делает «Фройндшафт», перепечатавшая несколько популярных среди российских немцев произведений прошлого века.

Таково гигантское «белое пятно», огромное запущенное поле, не возродив, не окультутив которого, невозможно говорить о развитии национального духа.

Во-вторых, к сказанному выше плотно примыкает и плачевное состояние немецкого советского литературоведения. Оно и ранее, в довоенное время, не отличалось каким-то серьезным уровнем. По-настоящему профессиональным литературоведом того времени был едва ли не один Ф. П. Шиллер, да и он занимался совсем иными, более глобальными проблемами. Те отдельные статьи, исследования, учебники, которые нам известны, не делают погоды в истинном литературоведческом направлении. Не стоит переоценивать и наши послевоенные литературоведческие достижения, хотя, несомненно, нельзя упускать из виду известные работы Д. Вагнера, В. Эккерта, В. Клейна, Э. Репиной, К. Эрлиха.

Я давно уже ношусь с идеей издать книгу наиболее серьезных литературоведческих трудов, опубликованных в разное время. Пока это остается мечтой. А ведь такой коллективный сборник составить было бы совсем нетрудно, и он мог бы дать более-менее объективную картину нашей литературы. Скоро в издательстве «Казахстан» выйдет составленный мной сборник под названием «Штимен унд Шикзале» («Голоса и судьбы»), отражающий творчество двух десятков наиболее известных немецких советских писателей. Это, конечно, не литературоведение, а скорее критика, литературные портреты, дающие, однако, немало материала для гипотетических литературоведов.

В-третьих, досадным «белым пятном» в нашей литературе является фольклор. В плане историческом фоль-

клор советских немцев — огромное, уникальное богатство. В нем сохранились душа народа, живая боль и радость его истории, тепло и обаяние его катастрофически исчезающих или уже исчезнувших диалектов. Это сейчас, в наше время, устное народное творчество пошло на убыль. И если уже теперь некому собирать по крохам то, что еще тлеет в глубинках, что еще сохранилось в памяти отдельных наших соплеменников, то необходимо хотя бы сберечь, научно обработать, опубликовать то, что было собрано нашими предшественниками от П. Зиннера до В. Клейна. После смерти В. Клейна никто не занимается сбором, систематизацией, изучением фольклора советских немцев. Исключением является, пожалуй, один Иоганн Виндгольц, с подлинной научной страстью изучающий песенное искусство нашего народа. Думаю, даже на основе того, что собрано фольклористами к настоящему времени, можно издать несколько поистине бесценных сборников. В будущем сделать это будет сложнее и трудней.

В-четвертых, на мой взгляд, наиболее осязаемое «белое пятно» в нашей литературе — библиография. Без фундаментальной или — хотя бы — более-менее полной библиографии ни о чем всерьез говорить невозможно. Это всем должно быть ясно. Наше неведение, наш скепсис, наше самоунижение в большой степени исходят из того, что мы просто-напросто не обладаем общей картиной того, что имели в прошлом и что имеем в настоящем. В самом деле, откуда нам черпать сведения о литературе, имеющейся о российских (советских) немцах? В этом море кое-как барахтаются только единицы (специалисты), большинство же искренне полагает, что такой литературы никогда не было и нет. Раритетом стала изданная 62 года назад всего-навсего в одну тысячу экземпляров книжка Ф. П. Шиллера «Литература по истории и фольклору немецких колоний в Советском Союзе 1764—1926 годов», включающая 970

названий. Это уникальный труд! Лет двадцать тому назад я переписал его для себя от руки и показываю его всем, когда речь заходит об истории советских немцев, и испытываю радость и гордость, когда мои собеседники с изумлением восклицают: «Вот как! А мы о том ни сном ни духом не ведали». Беда же в том, что об этом не ведают сами наши соплеменники.

А что же дальше? Сколько немецкой литературы издавалось у нас в промежутке между, скажем, 1927 и 1941 годами? Можно ли это хотя бы примерно представить? Вряд ли! 41-й том Большой Советской Энциклопедии, изданный в 1939 году, свидетельствует: «Только за три года (1933—1935) немецкое издательство выпустило 2861 000 экземпляров книг (555 названий немецких книг)». Представляете, 555 названий за три года только в Автономной Республике немцев Поволжья! А в других местах нашей страны за 14 лет? Кто это считал? И какому будущему Ф. П. Шиллеру будет под силу все это подсчитать и систематизировать? И что из этой литературы сохранилось? И где что можно еще найти? И позволительно ли смириться с тем, что весь этот слой культуры бесследно провалился в тартарары бездуховности и беспамятства?

А сколько издано немецкой литературы в послевоенное время? Имеет ли советский немец о том хотя бы мало-мальское представление? Уверен, что многие недоуменно пожмут плечами. Или скажут сокрушенно: «Ничего у нас и нет....» А между тем одних только книг на немецком языке за 1960—1985 годы у нас издано, оказывается, 282. О том свидетельствует «Библиография советско-немецкой литературы 1960—1985 годов, составленная Аннелоре Энгель-Брауншмидт и Клеменсом Хайтусом» (Издательство «Белау Ферлаг», 1987, ФРГ).

По моим данным, книг десять в этот указатель не вошло. Следовательно, без малого 300 книг за четверть

века. Названный указатель имеют в нашей стране, может, два десятка человек. У наших же доморощенных издателей никак руки не доходят до подобных изданий. Более того, многим даже не удается внушить, что это необходимо сделать в первую очередь.

Еще десять лет назад доцент из Красноярска Вольдемар Эккерт намеревался создать «Краткий лексикон советско-немецкой литературы от начала до нынешнего времени» и прислал мне для ознакомления диспозицию задуманной рукописи. Это была прекрасная идея! И если бы она осуществилась, мы получили бы конкретное, зримое представление о нашей литературе в целом. Автор краткого лексикона хотел дать сведения о более 170 советских немецких литераторах. Лексикон так и не состоялся. И отнюдь не по вине автора.

Знаю, что одно время о библиографическом указателе задумывались Виктор Гердт и Константин Эрлих. Но и их намерение не нашло отражения в издательских планах.

Долгие годы о советских немцах, как известно, ничего не писалось в русской печати. Произведения наших литераторов не переводились на русский и другие языки. Но вот начиная с 1958 года в разных изданиях стали появляться отдельные переводы, и мы этому очень радовались. Сначала это были отдельные стихотворения, потом — подборки стихов, потом — короткие рассказы, очерки, наконец — книги и коллективные сборники. Так вот, где, когда и что появилось у нас на русском языке? Знает ли о том наш читатель? Опять-таки весьма приблизительно. Между тем по моим подсчетам одних только книг немецких советских писателей на русском языке издано более пятидесяти. А сколько журнальных, газетных публикаций появилось, особенно в последнее время? А переводы на другие языки — казахский, татарский, якутский, удмуртский, венгерский, латышский, литовский, грузинский? Кто за всем этим сле-

лит? Кто это все регистрирует? Я уже многие годы этим попутно занимаюсь, записываю, что попадает в поле моего зрения, и в моем списке к сегодняшнему дню имеется 250 названий. Это книги, журнальные, газетные публикации на русском и других языках советских немцев и о них. Разумеется, это далеко не полный перечень.

А кто обладает сведениями о публикации произведений наших литераторов за рубежом — в ГДР, ФРГ, Австрии, Швейцарии, Венгрии, Румынии, США? Таковые ведь тоже имеются.

Словом, обо всем этом кому-то необходимо побеспокоиться. В этом направлении должны работать не одиночки-доброхоты, а научные коллективы. Иначе это «белое пятно», разрастаясь, расплываясь, покрывает солончаковой плесью всю нашу национальную культуру.

В-пятых, еще одно «белое пятно» — немецкая пресса в России. Сейчас почти каждый из нас знает, что мы располагаем всего тремя газетами и альманахом на немецком языке. И то подписка на них падает из года в год. А перед войной только в Автономной Республике немцев Поволжья издавалась на немецком языке 21 газета. Были еще и журналы. Издавалась периодика и в других регионах страны. А сколько было немецких газет в дореволюционной России? Наверное, около ста. Некоторые сведения о том мы найдем в солидной книге К. Эрлиха «Живое наследие». А в общем и тут — сплошное неведение. Мрак и мгла. Уверен, иному германобствующему обывателю даже слышать неприятно о том, что в дореволюционной России и — о, ужас, даже после Октябрьской революции — выходило столько газет на немецком языке. Это как бы унижает кондовое «патриотическое» чувство. Но это было, было... И пора бы высветить и это «черное пятно».

И, наконец, последнее. Большой бедой для нашей ли-

тературы явились многочисленные табу. Одна из таких тем — трагическая судьба советских немцев в так называемой трудармии, жизнь народа под спецкомендатурой, под непосильным ярмом унижительных указов. Наши литераторы лишь в последние годы подбираются к этой теме. Печатаются и кое-какие воспоминания, свидетельства еще здравствующих трудармейцев. И все же советские люди еще мало знают об этом. Это ведь и не тема вовсе. Это боль и боль. «В душе твоей эта боль жива и не уходит по дозам», — так очень верно сказал Михаил Дудин в стихотворении «Давид Кугультинов в Норильске». Да, эта боль жива. И никакой Кашпировский не разгладит зарубки на сердце народа. Тут, во-первых, думаю, надо дать возможность людям, пережившим этот ужас, высказаться вволю, выплеснуть свою неутешную боль, а во-вторых, необходимо, не откладывая, записать на магнитофонную ленту, на бумагу бесценные свидетельства очевидцев того трагического, бесчеловечного периода нашей истории, дабы грядущие поколения содрогнулись от кровавых деяний «экспериментаторов» и дабы всем извлечь урок.

Знаю: где-то что-то делается в этом направлении. Но этого явно мало и пока что в нашей истории, в литературе явственно наличествует и такое огромное «белое пятно».

«Белые пятна» в немецкой советской литературе, конечно же, не исчерпываются этими шестью пунктами. Какие там пункты, когда сама немецкая советская литература в некотором роде «белое пятно»? Да и что там литература, когда и сам народ в определенном смысле также «белое пятно»? Да, оно всюду, куда бы не ткнул пальцем. Обнадеживает лишь то, что об этом ныне публично говорим. И то, что Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС проводил в минувшем году на эту тему конференцию, — факт и вовсе беспрецедентный, уникальный, вселяющий радость и надежду.

Все, что сказано здесь, — наша история. Наша судьба. Наш дух. Наша жизнь. Лишь познав, постигнув все это, мы можем что-то строить в будущем, жить дальше.

1990

Параметры поиска

(Раздумья об искусстве перевода
и его проблемах)

Что такое перевод?

Четверть века назад, когда я только-только начинал переводить, а точнее, «перетаскивать», «перекладывать» слова и фразы с языка на язык, ответ на этот вопрос не представлял для меня особых трудностей. Я твердо знал, что, если, к примеру, в оригинале сказано: «Көкжиектен күн көтеріліп келеді», значит, по-русски следует писать: «Из-за горизонта поднимается солнце». И вся неслогга. Это и правильно, и абсолютно точно. Правда, я понимал, что в данном случае можно сказать и «выкатывается солнце». Пожалуй, это даже чуть лучше, но не совсем точно, ибо «көтерілу» все-таки в первом значении «подниматься», а не «выкатываться».

Теперь, когда я хорошо-плохо, худо-бедно перевел с казахского (главным образом) и с немецкого (явно меньше) более пятисот печатных листов художественной прозы на русский язык, прочитал сотни статей, сборников и монографий о теории перевода и сам опубликовал не один десяток работ на эту тему, я не берусь, просто не решусь сказать определенно, что такое перевод. Знаю только, что дело это нужное, благородное. И еще — многотрудное, хлопотное, тяжелое. А еще нередкое — и неблагодарное. Вот обо всем этом я и позволю себе порассуждать, опираясь, в основном, на свой личный многолетний опыт.

Итак, что такое перевод? Как читатель воспринимает перевод? Каковы критерии художественного перевода? Кто и что под этим термином понимает? Словом, что такое хорошо и что такое плохо?

Пишут и спорят об этом, как подсчитали ученые, уже более двух тысяч лет. Невозможно представить, сколько умных, верных, глубоких и парадоксальных мнений высказано на этот счет, сколько было дискуссий, сколько изведено бумаги. И пока теоретики яростно спорили, отстаивали свои взгляды, практики по настоятельной необходимости, проникнутые сознанием своей миссии, исполненные долга, переводили книгу за книгой, с одного языка на другой по мере своих способностей и разумения, по наитию, зачастую на свой страх и риск, понемногу двигая тяжелую колесницу прогресса и подспудно служа великой и прекрасной цели — сближению народов. Споры и дискуссии о переводе с наименьшей, а, пожалуй, даже с большей интенсивностью продолжаются и ныне, и не надо быть пророком, чтобы предсказать, что не угаснут они и впредь.

Искусство перевода — тема вечная. Как любовь. Как природа. Как жизнь.

Основные критерии художественного перевода известны. Но понятия «точность», «верность», «адекватность» и т. д. обычно воспринимаются и толкуются по-разному. Даже в слово «перевод» вкладывают разный смысл. Отсюда размытость критериев. Так называемый широкий читатель не вдается в разные тонкости. Читая Э. Хемингуэя, Г. Гарсия Маркеса, М. Ауэзова в переводе, он, как правило, убежден, что так, а не иначе они звучат в оригинале. Русскоязычный читатель, например, открыв «Путь Абая», читает первое предложение: «Мальчик спешил домой», не догадываясь, что в оригинале это предложение звучит по-иному: «Үш күндік жолдың соңғы күніне бала шәкірт барын салды». Или обратим внимание на это четверостишие:

Ось зашипела в бешеной машине,
Сцепила насмерть зубья шестерни.
Личину дней в стальной стержне щетины
Гримасой шевельнуло изнутри.

Кто может подумать, что это перевод абаевского стихотворения? А между тем В. Киготь («Простор», 1986, № 9) именно так понял, так воспринял и так перевел «Сағаттың шықылдағы емес ермек». Вспомните:

Сағаттың шықылдағы емес ермек,
Һәмише өмір өтпек — ол білдірмек.
Бір минут бір кісінің өміріне ұқсас,
Өтті, өлді, тағдыр жоқ қайта келмек.

Приведу подстрочный перевод, заметив попутно, что многозначные абаевские строки плохо поддаются даже поэтическому изложению.

Тиктаканье часов — не забава.
Искони жизнь скоротечна — на то указывает.
Одна минута подобна жизни человеческой,
Минула, канула, возврат судьбой не уготован.

Теперь сравните подстрочник с «переводом». Совпадения, созвучия, как говорится, нет ни по одной позиции. Нет у Абая «шестерни», «маховика», «бешеной машины», «циферблата», «оси», «стальной стержни щетины». Вообще в оригинале нет ровным счетом ничего того, что имеется в весьма произвольном переводе. Между тем русскоязычный читатель, не искушенный в переводческих премудростях, может странный экзерсис В. Киготя принять за подлинный перевод и искренне считать, что именно так Абай изъяснялся и писал.

Отчего такое происходит? Вероятно, от стремления «переплюнуть» оригинал, от желания показаться глубоже и сложнее, вычурнее, изысканнее. Ну и еще от разного, полагаю, понятия переводческого искусства, от разного к нему отношения.

Русские говорят «перевод», казахи — «аударма», киргизы — «котарма», украинцы — «переклад», узбеки — «таржима», немцы — «юберзетцунг», вкладывая в это понятие примерно один и тот же смысл. По своей цели и назначению, по уровню передачи оригинала, по отношению к нему переводы бывают разные. И именно по этой причине в немецком языке, например, имеется столько обозначений для емкого понятия «перевод» — «долметчен», «эрлойтерн», «айндойчен», «нахбильден», «юбертраген», «инхальт заген», «тон гебен», «нахдихтен», «видерхолен», «транспонирен», «интерпретирен», «хиндойтен», «нахгештальтен» и т. д. Обозначив перевод одним из этих слов, немец тем самым точно определяет соотношение оригинала и его иноязычного воспроизведения. В таком случае и читатель знает, с чем он собственно имеет дело — с пересказом, вольным переложением, с подстрочником, с приблизительным воспроизведением, с вариацией или еще с чем-нибудь.

Теоретик перевода и переводчик Иван Кашкин ввел в литературоведение термин «реалистический перевод». Это означает, что переводчик должен воссоздать и содержание, и форму, и ритмомелодику, и все другие многочисленные нюансы художественного произведения, иначе говоря, нечто эстетически равноценное оригиналу. Это тот самый идеал, к которому следует стремиться при воссоздании произведения изобразительными средствами другого языка. Совершенно ясно: в стремлении к этому идеалу что-то теряешь, но в этом настойчивом и упорном стремлении, собственно, и заключается суть и пафос переводческого искусства.

В щепетильном, деликатном переводческом деле меня всегдастораживают и возмущают так называемые вариации и интерпретации. Поветрие это стало бедствием, особенно при переводе наших национальных литератур на русский язык. Под эту с позволения сказать тенденцию подводится нередко теоретическая база,

придумываются разные оговорки и объяснения, толкуют при этом о праве на переводческое своеволие, на «исполнение», на свое оригинальное прочтение «партитуры», на свой почерк, на свое «я», от которого, дескать, уйти невозможно. Меня лично подобные теоретизирования не убеждают.

В самом деле, не странно ли? Когда мы переводим с английского, французского, немецкого и вообще со всех иностранных языков, мы не позволяем себе никаких вариаций, адаптаций и интерпретаций. Хорошо знающий язык переводчик честно, аккуратно и добросовестно переводит — не мудрствуя лукаво — оригинал. И это единственно верный подход к переводческому искусству. Никому и в голову не приходит по-своему переписывать всемирно известных классиков и создавать свою, «особую», индивидуальную партитуру, какой-то особый «русский вариант». Так почему в отношении к переводам, скажем, с казахского, киргизского, узбекского, туркменского и т. д. у нас так широко позволяются разного рода интерпретации и вариации? Более того, нередко именно такая манера перевода с дописыванием, перекраиванием, приспособлением для пресловутого русского слуха, перевода «с улучшением» почему-то поощряется и считается единственно возможной и целесообразной. Меня лично прямо-таки ввергают в оторопь иные критики, рецензенты или редакторы, требующие того или иного автора «приподнять», подправить, развернуть, подкрепить и даже придумать новые сюжетные ходы, углубить характер образов, находить дополнительные краски, перекроить композицию, высветить типы и т. д. И ведь — самое поразительное! — так сплошь и рядом и поступают. И еще называют это переводом. Иные, похоже, именно так понимают интернационализм в литературе, интернационализм как сплошная унификация. На основе оригиналов некие всезнайки-доброхоты стряпают несуществующие в природе

«варианты», выращивают искусственные «бриллианты», изготавливают какие-то копии без оригинала. И еще нередко говорят, что, дескать, читателю нет дела до всего этого, что, мол, ему все равно, автор ли так написал, или переводчик руку приложил, важно, чтобы книга была хорошая или, на худой конец, более-менее приличная.

Решительно не согласен с таким мнением! Не думаю, чтобы читателя интересовали трактовка, вариант, интерпретация Паленшеева («Какойтовича») или Тугеншеева («Такойтовича»), а не сам Ауэзов, Фолкнер или Айтматов. Мне совсем неинтересно, как Иванов, Петров, Сидоров «оригинально» прочтут Абая и создадут свой «вариант» его стихотворений, мне хочется верить, что я читаю самого Абая, воссозданного на другом языке.

Увы, очень часто сами национальные писатели всецело уповают на такого переводчика, который на основе их худосочных произведений сотворил бы удобочитаемый «вариант» для русского читателя. Болезнь эта прогрессирует. В эпоху, когда переводится фантастически много со всех языков, когда национальный автор прежде всего рассчитывает не на «своего», а на «широкого» читателя, происходит откровенная девальвация оригинала и рождается огромное количество переводческих «монстров», «ублюдков», у которых нет родителей. Странная какая-то литература, к которой не знаешь, с какой меркой подойти. В оригинале одно, в переводе — другое, лишь при скрупулезном сопоставлении можно выяснить, выявить какие-то сходства. Ныне не редкость и такие литераторы, которые ни за что не садятся за письменный стол, чтобы написать задуманное произведение, не заручившись заблаговременно надежным и — главное — пробивным переводчиком.

Как определить, что перевод хорош или плох? Есть

ли тут какая-то аналитическая методика доказательств?

Думаю, что единственным критерием точности и верности является оригинал. Хорош или плох перевод, определяется единственно сравнением с оригиналом. Помните ленинскую реплику, обращенную к Ольминскому: «Принесите оригинал и поспорим»? Только так! Часто приходится слышать, когда с апломбом рассуждают о переводе безотносительно к оригиналу, опираясь — и то весьма умозрительно — на то, гладко ли, ловко ли пригнаны слова друг к другу, благозвучны ли фразы, нет ли вопиющих шероховатостей в лексике и синтаксисе и т.д. Это неверно! Это очень зыбкий критерий! Это субъективизм чистой воды. Плох перевод? Давайте разберемся. Заглянем в оригинал. Может, плохо в оригинале? А если плохо в оригинале, то почему должно быть хорошо в переводе? Правомерно ли такое требование? «Улучшение» оригинала — не та ли приписка, не тот ли обман, с которыми мы так яростно боремся в общественной жизни? Плох оригинал? Пусть за это отвечает автор, а не переводчик. За недостатки оригинала нельзя обвинять переводчика. Переводчик должен нести ответственность и наказание, если он скакуна превращает в ишака и, наоборот, если по его произволу ишак вдруг оборачивается призовым скакуном.

По-моему, это принципиальный подход к переводческому делу.

Когда же я не в состоянии судить об оригинале, стараюсь уловить национальное своеобразие в переводе — краски, запахи, дух, то есть, то, что составляет языковое инобытие. Если все это я не в силах уловить, настаиваю: может, не перевод все это, а пересказ, переложение, интерпретация, вариант, «новое прочтение», «мотивы по...», иначе говоря, то, к чему я лично остаюсь холодным. Читая перевод, я льшу себя надеж-

дой, что имею дело с творением того или иного автора, а не с чьим-то упражнением на его тему.

Убежден, переводить следует то, что существует в оригинале. И заботиться прежде всего необходимо о том, чтобы не себя показать, а автора не самовыражаться, а передать как можно полнее оригинал.

П.-Ф. Кайе говорит: «Даже обладая необходимыми качествами, чтобы сделать хороший перевод, нужно, как любят говорить у нас во Франции, влезть в шкуру другого. А это не всегда легко».

Л. Эйшлин вторит: «Индивидуальность переводчика. Разве она не в том, чтобы забыть о себе?..»

А. Гитович говорил: «Переводчик, переведя немца, должен как бы стать хотя бы наполовину немцем».

Луи Арагон: «Я бы предпочел, чтобы мои стихи переводил профессиональный переводчик, которому будет интересно работать над моей поэзией, а не выражать самого себя».

Расул Гамзатов: «Переводчик не может прибавить таланта тому, у кого его нет».

Мне по душе такая постановка вопроса.

Принципиальным является и давний спор о том, как должен звучать перевод — как нечто родное, кровное, близкое, то есть, как явление родной литературы, или все как нечто чужеродное, иноземное, с иным колоритом, запахом, то есть своеобразно, своеобразно. Существуют авторитетные мнения в пользу и той, и другой тенденций. Немало критиков, переводчиков, читателей полагают, что казахское произведение, переведенное на русский язык, должно звучать и читаться как творение, созданное по-русски. Лишь в том, мол, случае оно обретает какие-то достоинства.

Я не приемлю ни одну из этих крайностей. Понятно, если все перетолмачено тяп-ляп, если на каждом шагу натыкаешься на буквализмы и кальки, если каждое предложение противоречит русскому синтаксису, а каж-

дая фраза скроена, скажем, на казахский лад, то тут и говорить нечего. Это просто и не перевод. Но, с другой стороны, если выхолощены и вытравлены национальные краски и запахи, если национальное своеобразие сведено на нет, если заменен своеобразный национальный склад ума и поведения, то такой перевод лично меня не греет. Да и не перевод это, а адаптация, подмена, утреска и усушка — назовите, как хотите. Читая казахское произведение на русском языке, я вовсе не хочу, чтобы от него веяло исконно русским духом (для этого я лучше почитаю великих русских классиков), мне хочется услышать казахский аромат, казахский дух, казахскую манеру выражения, казахскую образность, казахские обороты. Лишь в таком случае произведение мне кажется достойным внимания. И, думаю, именно к этому должен стремиться переводчик, бережно передавая, воссоздавая инонациональное средствами русского языка. В этом и выражается мастерство переводчика, а не в том, чтобы все перевести из одной национальной плоскости в другую. И потому я с предубеждением отношусь к тем переводам, из которых так и выпирает русский дух.

Как бы нагляднее проиллюстрировать мою мысль? Приведу лишь несколько примеров. Вот, скажем, Юрий Казаков был уверен, что рыбаки в романе «Кровь и пот» должны выражаться грубо, косноязычно, резко, и вложил им в уста бесконечное количество бранных слов. Вот и читаем на каждом шагу: «черная холера!», «окаянная хрычовка», «сукин сын», «стервец», «пройдоха», «зараза», «сатана баба», «карга», «шваль трусливая», «черт», «пес шелудивый», «подлец», «сволочь», «гад», «гнида», «дура», «стерва», «дурак мордастый», «вошь», «паскуда», «балбес», «жирная свинья», «поганка», «тварь подлая» и т. д. И по этой лексике иногда возникает такое ощущение, будто герои Нурпеисова уж слишком обрусели.

Или вот в романе М. Магауина «Вешние воды» встречаются в переводе (кстати, на мой взгляд, добротном) такие фразы: «Цыц! — сказал султан Абалак». «Ладно, — сказал Ораз-Мухамед. — Не всяк умен, кто в красно наряжен», «Слова твои резонны, баба́,— сказал «Ораз-Мухамед». «Кадыргали сказал: «Отыщет нужные слова в любой ситуации», «А вы, джигиты, не конфузьтесь»,— сказал Кадыргали-бек». Думаю, что в XVII веке султаны, бай, беки все же не так изъяснялись. Или обратим внимание на лексику в русских стихах Ф. Унгарсыновой (перевод Т. Фроловской), «распятье», «катехизис», «матадоры», «мародеры», «сам-пят», «пытошные», «злыдень», «изыди», «ассигнации», «адамовы дети», «монумент», «извоз», «прах», «рядно рубях», «славы с гаком» и т. д. Подобные слова совершенно чужды казахской поэзии.

Явно режут слух слова иностранного происхождения, которыми излишне щедро оснастил С. Санбаев перевод абаевских «Назиданий». Должно быть, желая «осовременить» и «углубить» казахского поэта-философа, переводчик совершенно неуместно, неоправданно вкрапил в раздумчивую прозу Абая такие слова, как «вампиры», «вакханалии», «контроль», «эталон», «категория», «эрудиция», «процесс», «ферт» («смотрит фертом»), «репутация», «эпитеты», «аксиомы», «фиксирует», «масштабы», «субстанция», «идеал», «констатирую», «ситуация», «оCONFУЗИЛСЯ» и т. д. Думаю, это не просто языковая небрежность, а неверная переводческая концепция.

И, наоборот, считаю достоинством, когда переводчики или русскоязычные национальные писатели бережно сохраняют национальный колорит, образный строй речи и манеру выражения и передают инонациональное бытие с помощью выразительных средств русского языка. Тем самым, полагаю, достигается двойная цель: с одной стороны, сохраняется подлинно национальное

своеобразие, а с другой, — раздвигаются рамки художественно-изобразительной системы русского языка, обретающего в результате подобной интенсивной переводческой практики новые краски, новые формы образного выражения. Я имею в виду творческий опыт русскоязычных Ч. Айтматова, Т. Пулатова, Ч. Гусейнова, В. Санги, Ю. Рытхеу, А. Алимжанова, Ф. Искандера и многих других, которые обогатили русский язык по разным параметрам. Я думаю, что правильно делает, например, переводчик с башкирского Ильгиз Каримов, когда в русскую речь вклинивает типично национальные выражения: «кустами птицу поймает», «на дне терпения — чистое золото», «дрова-сено», «прошли-миновали», «печаль-забота», а Ч. Айтматов вплетает в свою добротную русскую прозу сугубо национальные образы. Приятно слышать в переводе И. Щеголихина такие казахские выражения, как «призвал потерянную душу к себе», «душа у него висит на кончике носа», «единственное свое копытце», «у кого руки шевелятся, у того и рот шевелится» и т. д.

Нельзя нивелировать национальное своеобразие. И нельзя любой переводческий произвол, неумное желание подгонять под усредненный стереотип расхождение нормы русской стилистики под сакраментальным предлогом: «Не по-русски!», «Так по-русски не говорят!» Если последовательно придерживаться принципа обязательной «русскости», то немудрено переименовать старика Ергалия в Егора, заставить его вместо кумыса пить квас, говорить вместо «ассалаумагалекум» — «здрясти!», а вместо «бисмилля» — «господи Иисусе». А ведь и такое встречается в переводческой практике. Нельзя забывать, что казахская литература относится к восточному региону, и, следовательно, не годится из нее вытравливать элементы восточности.

Вал и стандартизация — эти беды нашего времени в сильной степени поразили и искусство художественного

перевода. В нашей многонациональной стране переводится очень много. И я не думаю, что это благо. Во всяком случае, не всегда благо. Слишком часто переводится то, чего и не следовало бы переводить. И никакое это не искусство — толмачить все подряд. Из года в год — и не только в республиканских, но и в центральных издательствах — выходит все чаще откровенная серятина, которую вовсе не следовало бы переводить. Стало опять-таки модой, что любая книжка, едва увидевшая свет на казахском языке, тут же норовит быть изданной в переводе на русский. Подобные книжки, как правило, быстро и ловко стряпаются в оригинале, никак не являясь открытием в родной литературе, однако через год-другой (а случается, и одновременно), перетолмаченные наспех, выходят и на русском, разжижая при этом общий уровень литературы, ибо они серы в оригинале, убоги и в переводе, хотя с помощью более-менее грамотных переводчиков и редакторов приобретают мало-мальски приглядный, причесанный вид.

Возникла, таким образом, еще одна острая проблема — проблема отбора произведений, достойных быть переведенными. Все понимают: нельзя переводческое дело пустить на самотек. Нужен отбор. Строгий, принципиальный. Необходим серьезный критерий отбора. В самом деле, ежегодно в Казахстане выходит 12—15 казахских романов, 70—90 повестей, сотни рассказов, десятки книг поэзии, десятки монографий и сборников критических работ. Неужели вся эта продукция должна непременно прозвучать еще и на русском? Зачем? Какая в том необходимость и надобность? Неужели все эти произведения представляют интерес для широкого русскоязычного читателя? Или вот издается у нас в республике серия «Дружба» — сотня томов многонациональной советской литературы на казахском языке. Вроде бы прекрасная идея, добрые намерения. Но как это выглядит практически? Представляют ли для казах-

ского читателя интерес толстые тома, переводимые с национального языка на русский, а с русского — на казахский? А если и представляют, то все ли? Не пока-зуха ли это на самом деле? Не пустая ли трата сил и средств? Случайно ли горы книг этой серии пылятся в складах и магазинах?

А кто из казахских литераторов издавался на русском языке в последние годы в «Советском писателе»? В немалом числе те, чьи книги не пользовались популярностью в «чисто» казахской среде. И своим выходом в столице они дискредитировали казахскую литературу, нанесли ощутимый моральный урон, и теперь сама литературная общественность Казахстана недоумевает: каким образом эти авторы пробились на всесоюзную арену, кто их рекомендовал, с какой целью надо было их вообще переводить на русский язык? Иногда в Москве выходят книги на русском языке, авторов которых в Казахстане и самые дотошные критики не знают.

Итак, теперь всюду говорят об отборе. Но как его осуществить? Организовали было в Казахстане координационный совет по литературе и художественному переводу, принялся он было рьяно за работу, однако пыл вскоре угас. И опять все пошло на самотек. Опять проталкивают себя всюду наиболее горластые и рукастые...

Проблема отбора художественных произведений для перевода приобрела всесоюзный масштаб. О том свидетельствует новая рубрика в «Литературной газете» — «Художественный перевод — школа интернационализма». Долгие годы на страницах «Литературной газеты» шла дискуссия о том, как переводить, а теперь, как верно заметила редакция, назрела необходимость того, что переводить.

Понятно, что проблема отбора упирается в насущную, злободневную проблему качества.

Истина бесспорная: художественный перевод — школа интернационализма. Взаимопереводы — наиболее

мобильная и действенная форма литературных взаимосвязей между народами. Сознвая это теоретически, мы, однако, на практике не придаем этой форме интернационализации сознания и культуры должного внимания.

Возьмем для примера нашу республику. Мы охотно говорим о том, что в Казахстане литература создается на пяти языках. Но в какой мере мы друг друга знаем? Как друг друга переводим и пропагандируем? Конечно, кое-что мы знаем о том, как казахскую литературу переводят на русский язык, или, наоборот, как переводим с русского на казахский. О том еще пишутся изредка статьи, произносятся речи, делаются сообщения и доклады. А вот как немцы переводят казахов? Как казахи переводят немцев? Или уйгуры — казахов, немцев, русских, корейцев? Или корейцы — русских, казахов, уйгур? Об этом, можно сказать, мы или ничего не знаем, или знаем лишь кое-что понаслышке.

Скажу здесь немного о переводческой работе советских немецких литераторов. Они исключительно большое и серьезное внимание уделяют художественному переводу. Значительны успехи особенно в поэтическом переводе. Усилиями поэтов З. Эстеррайхера, Ф. Болгера, Р. Жакмьена, Г. Генке, Н. Пфедфер, Г. Арнгольда, Р. Пфлюг стали достоянием немецкоязычного читателя у нас и за рубежом многие произведения советских писателей. Много и хорошо переводят немецкие советские литераторы и своих казахских коллег. И делают это систематически, целенаправленно. В одной лишь немецкой редакции при издательстве «Казахстан» вышли в последние годы в переводе на немецкий язык сборники казахской новеллы, поэзии и сказок. Значительная роль в пропаганде казахской литературы республиканской газеты «Фройндшафт». Не один десяток произведений казахских поэтов прозвучал на ее страницах на немецком языке.

В свою очередь и казахские поэты не однажды представляли в своих переводах произведения немецких собратьев в разных коллективных сборниках, а также в поэтических подборках в «Казах адабиеты». Справедливости ради отмечу, однако, что в этих взаимопереводах соотношение примерно один к ста. То есть, если немецкие поэты переводят сто стихотворений казахских поэтов, то казахские поэты — одно стихотворение немецких коллег. И это еще в лучшем случае. В этом направлении предстоит еще серьезная работа. Взаимопереводы не только обогащают «собственную» национальную литературу, но и оказывают благотворное влияние на оригинальное творчество поэтов. Я знаю, с каким увлечением работала Нора Пфедфер над переводами стихов Олжаса Сулейменова. И это, на мой взгляд, сказалось и на ее оригинальном творчестве последнего времени. Так, ее стихотворения «Песня о пустыне», «Триптих» навеяны интонацией, философичностью, аллегоричностью, эмоциональной напряженностью, свойственными казахскому поэту. Думаю, я тоже не избежал благотворного влияния казахских прозаиков, которых перевожу на русский язык уже два десятка лет, — А. Нурпеисова и А. Кекильбаева.

Другая серьезная проблема — подготовка переводческих кадров. Их нужно готовить. Профессионально и с перспективой. В Казахстане это важное дело пущено, можно сказать, на самотек. Правда, в последние годы в республике появилась немалая группа молодежи (Е. Сатыбалдиев, Б. Каирбеков, К. Бакбергенев, Б. Канаянов, Б. Габдуллин), которая успела себя проявить в художественном переводе с казахского на русский. Можно уже говорить об отдельных успехах, однако не для всех из этой молодой волны перевод — страсть, призвание, профессия, а скорее, что-то на уровне хобби, что-то такое, чем можно заниматься при случае, во вторую смену, а то и вовсе на ходу, между делом. Ну,

а я полагаю, что в любом серьезном деле от самодеятельности, любительщины большого прока нет.

И все же, повторяю, в переводе с казахского на русский язык определилась тенденция, которая вселяет некоторую надежду. Требуется только больше внимания к тем потенциальным силам, что имеются, и, разумеется, больше требовательности. А вот с кадрами переводчиков с других языков совсем худо. С иностранных языков и языков народов СССР в Казахстане, можно сказать, не переводят. Есть кое-какие попытки и стремления, но они пока погоды не делают.

Будучи в Армении на празднике переводческого искусства я подружился с переводчиком и литературоведом Феликсом Бахчиняном. Он специалист по литовской литературе, пишет о ней, переводит ее, разумеется, с оригинала, жил и учился в Литве, проникся духом литовской культуры и литературы.

Подобные кадры готовятся во многих наших республиках. Возьмем, к примеру, Латвию. Улдис Берзиньш изучил азербайджанский, турецкий и переводит с этих языков; Нора Кална переводит непосредственно с туркменского; Леон Бриедис — с молдавского, румынского, итальянского; Олга Лисовска — со словацкого; Кнут Скуениек — с польского, сербского. На Украине есть свои профессиональные переводчики с армянского, грузинского, узбекского, молдавского, азербайджанского. Таких примеров много. А что в Казахстане? У нас тоже переводят со многих языков, но... с русского, то есть, через язык-посредник. Сам факт не очень достойный, но мы даже не dorосли до сознания этого.

Перевод — искусство многогранное, сложное. Многочисленные его проблемы невозможно рассмотреть в одной статье. Особенно много проблем в области перевода в нашем многонациональном Казахстане. Это и проблема подстрочника, и изучение языков, и проблема перевода казахских классиков на русский язык, и обоб-

шение накопленного опыта, и создание переводческого актива, выработка четких позиций и критериев и многое-многое другое.

В наше время, время активной интернационализации всех сфер нашей духовной жизни, значение и роль перевода и переводчиков будут все более возрастать. Незадолго до своей смерти Луи Арагон заметил: «... с моей точки зрения, будущее станет временем переводчиков».

1988

Художник на все времена

Так вот у меня есть две национальные святыни, с которыми я еду в другие страны, с которыми я переступаю порог других народов. Это — «Манас» и Мухтар Ауэзов.

Чингиз Айтматов

Торжественно звучное, возвышенно благородное имя — Мухтар Омарханович Ауэзов — вызывает у человека со зрячим оком в душе и с чутким сердцем в груди множество высоких ассоциаций и теплых воспоминаний.

Людей моего поколения и моей судьбы Ауэзов и его творчество сопровождали по сути почти всю жизнь. Говорю «почти», ибо имя этого художника для меня лично прозвучало впервые в одиннадцатилетнем возрасте. В дальнейшем все этапы моей жизни невидимыми нитями как бы связаны с его творчеством. На произведениях его я вырос, их читали, изучали и в школе, и в институте. В студенческие годы мне посчастливилось несколько раз слушать Ауэзова, и впечатления те живы во мне и поныне, они врезались в память, они запечатлены в моих дневниках и записях. Позже, работая над своими исследованиями о художественном переводе, я изучал

взгляды Ауэзова на природу переводческого искусства, внимательно сличал оригинал «Пути Абая», «Лихой годины» с русским переводом. На русский язык перевел две работы Ауэзова — «Слово к молодым» и «О казахской народной сказке». И, конечно, многие годы работая над книжкой «Гете и Абай», я также постоянно сталкивался с Ауэзовым, ибо лучше его никто Абай не знал и не знает.

О том, что об Ауэзове писать нелегко, я не раз слышал от своих собратьев по перу. Даже те, кто многие годы знал его, находилась с ним рядом, зачастую и теперь робеют перед его памятью. Абдижамил Нурпеисов в своем большом эссе «Слово об Ауэзове» признается: «Писать о нем вообще дело не легкое. Не говоря уже о подвижнической его роли в развитии родной литературы, об оригинальном его таланте и поражавшей всех нас широкой эрудиции, даже в чисто человеческом облике Мухтара Ауэзова было столько необычного, яркого, порою противоречивого, что кажется, ни одно из привычных слов не подходит для рассказа о нем. Он и внешне выделялся чем-то незаурядным, своим, ауэзовским. Необычайно широкий лоб ученого, спокойный и испытующий взгляд слегка прищуренных карих глаз, благородная осанка этого рано пополневшего человека... и еще у каждого из тех, кто знал и общался с ним, — с в о й Ауэзов. У меня тоже».

Ученик Ауэзова, академик АН Казахской ССР писатель и литературовед Зейнулла Кабдулов ныне закончил книгу о своем наставнике, которую он так и назвал — «Мой Ауэзов» (отрывки из этой книги опубликованы в журнале «Жалын», 1987, № 2).

Я же не могу позволить себе говорить так — «Мой». Это, мягко говоря, было бы слишком самоуверенно. Но и у меня, смею думать, есть какое-то мое понимание, мое чувство, мое ощущение Ауэзова, кое-какие личные соображения и суждения. О том и речь.

А было так...

В четвертом классе на экзаменах мы писали изложение по казахскому языку. Послевоенное голодное время. Весна. Распутица, бездорожье. На экзамен с немалыми трудностями, на быках и верхом на лошадях, свезли в нашу школу четвероклассников из окрестных аулов. Шутка ли: экзамен переходной, государственный! Мугаллим (учитель) Газиз при обвальном тишине вскрыл конверт с текстом изложения и, волнуясь, начал читать: «Осеннее небо пасмурно. Воздух пронизан сыростью. Холодный ветер усиливает резкую свежесть раннего утра. Уныло чернеет голыми ветвями потерявшая листья таволга, краснеет пересохший тростник. По поблекшей траве катится гонимое ветром перекасти-поле...»

Понятно, я здесь привожу перевод казахского оригинала.

Мы, прижавшись друг к другу, точно озябшие воробышки, вслушивались в текст, смутно ощущая поэтичность, образность, живость сочного казахского речест-
вора.

Лишь через несколько лет я узнал, что так начинается одна из книг «Пути Абая»...

Обаяние ауэзовского слова нашло отзвук в душе.

* * *

По складу своего дарования, по природе таланта, по своему потенциальному уровню писатели бывают разными. Есть писатели одной книги. Первым своим творением они как бы берут определенную высоту, а потом с каждой новой книгой все снижаются, снижаются... Таких много. А вот писателей, которые растут от произведения к произведению, — мало. Ярким примером таких является, кажется, Чингиз Айтматов. Как далеко ушел он от первых своих повестей и рассказов! Как

углубился, усложнился, какую обрел философичность и глобальность! Каждое новое его произведение — этапное, выше предыдущего. Есть и такие писатели, которые с самого начала своего творчества достигают очень крутой высоты и потом всю свою творческую жизнь не снижаются ни на вершок, прочно держатся на взлете. К этой категории я бы отнес Хемингуэя, Ауэзова.

В самом деле: возьмите его рассказы, написанные в двадцатых годах, — «Сиротская доля», «Красавица в трауре», «Серый лютый», повести «Выстрел на перевале» и «Лихая година». Это полнокровные, высокохудожественные произведения, созданные зрелым мастером на уровне европейской новеллистики. И это в то время, когда казахская национальная проза в сущности делала только первые шаги, когда сплошь и рядом еще грешили схематизмом, примитивизмом, описательностью, черно-белым письмом. Значит, у Ауэзова вовсе не было так называемого ученического периода. Он сразу же начал как опытный, вполне сложившийся художник. И этот феномен, полагаю, объясняется ранней возмужалостью, упорной, подспудной работой души, невидимой постороннему глазу напряженной внутренней духовной жизнью, постоянным упражнением пытливого ума, своеобразием природного таланта. На эту сторону творческой личности М. О. Ауэзова обратили внимание многие исследователи, но никому еще не удалось раскрыть природу этого феномена.

Впрочем, как объяснишь психофизическую субстанцию таланта?..

...

Тот первый отзвук в душе не угас.

Я учился в девятом классе, когда наш учитель казахской литературы Жылгельды Муканов, человек артистической натуры, увлеченный, влюбленный в искусство слова, златоуст, сам сочинявший стихи, поставил в аule, на школьной сцене, трагедию «Абай» и сам бли-

стательно сыграл главную роль. О, это было событие! Со всех аулов по обе стороны Ишима съехались зрители, и стар, и млад, переживали душевную драму великого поэта, впитывали в себя каждое слово его жгучих монологов, восхищались ауэзовским слогом. И мы, школьники, были потрясены. Мы зачитывались отныне Ауэзовым, а на школьных вечерах с упоением декламировали художественную прозу — возвышенный и торжественный эпизод романа: «Стихи и напевы, рожденные в Акшоке, переписанные, заученные наизусть, распространялись в песнях вокруг. Новое слово, хранившее в себе тайны сокровища, летело по степи, как тихий ветер Сарыарки, медленно и плавно веющий над ее просторами...»

Магия поэтических слов волновала, томила наши чуткие юные души, и в ауэзовской прозе чудились нам тайны неведомого сокровища.

Потом, студентом, трижды я слушал Ауэзова: в марте 1957 года, когда в Академии наук Казахстана в течение двух дней проходила конференция на тему «Первая казахская эпопея», потом на встрече в Казахском педагогическом институте им. Абая, где Ауэзов подробно рассказывал о своей работе над драмой «Энглик-Кебек», и в старом здании театра юных зрителей, где происходила встреча с писателями, приехавшими со всей страны на 60-летний юбилей казахского классика. Я помню все подробности этих встреч. И особенно поразили меня тогда необъятность знаний Ауэзова, масштабность и вдохновенная свобода в изложении мыслей и сама его речь — поначалу трудная, скованная, спотыкающаяся, а потом — свободная, вольная, красочная, плавная, внутренне ритмизованная, с ассонансами, с разными поэтическими тропами, риторическими фигурами и приемами, столь свойственными веками шлифовавшемуся казахскому устному речестрою. Слушать Ауэзова было сплошным удовольствием, наслаждением. Колдовская си-

ла его искусной речи, настоенная на глубинных традициях высшего искусства номадов — красноречии, завораживала и запоминалась навсегда.

• • •

Сочность, красочность, богатство оттенков, особый эмоциональный заряд, певучесть и лад ауэзовской прозы, то есть все то, что составляет внутреннюю магию и волшебство его языка, трудно передать в переводе. Здесь необходимо, чтобы между автором и переводчиком объявилось, обнаружилось подлинное родство душ, некое созвучие духа и таланта. Известно, что казахский и русский языки относятся к разным системам и структурам. Многие истинно казахские, сугубо национальные образы, эстетический ряд, языковая стихия не соизмеримы, не соотносимы в русском языке, отсюда и неизбежные потери при переводе.

К русскому переводу «Пути Абая» я отношусь сдержанно, хотя и принято говорить, что он глубокий, замечательный и проникновенный. Тщательное сравнение с оригиналом выявляет значительные, заметные огрехи перевода. Об этом — на основе конкретных примеров — я уже не однажды говорил и писал.

Сам Ауэзов много переводил с русского на казахский язык, прекрасно знал основные эстетические критерии художественного перевода. И в переводе своей эпопеи на русский язык принимал непосредственное, активное участие, проявляя постоянную заботу. Одному из переводчиков он писал: «Оттенки, оттенки и все дорогие краски текста! Всего больше я хочу подчеркнуть о необходимости, максимальной желательности более эмоциональной окрашенности текста перевода. Язык бытовой, поясняющий, как серая ремарка, происходящее — это самое чуждое для меня».

Он, конечно, понимал, видел, где и в чем перевод

уступает оригиналу. С того времени, как «Путь Абая» вышел на русском языке, прошло немало лет. А переводы имеют свойство устаревать. О том свидетельствует история перевода. Происходит это по разным причинам — моральным, временным, концептуальным, стилистическим и другим. Потому-то и прибегают к новым переводам. Сколько раз переведен, например, на русский язык «Фауст»? И какие были переводчики? «Война и мир» переведена на английский язык восемь раз, на немецкий язык — четырнадцать, на японский — семь.

Убежденно считаю, что пришла пора осуществить новый русский перевод и «Пути Абая».

• • •

Лето 1961 года я проводил в ауле, в отчем доме. Уединившись под пышной акацией в конце огорода, вымучивал диссертацию. Как-то — это было в последних числах июля — пришел ко мне школьный учитель Жылгельды Муканов, мрачный, насупленный, молча опустился на расстеленный брезент, вытер глаза, вздохнул. «Давай, Гера, поплачем, — сказал он. — Скончался Мухан». Я не сразу сообразил, о ком речь, стал вспоминать аульных аксакалов с похожим именем, но тут Жылгельды-ага пояснил: «Мы лишились Мухтара Ауэзова»...

По казахскому обычаю мы обнялись и скорбно долго молчали. Смахнув слезу, Жылгельды-ага спросил: «Помнишь конец «Пути Абая»? И тут же торжественно скорбно прочитал на память: «Горячее биение большого сердца остановилось. Благородная жизнь, подобная обильной реке, несущей свои животворные воды через иссыхающую от жажды пустынную степь, иссякла. Могучий чинар, одиноко выросший на голой каменистой земле и поднявший вершину свою в сверкающую высь, рухнул!»...

Это было сказано об Абая. Но эти два имени — Абай и Ауэзов — в памяти народной необычайно сблизились, соединились, стали неразрывными, неотъемлемыми друг от друга. Об этом сказано и написано много. «Для Казахстана Ауэзов — второй Абай», — выразился Николай Погодин. Разумеется, в таком определении явственна натяжка. В природе нет и не может быть второго Абая, как и второго Ауэзова. Это суверенные, неповторимые величины. Духовное же родство этих самобытных личностей, их конгениальность — факт неоспоримый.

Могучий чинар — образ емкий, зримый. Сам Ауэзов, живое олицетворение достохвальных черт своего народа, его духовная суть, его, как выразились бы философы, квинтэссенция и экстракт, и был тем самым могучим чинаром, устремившим свою гордую вершину в сверкающую высь всечеловеческой цивилизации. На вершину этого чинара равнялись все остальные многочисленные, разнородные деревья в огромном массиве национальной культуры. И отсутствие его, отсутствие того могучего чинара, отсутствие Мухтара Омархановича Ауэзова — беда огромная, потеря невозполнимая, которую все мы за последнюю четверть века ощущаем необычайно остро. Казахская литература, а еще точнее — многонациональная казахстанская литература — со смертью Ауэзова лишилась своего Лидера, своего Наставника, своего Заступника с большой буквы, который является или явился бы непререкаемым авторитетом, признанным Мастером, высшим мерилем таланта, чести, совести и благородства.

В своих последних письмах, удивительно светлых, величаво спокойных и одухотворенных, пронизанных заботой о будущем родной литературы, написанных за несколько дней до своей кончины, Ауэзов с надеждой назвал ряд имен молодых в то время прозаиков и поэтов, критиков и литературоведов. Почти все они оправ-

дали надежды своего учителя, стали известными, именитыми писателями, признанными художниками. Но справедливости ради нужно сказать, что ни один из них так и не вырос в подлинного лидера большой литературы, не стал духовным вождем, истинным глашатаем великой правды, тем могучим чинаром, который, презрев личную корысть, чванство, спесь, самолюбие, житейскую суету и прочие человеческие пороки, устремил бы во имя славы, радости и гордости современников и потомков свою вершину в сверкающую высь всенародной, всечеловеческой любви и признания. И в том, полагаю, нет их вины. Редко, слишком редко кого природа награждает одновременно и равномерно великим талантом, интеллектом и духом. Подобные титаны озаряют человечеству путь. Вспомним Некрасова:

Природа-мать! Когда б таких людей
ты иногда не посылала миру,
заглохла б нива жизни...

Мухтар Ауэзов, несомненно, из числа таких титанов.

• • •

Не могу назвать точно, сколько книг написано об Ауэзове. Надо полагать, огромная, впечатляющая цифра. Особенно, если учесть все изданное на разных языках мира. Я заглянул в книгу «Мухтар Ауэзов — классик советской литературы» (Алма-Ата, «Наука», 1980), в конце которой перечислена литература о М. О. Ауэзове, увидевшая свет в юбилейном 1977 году, и насчитал около 600 названий. Значит, только в одном году в нашей республике опубликовано около 600 материалов об Ауэзове!

А сколько опубликовано воспоминаний об Ауэзове за четверть века! Увы, не все они значительны, познавательны и достойны. Иные читаешь со смущением, с неловкостью. Один упоенно и пространно рассказывает,

как однажды в доме писателя пил кумыс; другой повествует о том, как он сидел с «незабвенным Муха́» за одним дастарханом; третий счастлив, что как-то носил его чемоданы; четвертому не терпится сообщить миру, что «почтенный Мухан» назвал его «хорошим джигитом»; пятому нужно похвастаться автографом художника и т. д. и т. п. Нередко бывает и так, что «вспоминатели» и вовсе забывают об Ауэзове и пишут лишь об исключительности своей персоны. И тогда на далеком фоне могучей фигуры мелькают, мельтешат чьи-то тюбетейки, круглые шапчонки-такии и кепчонки. Особенно тягостно читать восторженные статьи тех, кто откровенно шельмовал и травил писателя в трудную пору его излучистой судьбы. Вообще, читая некоторые мемуары об Ауэзове, невольно вспоминаешь слова М. Горького, сказанные им в статье «О С. А. Толстой»: «Каждая муха стремилась оставить след свой в жизни и в памяти Толстого...»

А сколько не в меру пышных, взбитых мутовкой расхожего красноречия и дешевого краснобайства определений! И гигант, и титан, и мастер человековедения, и гранильщик алмазных слов, и всевидящее око, и сердце-факел, и зоркий орел, и неутомимый скакун, и мудрец Востока, и волшебный дар, чудодеев, воплощение величия и т. д. Не думаю, чтобы подобная трескотня прибавила что-либо к бессмертной славе художника. Да и серьезному читателю вряд ли это нужно. Согласен с А. Нурпеисовым: «Талант нуждается не столько в похвале, сколько в справедливости». А по этой части в мухтароведении (или ауэзоведении) далеко не все еще в порядке. Грош цена высокопарным словесам, если до сих пор еще мало всеохватных, фундаментальных исследований о многогранном творчестве Ауэзова, если за все эти годы никто не отважился написать о нем книгу для популярной серии «Жизнь замечательных людей», если не все его произведения стали достоянием читате-

ля, если и поныне нет научной творческой биографии Ауэзова, если замалчиваются иные трагические этапы его многосложной жизни!..

Говоря об Ауэзове, еще слишком часто топчемся мы на месте, пережевываем набившую оскомину жвачку, твердим зады, повторяем банальности и расхожие суждения, украшая, расписывая их аляповатыми лоскутками пустых слов. Нужен, бесспорно, иной подход, более глубокий, солидный, подлинно научный, исследовательский, аналитический. К счастью, встречаются иногда и такие труды. И здесь я хотел бы обратить внимание читателей на две достойные, принципиально значительные, на мой взгляд, работы. Одна из них — монография Мекметаса Мырзахметова «Мухтар Ауэзов и проблемы абаяведения» (на казахском языке. Алма-Ата, «Наука», 1982), отличающаяся фактологической насыщенностью, широким спектром проблем, научной аргументированностью и фундаментальностью. И вторая работа — довольно объемная статья Зигрид Клейнмихель ««Друг Бедел» Мухтара Ауэзова, дискуссия о понимании истории в одной пьесе», вошедшая в коллективный сборник «Наследие и наследники» (издат. «Ауфбау», Берлин и Веймар, 1982). Зигрид Клейнмихель взялась за очень сложную тему — основательный анализ сложнейшей и по форме, и по содержанию философской драмы Ауэзова «Друг Бедел», о которой бытуют разноречивые мнения в казахской критике и которая до сих пор не находит своего истинного сценического воплощения. Литературовед из ГДР проявила в своей работе завидное знание истории и литературы Казахстана, серьезную осведомленность и проницательность в изучении творчества Ауэзова и своеобразно, убедительно трактует социально общественные мотивы и идейно-художественный подтекст последней драмы Ауэзова (1958) на фоне исторических преобразований и свершений, происшедших в Казахстане и Средней Азии в XX веке. Назван-

ная работа З. Клейнмихель — образец объективного историзма и широкоохватного аналитизма в литературоведении. И приходится только сожалеть, что эта статья до сих пор не переведена ни на русский, ни на казахский языки.

...

Жизнь и судьба Ауэзова — живое воплощение причудливой реальности трех общественных формаций. Поразительное явление! В беседе с Анной Зегерс Мухтар Омарханович сказал: «Да, я мог бы явиться человеком-справкой, у которого между юностью и сегодняшним днем лежат века. Я пришел из более сложного и мрачного, даже не европейского, а азиатского средневековья. Три времени и теперь наступившее четвертое пролегли через мою жизнь, как разноцветные полосы судьбы...» Анна Зегерс, потрясенная его рассказом, заметила: «Ваша биография — собственный учебник истории».

Вероятно, именно в этом факте и кроется сложность феномена по имени Ауэзов. Вероятно, этим и объясняется масштабность многогранного творческого наследия Ауэзова. Должно быть, именно потому и робеют перед ним самые дерзкие литераторы. Попробуй понять, осмыслить такую глыбу! Попробуй подступиться к ней!

Двадцать лет тому назад Николай Анов прозорливо писал: «Но сама жизнь Мухтара (а жизнь — это сюжет!) таит в себе, как и биография Абая, все данные для создания большого художественного полотна».

Знаю, многих давно манит величественная фигура Ауэзова со всеми превратностями его недюжинной судьбы. Одни сдерживаются: еще не время, нужно выдерживать временную дистанцию. Другие понимают: не по силам, не вытянут. Третьи начинают примериваться, принаравливаясь к теме, таящей столько соблазнов для творческого порыва, сознавая, что кто-то должен

ведь начать. И руководствуются при этом казахской мудростью: уж если падать, так с дромадера.

Смелую попытку осуществил известный прозаик Дукенбай Досжанов. На основе последних трех лет жизни Ауэзова, ограничив сюжетную линию поездкой писателя по югу Казахстана в пору работы над романом «Племя младое», Досжанов написал повесть, а потом — роман, в котором главным действующим лицом является Ауэзов-прозаик. Не могу судить, насколько удалось Д. Досжанову осуществить свой давний замысел. Конечно, никто не сомневается в том, что жизнь Ауэзова станет объектом не одного художественного полотна.

• • •

Три десятка лет уже нет его среди нас. Ощущение, однако, такое, будто он среди нас постоянно и всюду. На многих языках издаются и переиздаются его произведения. О нем пишутся исследования, статьи, воспоминания. Ставятся его пьесы. Вышли его избранные произведения сначала в двенадцати, потом в двадцати томах. Не за далекими горами, видно, и полное академическое издание его трудов. Имя его окружено всенародной любовью.

Словом, Ауэзов продолжается.

Есть художники на время. Есть художники времени. Есть художники на все времена.

Ауэзов из них. Из тех, кто на все времена.

Вблизи Чингизских гор

(Мозаика праздника)

Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Народная мудрость

Многие помнят первую фразу знаменитой тетралогии М. О. Ауэзова «Путь Абая». В русском переводе она звучит кратко: «Мальчик спешил домой». В оригинале она длиннее: «На третий день трехдневного пути мальчика охватило особое нетерпение». И далее говорится о том, что время от времени мальчик пускал поджарого саврасого коня-пятилетку вскачь.

Речь идет об Абая. Тринадцатилетний смышленный подросток, учащийся Семипалатинского медресе — духовного мусульманского училища и русской приходской школы, которую посещал тайно, возвращался домой на стойбище родового клана Жидебай вблизи Чингизских гор. Верхом этот путь проделывали тогда за три дня. Теперь для того, чтобы из Семипалатинска добраться до центра Абаевского района, достаточно трех часов.

Но мы до Караула ехали почти целый день. Мы — это большая писательская делегация, прибывшая со всех уголков страны на чествование выдающегося казахского писателя, лауреата Ленинской и Государственной премий, академика Академии наук Казахской ССР Мухтара Омархановича Ауэзова в связи с его девяностолетием со дня рождения. Ехали же мы весь день потому, что по дороге делали частые остановки возле достопримечательных мест того края, свято почитаемых и поныне в благодарной памяти народа. И это было самое интересное, познавательное и поучительное. По обе стороны дороги, прорезавшей равнины, долины, урочища и всхолмленную бурую степь, окаймленную

отрогами низких, складчатых гор, простиралась живая история этого края, связанная с большими событиями, легендами и сказаниями, с именами крупных личностей отечественной истории. Много я знал по книгам, по рассказам, по фотографиям. Теперь видел воочию. И это настраивало душу на торжественный, радостный лад.

Необычайно оживлен, взволнован был и руководитель писательской делегации, секретарь правления Союза писателей СССР Н. А. Горбачев: он влюблен в казахстанские просторы, знает историю и быт казахов не понаслышке, ибо родился и вырос в этих краях — в Восточно-Казахстанской области. Он то и дело шумно комментировал все, что видел, своим менее сведущим коллегам из других республик.

Дорожный знак у обочины свидетельствовал о том, что до Караула 180 километров. «О, далеко!» — воскликнули литераторы из прибалтийских республик. «Что вы?! — возразил им казахский прозаик Д. Досжанов. — Совсем рядом. Казахи говорят: под подбородком».

Я улыбнулся. В самом деле, для эстонца территория одного лишь Абаевского района равна площади его родной республики. Для казаха же 180 километров все равно что для немца один катценшпрунг — кошачий прыжок.

• • •

А накануне, днем раньше, мы, едва прибыв в Семипалатинск и устроившись в новой импозантной гостинице «Центральная», возложили цветы к памятнику В. И. Ленину. Потом многолюдная делегация направилась по улицам города в парк, где состоялся митинг по случаю открытия памятника М. О. Ауэзову. У шестиметрового бронзового памятника, выполненного в несколько романтическом стиле, выступил ряд ораторов.

Писатели Д. Ф. Снегин (Алма-Ата), А. М. Хорунжий (Украина), М. Сарсекеев (Семипалатинск) рассказали о значении и роли выдающегося казахского писателя в развитии многонациональной советской литературы.

После митинга я успел заглянуть в Музей Абая, осмотрел несколько экспозиций, в том числе уголок Гете. Для этого музея казахский писатель К. Исабаев привез из Габельбаха и Ильменау около двадцати экспонатов, связанных с именем Гете.

А вечером в театре имени Абая состоялось торжественное заседание с вдохновенными речами и интересным концертом. Особенно тепло было встречено блистательное, искреннее, абсолютно раскованное выступление председателя колхоза им. Ленина Большенарынского района Восточно-Казахстанской области, ветерана войны, Героя Социалистического Труда Б. К. Китапбаева. Он блеснул проникновенным знанием творчества М. О. Ауэзова, всей современной казахской литературы и ее роли в развитии национального самосознания. Говорил живо, то по-русски, то по-казахски, и кто-то из писателей потом в кулуарах восторженно заметил: «Меняю десять профессоров на одного председателя колхоза». Все потом дружно поздравили оратора-самоходка. Прославленный председатель колхоза из соседней области не только сам приехал на торжества любимого писателя, но и привез призового скакуна для участия в предстоявших конных скачках.

. . .

Бескрайняя бурая степь. Вдали, вдоль горизонта, темной полоской тянутся отроги низких гор. По узкой ленте асфальта стремительно несется вереница машин. Вдруг головная часть потока резко свернула налево. У обочины дороги промелькнула стена с надписью: «Борли. Дом-музей М. О. Ауэзова». Чуть поодаль сверкнули на солнце белизной девять юрт.

Первая остановка. 80 километров пути позади.

Возле приземистого, недавно реставрированного плоскокрышего домика на пригорке гости вышли из машин. День ясный, солнечный. Ветер дул упругий, свежий. У входа мемориальная доска гласила: «В этом доме провел детские и юношеские годы выдающийся казахский писатель М. О. Ауэзов».

Сегодня открытие Дома-музея. Митинг. Речи. Отовсюду собрался народ. Пешие. Верховые. Дети. Старики. Меня привлекла живописная сценка. Двое дряхлых стариков, одетых уже по-зимнему, стояли рядком, опираясь на посохи, и слезящимися глазами всматривались друг в друга. «Оу, — сказал один. — А ты еще живой?» «Ну, а как же? — прошамкал второй. — Я ведь моложе тебя». «Откуда знаешь? Или узнал меня?» «Конечно, узнал». «О, алла, сколько ж тебе лет?» «Девяносто». «Э, молодой еще... Мне уже девяносто шесть». И старики, довольные, рассмеялись, затряслись, обеими руками покрепче вцепившись в свои посохи. Оказалось, лет тридцать не виделись. Арнольд Тамм сфотографировал живописных старцев.

Рядом на кургузой лошадке прислушивался к разговору стариков чабан. На передке седла примостился загорелый, обветренный мальчонка, с любопытством взирал на скопище машин. Такого ему видеть еще не доводилось.

Осмотрели музей. Здесь, в этом доме, Ауэзовым были написаны рассказы «Сиротская доля», «Красавица в трауре», «Серый лютый», первые главы романа «Путь Абая». Писатели оставили автографы на плотном белом листе, прикрепленном на стене, потом посадили деревца вокруг дома.

Настоящий степной праздник начался возле красочных юрт. В 1917 году в ауле Айгерим, вдовы Абая, в составленных вместе двух юртах был поставлен спектакль по пьесе молодого Ауэзова «Энглик-Кебек». И автором пьесы, и режиссером, и постановщиком, и суф-

лером был Ауэзов. То было началом казахской драматургии. Живо напомнив о том, в таких же спаренных двух юртах местные самодеятельные артисты увлеченно сыграли отрывок из этого спектакля. И было как в те далекие годы: казахский аул в открытой степи, разнаряженная молодежь качалась на разборных качелях-алтыбаканах, пела песни, вокруг паслись отары овец, верблюжьих стада и табуны лошадей. И поэтическая проза Ауэзова звучала попеременно с немеркнувшей поэзией Абая.

После щедрого угощения в юртах гости завернули на центральную усадьбу совхоза им. Ауэзова, осмотрели животноводческий комплекс, где в закрытых помещениях откармливали десять тысяч овец едилъбаевской породы.

• • •

Еще одна остановка состоялась на высоком холме, на вершине которого высился памятник Энглик и Кебек. Этот памятник — символ чистой, преданной любви, привлекающий искони каждого путника. К этому месту когда-то Абай приводил своих юных друзей-поэтов. Я вспомнил описание этого места в «Пути Абая». Вспомнил, как Абай, показывая юношам памятник, произнес: «Страшную тайну содержит он».

Здесь собралось особенно много молодежи. В стороне стоял кортеж разукрашенных лентами машин. Молодая пара в свадебных нарядах пришла сюда поклониться могиле двух влюбленных из поэтической легенды и поклясться друг другу в верности и чистоте своей любви. Возложили цветы. А поэты читали стихи.

Отсюда, с холма, далеко просматривалась окрестность. Вдали темнел силуэт горы Акшоки. Это место знакомо всем читателям знаменитой эпопеи. В Акшоки находилась летовка аула Абая. Здесь родилось много песен и напевов великого поэта. Здесь впервые запела

в казахской степи пушкинская Татьяна. Песни и напевы Абая, исполненные его любимой Айгерим, отсюда распространились по всей казахской степи. Помните? «Новые песни, никогда раньше не звучавшие в этих краях, летели на крыльях ветров, неся долгожданный ответ степям, вопрошавшим сквозь многовековую молчаливую дрему»...

Эти слова из эпилога к второй книге эпопеи я заучил наизусть еще в школе. Слово «Акшоқы» — «Белая вершина» звучит для меня с тех пор возвышенно, чисто. Думал ли я тогда, что спустя сорок лет мне выпадет счастливый случай посетить это место...

Отсюда мы свернули к ущелью Энглик и Кебек, где они, преследуемые приверженцами феодальных нравов и традиций, скрывались долгое время. Ущелье находилось высоко, к нему вела узкая тропинка. Склоны горы были испещрены именами влюбленных. Здесь местные артисты с поразительной силой и достоверностью, прочувствованно сыграли сцену казни молодых. Гости были потрясены. Многие прослезились. Ком стоял в горле. Такова была сила воздействия этой трагической драмы — своеобразного казахского варианта «Ромео и Джульетты».

• • •

Разумеется, все эти дни писатели не только смотрели и слушали, не только созерцали природу, не только впитывали разнообразные впечатления. Программа была весьма плотная, времени для отдыха было отпущено совсем мало. Но, помимо всего этого, почти всем приходилось напряженно работать: давать интервью и автографы, выступать с речами, вести беседы, заводить новые знакомства, записываться для радио и телевидения и т. д. Думаю, это нелегкое испытание выдержали с достоинством и самые молодые, и самые почтенные, такие, как восьмидесятилетние Зоя Сергеевна Кед-

рина и восьмидесятилетний Альжаппар Абишев, знавшие близко и работавшие с Ауэзовым еще с начала 30-х годов. А восьмидесятилетний акын Шакир Абенов произнес свою речь в стихотворной форме. И автор этих строк дважды выступил с речью и трижды давал интервью радио и телевидению.

...

Следующим местом для привала было избрано дивное урочище. Здесь когда-то состоялось первое свидание Абая с красавицей Айгерим, ставшей потом его женой. Широкою равнину, зажатую диковинными, выщербленными ветрами и солнцем горами с двух сторон, украсили юртами, стендами, портретами, сценой. И опять звучали песни Абая, искрометные народные кюн, опять состязались акыны, на сцене под открытым небом разыгрывались картины из «Пути Абая», гарцевали вокруг джигиты, струились запахи традиционных казахских блюд.

Изрядно утомленные, мы с писателем М. Д. Симашко отошли в сторонку, расстелили куртки и улеглись в зарослях карагачника. Беспредельность неба и степи поражала. Ровно, ласково дул с запада ветер, трепая верхушки белесого ковыля, свистел в зарослях пересохшего тростника. Мы молча глядели на вершины своеобразных степных гор, любовались пушистыми облаками, проплывавшими мимо. «Ах, красота! — сказал задумчиво Морис Давыдович. — Я, кажется, теперь понимаю Абая. Конечно, такой простор, такая красота, такая высь располагали к сосредоточенным раздумьям, к высоким чистым помыслам, облагораживали душу. Неслучайно из этого края вышло столько певцов, композиторов, писателей, ученых, артистов».

Действительно, край этот славится не только трудовыми, хозяйственными успехами, богатством, но и высокой духовностью, народной эстетической культурой, которая, конечно же, складывается веками.

Солнце уже клонилось к западу, когда наш кортеж подъехал к Жидебаю — зимовью Абая. Мы сначала отправились к его могиле, возложили венки к памятнику поэта. Потом медленно, в благоговейной тишине обошли надгробный памятник. Трагична была жизнь Абая, особенно в последние годы. Он сам признавался: «Тяжелым и тернистым был мой путь». Говорил: «Я — человек с загадкой, домни это!» И еще говорил: «Боролся с тьмой, как мог... не обессудь!» Это он говорил, уже обращаясь к потомкам. Если вникнуть в его скорбное и полное человеческого достоинства стихотворение «Когда умру, не стану ли землей...», поневоле приходит на ум «Завещание» Гете и «Памятник» Пушкина. Сколько созвучия в помыслах и судьбах великих людей!..

Абай знал цену истинного поэта. Не о том ли свидетельствуют его знаменитые слова:

Но можно ли того назвать умершим,
Кто миру дал бессмертные слова?..

Потом мы посетили мазар Зере и Улжан — бабушки и матери Абая, осмотрели зимовье Абая — филиал республиканского литературно-мемориального музея в Жидебае. В музее хранится немало ценных экспонатов, в том числе и личные вещи Абая — книги на арабском, персидском, русском, турецком языках, посеребренный пояс, карманные серебряные часы, доски для игры в шашки и тогуз-кумалак, охотничьи одноствольные и трехствольные ружья.

... ..

А вот и Караул — конечный пункт нашего путешествия. Не успели мы расположиться — кто в гостинице, кто в местном интернате, как надо было спешить на торжественный вечер в районный клуб. И здесь собрались тысячи людей, чтобы приветствовать гостей и по-

пытать счастья попасть в клуб. Увы, клуб помещает не более пятисот человек.

Меня обступила группа ветеранов. Выяснилось, что они знакомы с моими работами об Абая и Ауэзове. Они долго расспрашивали меня, где я рос, где учился, чем занимаюсь, намерен ли я и впредь заниматься исследованием темы «Гете и Абай». И еще аксакалы попросили меня выступить на вечере, и непременно на казахском языке.

Просьбу их я выполнил. Я начал речь по-казахски, потом прочел гетевскую миниатюру «Вандерерс нахт-лид» в оригинале, а завершил выступление на русском, передав местному музею мою книжку «Созвучие». От волнения я ничего толком вроде не сказал, но приняли меня радостно, тепло. Я почувствовал себя обласканным. Выступившие после меня ораторы также заговорили вдруг на уйгурском, татарском, эстонском, латышском, казахском языках, и вечер наш обрел интернациональное звучание.

Воздержусь от описания изумительного концерта — выступления прославленного у нас и за рубежом ансамбля «Каламкас». Это надо слушать. Скажу только, что гости были поражены, потрясены, ошеломлены столь высоким профессиональным искусством певцов, танцоров, музыкантов. В восторге мы не щадили ладоней, подбадривали артистов и передали им все цветы, которыми нас одаривали весь день. Даже сдержанный, степенный семидесятипятилетний Дмитрий Федорович Снегин громче всех аплодировал артистам, восклицал с юношеским пылом: «Ай, жаса!», «Бис!», «Браво!».

Хоть и устали мы за весь этот долгий-долгий день, однако радостно возбужденные столь бурной встречей и щедрым приемом, до глубокой ночи не могли уснуть.

Писатели — народ любопытный, любознательный. Все их интересует. Эстонский прозаик и драматург Арво Валтон еще в Алма-Ате подробно расспрашивал меня о немцах в Казахстане, о их культуре, истории, языке, национальной самобытности, проблемах национального развития. Беседа на эти темы продолжалась у нас и в Карауле. Прозаик, редактор латышского журнала Айвар Каўе также интересовался историей советских немцев, книгами о их прошлом, просил меня высылать ему литературу по этой теме. С ним мы в Алма-Ате выступали в публичной библиотеке им. Пушкина. У нас, одноклассников, оказалось много схожего в судьбе: один провел детство в Новосибирской области, второй — в Свердловске, третий — в Северном Казахстане. Все мы были некогда спецпереселенцами. Заведующий редакцией национальной прозы издательства «Советский писатель» А. О. Тамм не расставался с фотоаппаратом, зорко выхватывая наиболее экзотические кадры. Украинского писателя А. М. Хорунжего приводило в восторг все, что относилось к степному быту, жанровые картинки, костюмированные действа. Особенно потряс его уникальный памятник — барельеф на аллее поэтов в Карауле, где на мраморе высечены немецкий, русский, казахский текст знаменитого стихотворения Гете «Ночная песнь странника». К этому памятнику все гости проявили живой интерес, и по их просьбе я прокомментировал этот редкий литературный факт. Памятник своеобразен и единствен в своем роде. Памятников на свете много, но памятник одной-единственной песне, кажется, существует лишь в центре Абаевского района Семипалатинской области — в Карауле. Как в свое время отмечала местная печать, он был поставлен «исключительно по требованию населения».

А какой был праздник на Караул-тюбе! Апофеоз многолюдного торжества. Казалось, весь район собрался на широкой равнине у подножья караульной горы. Когда кавалькада машин, словно разгоряченные скакуны, остановилась неподалеку от красочной юрты и гости поднялись на трибуну, хор из тысячи человек слаженно запел протяжный, жизнерадостный напев Абая — «Шлю, тонкобровая, привет». Тысячеголосую песню тотчас подхватили все: и мальчишки, облепившие крутые склоны горы, и наездники, нетерпеливо дожидавшиеся байги, и джигиты-распорядители тоя, и женщины-молодки, хлопотавшие у котлов, и многие из гостей — от академика до тележурналиста. Над всей равниной у подножья Караул-тюбе плыла-лилась популярная абаевская песня:

Шлю, тонкобровая, привет!
 Похожей не было и нет!
 Когда тоскую по тебе,
 Мне слезы затмевают свет.

А потом ожили картины из произведений юбиляра. На одной из грузовых машин проплыли мимо зрителей герои Ауэзова, которых по костюмам и внешнему облику легко узнавали: вот мудрая бабушка Зере, вот добрая, степенная Улжан, вот степной властелин, одноглазый Кунанбай, вот красавица-певунья Айгерим, а вот пушкинская Татьяна. Потом пронесся на взмыленном коне всадник. К хвосту лошади были привязаны волосяным арканом несчастные влюбленные Энглик и Кебек, приговоренные по жестокому феодальному шариату к смерти. На следующей машине, сидя на корточках, ярил, возбуждал себя перед схваткой многопудовый палван-силач. За ним иступленно кружился в экстазе степной баксы-шаман во время камлания. На громадном коне с копьём и щитом в руках проехал закованный в кольчугу батыр Кобланды. Еще на одной машине

в картинной позе, охваченные вдохновением, застыли в соответственно эпохе костюмах Гете, Лермонтов и Абай. Гете стоял, избоченясь, посередине, между своими русским и казахским собратьями, тонкий, стройный, юный, непривычно смуглый, загоревший на степном ветру и солнце, и держал в вытянутой руке мою книжку «Созвучие». Потом торжественно проплыл верблюжий караван — казахское кочевье с родоначальницей-байбише, величаво восседавшей верхом на иноходце.

— Ай, молодцы,— в один голос воскликнули грузинский писатель Х. Берулава и азербайджанец Г. Бабаев.

После этого начались традиционные казахские национальные игры — многокилометровая байга, кыз-куу («догони девушку»), борьба.

Степь пела, колыхалась, взрывалась ликующим гиканьем, песней, восторженными возгласами, топотом скачущих коней. Голубело небо, синели дали, медленно и ровно дул бодрящий ветер степи, а у подножья древней складчатой горы Караул-тюбе продолжался праздник. Праздник в честь великих уроженцев этого края — Абая и Мухтара Ауэзова.

• • •

Хозяева не переставали нас поражать. На прощанье они показали нам очень интересную, совершенно уникальную выставку изделий народных умельцев. В небольших павильончиках в форме юрты, выстроенных в ряд вдоль дороги, народные умельцы демонстрировали свое искусство и предметы старинной материальной культуры. На глазах многочисленных зрителей пожилые женщины сучили шерсть, пряли пряжу, ткали паласы, споровисто работали за примитивным деревянным станком; юные, стройные девушки катали войлок, накладывали узоры на кошму; джигиты ловко скручивали-вили волосяные арканы; мужчины ладили конскую упряжь, мастерили решетки для юрты. Это был настоящий этнографический музей под открытым небом.

— Ну и ну! — качал головой первый помощник капитана теплохода «Мухтар Ауэзов» С. Е. Фролов. — Впервые в жизни все это вижу.

— Потрясающе! — вторил сахалинский поэт Николай Тарасов.

Целый аул гостевых юрт выстроился в открытой степи. У входа в низком поклоне стояли джигиты-распорядители, учтиво приглашали гостей отведать на прощанье традиционные казахские яства.

Прощались с радушными хозяевами долго.

Времени оставалось уже мало. В аэропорту Семипалатинска гостей дожидались самолеты, и вереница машин на предельной скорости понеслась в обратный путь.

Вновь по обе стороны дороги потянулась беспредельная степь. Молчаливо взирали задумчивые горы. Глядели вслед гранитные скалы.

И думалось высоко и благодарно. Думалось об Абае, об Ауэзове, прославивших свой край, свой народ на века, об их потомках и земляках, воздавших столь достойные почести своим предкам, думалось о дружбе и единении народов, о человеческой памяти, гордости и любви...

1987

Чуткое сердце художника

(к 60-летию Тахави Ахтанова)

В том, что время летит неимоверно быстро, особенно убеждаешься в дни юбилеев своих друзей. Кажется, еще совсем недавно я впервые встретил его у знаменитого нынче писателя Абдижамила Нурпеисова и откровенно любовался им: его импульсивностью, смелыми, подчас резкими и дерзкими суждениями, юношеской увлеченностью и задором, кровной заинтересованностью за-

ботами родной литературы. Располагали к себе и его раскованные манеры, непосредственность, открытость, поразительная простота, бросакая внешность: большоголовый, с богатой, вьющейся шевелюрой, кругогрудый, весь какой-то крепкий, прочно сбитый. «Джигит!» — невольно думалось при взгляде на него.

То было двадцать лет тому назад.

Но сорокалетний тогда Тахави Ахтанов имел уже немалый житейский опыт за плечами, прошел войну, в которую вступил добровольцем со второго курса педагогического института, успел после демобилизации несколько лет побывать на руководящих должностях в редакциях республиканских издательств и журналов, а — главное — занимал прочное, видное место в казахской литературе, проявив многогранность своего таланта как прозаик, критик, драматург и переводчик.

Еще до личного знакомства с писателем Т. Ахтановым я имел о нем вполне определенное представление, а за последовавшие два десятилетия прочитал все, что выходило из-под его требовательного, отнюдь не бойкого пера. Более того, подстрочные переводы двух его драм, «Индийских тетрадей» и несколько глав романа «Буран» были в свое время выполнены мной.

В тот далекий, но памятный день первой встречи, слушая по обыкновению горячо и увлеченно рассказывавшего о своих последних поездках Ахтанова, я невольно вспоминал слова из письма великого Мухтара Ауэзова, написанного за шесть дней до его роковой операции.

Письмо это как завешание. И отнюдь не случайно было оно адресовано Тахави Ахтанову. 21 июня 1961 года, находясь в Москве на больничной койке в ожидании операции, Мухтар Ауэзов счел нужным поделиться с молодым коллегой своими думами о будущем родной литературы, о своих надеждах, о непомерной ответственности, которая ложится на молодых литераторов.

Много теплых, проникновенных слов сказано в том письме и о самом Ахтанове. М. Ауэзов отметил многогранность, масштабность его творчества, лиричность, искренность, исповедальность, честность его художнической натуры, его умение писать без фальши, без пышнословия и нивелировки. И еще М. Ауэзов доверительно сообщил в том письме, что с радостью увидел и услышал в творчестве Ахтанова созвучные себе ноты — созвучие в мышлении, во взглядах, в творческих поисках и манерах. «Но твой огонь жарче моего, тебя — хочется мне верить — осенила ранняя мудрость», — заметил М. Ауэзов.

В письме другому литератору (Зейну Шашкину), написанному за день до смерти, М. Ауэзов, перечисляя нескольких писателей, которых считал надеждой казахской литературы, снова упоминает Тахави Ахтанова. Щедрая, ко многому обязывающая оценка! Ауэзов точно и прозорливо уловил в Ахтанове его художническую чуткость, гражданскую смелость и высокую духовность. И Ахтанов всей своей жизнью, всем своим дальнейшим творчеством стремился оправдать это высокое доверие, эту искреннюю надежду своего маститого Учителя.

В небольшой юбилейной статье нет возможности для обстоятельного анализа творческого пути столь крупного и колоритного писателя, каким является Тахави Ахтанов. Постараюсь отметить лишь некоторые — как я понимаю — наиболее характерные черты этого своеобразного таланта.

Ахтанов — литератор широкого масштаба. Как подавляющее большинство казахских писателей, он начал со стихов, однако известный поэт Касым Аманжолов предрек ему стезю критика и прозаика, что впоследствии полностью оправдалось. Активной, действенной критике Ахтанов уделил немало сил и времени, результатом чего явились его монография «Габит Мусрепов» и два сборника критических статей «Караван» и «Мысли

вслух». Критические выступления Ахтанова всегда отличаются актуальностью, нелицеприятностью, глубоким знанием материала, боевитостью и эмоциональностью. Он всегда темпераментно, даже яростно выступает против всепоглощающего потока «серой беллетристики» и всеразмывающего водопада мутного рифмоплетства. Он требователен и к себе, и к другим, и нерадивость, конъюнктурность, гладкопись и халтуру неизменно называет своими именами.

Перейдя к художественной прозе, он серьезно учился у русских классиков. С этой целью он перевел на казахский язык трилогию А. Толстого «Хождение по мукам» и рассказы М. Горького.

Снискал Ахтанов себе имя и как серьезный драматург, написав такие широко известные пьесы (от трагедий до комедий), как «Голос матери», «Клятва», «Сауле», «Печаль любви», «Неожиданная встреча», «Буран», «Отец и сын», «Покорный зятек». Для драматурга Ахтанова характерны злободневность, проблемность, динамизм человеческих судеб и характеров.

Эти же качества свойственны и его прозе — романам «Грозные дни» (в ГДР этот роман был издан в 1960 году под названием «Ибо за нами Москва»), «Буран» (в ГДР увидел свет в 1968 году под названием «Исповедь степи»), «Да не угаснет твоя свеча», повестям и рассказам из сборников «Печаль любви» и «Исповедь степи», а также книге очерков «Индийские тетради».

Чем привлекателен Ахтанов-прозаик! На мой взгляд, он чутко улавливает процессы, происходящие в общественном сознании, тонко чувствует дыхание Времени, его глубокие подспудные явления, кардинальные нравственные проблемы современности и, живо откликаясь на них, с подлинно гражданской смелостью выражает их через свое художническое видение. В этом смысле я бы назвал Ахтанова разведчиком в литературе. Ведь неслучайно его честный и правдивый роман о войне был

написан в то время, когда широкому читателю еще не были известны ныне популярные произведения К. Симонова, Ю. Бондарева, Г. Бакланова, В. Быкова, И. Стаднюка и других. Ведь неслучайно именно Ахтанов один из первых в литературе обратил внимание на интеграцию национальностей, на новь, происходящие на осваиваемой целине — вспомним рассказ «Серый аист». В начале 60-х годов, когда в нашей литературе все отчетливей зазвучала тема ответственности каждого простого человека, который еще недавно считался всего-навсего безымянным «винтиком» общества, за чистоту и принципиальность человеческих отношений, тема необходимости нравственного выпрямления и духовного возрождения гражданина, Ахтанов пишет свой полный драматизма и высокого идейно-художественного накала роман «Буран», за который он был удостоен республиканской премии имени Абая. Еще до появления романов А. Кекильбаева, М. Магауина, И. Есенберлина, А. Сергеева и ряда других произведений, посвященных знаменательному событию — 250-летию добровольного присоединения Казахстана к России, Ахтанов создал свою драматическую поэму «Клятва», в которой четко обозначены основные перипетии того крутого, переломного момента в истории казахов и раскрыты характеры и мотивы поступков главных действующих лиц того исторического акта. Ведь неслучайно, когда появилась потребность говорить о прошлой войне как бы «изнутри», более психологически углубленно, через восприятия души не под грохотом канонад, а через личностную судьбу «тихого», «незаметного» человека, Ахтанов создает роман «Да не угаснет твоя свеча», в котором через видение простой женщины из аула Назиры, юной жены советского командира, с потрясающей правдивостью и убедительностью раскрывает всю антигуманистическую суть войны.

Это можно сказать о каждом произведении Т. Ахта-

кова. В его груди действительно бьется чуткое сердце художника. И в творчестве своем он неизменно исповедует духовный максимализм.

Ахтанов убежденный противник пышного словесия, крикливой аляповатости, унылой описательности, нудного нанизывания бесконечных деталей, не работающих на суть произведения. Это свойство его писательства выгодно выделяет его на фоне многоверстовых пухлых романов, которыми в последнее время явно грешат казахские прозаики. Это о них как-то в шутку драматург Калтай Мухамеджанов сказал: «Сейчас у нас немало романов, из которых можно выжать по два ведра воды». В многословии не обвинишь Ахтанова: для этого он обладает слишком строгим и требовательным талантом.

Отметил бы я еще простоту и доступность прозы Ахтанова. Это не та простота, которая — по русской поговорке — хуже воровства, а та, которая является преодоленной сложностью. Она признак зрелости и мудрости, когда словесные побрякушки уже не прельщают.

На седьмом десятке лет Тахави Ахтанов по-прежнему порывист, стремителен, легок на подъем, активен и непримирим до дерзости. Он всегда в гуще жизни, всегда в первых рядах идеологической борьбы как чуткий и страстный художник.

1983

Уроки старшего друга

(к шестидесятилетию А. Нурпеисова)

Оттого, что человеку исполняется шестьдесят, он, надо полагать, не становится лучше или талантливее. Привлекательность этой цифры относительная, магия —

мнимая, и заключается она едва ли не в том, что позволяет и юбиляру, и его друзьям-почитателям в этой скоротечной, щедрой на заботы жизни сделать лишь на короткое мгновение передышку, оглянуться и поразмышлять: что, собственно, произошло, чем привлекателен юбиляр и какие уроки можно извлечь из его жизни и деяний.

Шестидесятилетие выдающегося казахского писателя, лауреата Государственной премии СССР Абдижамила Нурпеисова дает прекрасный повод для таких раздумий. И, мысленно обозревая, взвешивая и — по мере своего разумения — оценивая его творчество, мы вправе ныне порассуждать об уроках уважаемого юбиляра.

В чем они, эти уроки, выражаются? Постараюсь сформулировать некоторые из них.

Всем творчеством, талантом своим — романиста, очеркиста, эссеиста, публициста — Нурпеисов вселяет убежденность, веру в высокое призвание и назначение литератора. Быть всегда и всюду верным себе, своему дару, своей миссии, преданно, по-сыновьи служить родной литературе — в широком, подлинном ее значении, а не родофильствующем и родофобствующем, бескорыстно служить родной казахской речи, родному казахскому языку — один из главных уроков писателя, для которого слово правдивое и честное, слово казахское — не разменная монета, не привычная и доходная спекуляция так называемым священным духом предков, не квазипатриотизм, а святыня, реальный дух народа, который нужно ценить, беречь неизменно и активно. Язык есть тайна, и, не приоткрыв хоть чуток завесы этой тайны, нельзя и помышлять о постижении Истины — исконного, изначального смысла подлинной литературы. Это урок-упрек, упрек тем, для которых литература — легкое эстетическое баловство или лишь повод, лишь средство достижения суетной славы и житей-

ских благ, упрек тем, кто с поразительной легкостью меняет Павла на Савла и празднует свои именины и на Антона и на Онуфрия, бойко торгуя не в меру эластичными идеалами и принципами на ниве многотерпеливой словесности.

Создавая наполненные большой социальной, философской значимости образы типа Еламана, Жадигера, Танирбергена, Суйеу, Акбалы, Сары-шап и Судр-Ахмета, писатель настойчиво внушает нам: да, жизнь не легка, она сурова и подчас трагична, и истинное всегда тяжело, и правда достигается дорогой ценой, иногда ценой жизни, но она справедлива, всегда справедлива, как небо, как жизнь, как все подлинное и настоящее. Писатель, как и лучшие его герои, знает, что «вслед за мраком наступит свет и что радость и горе всю жизнь неразлучно идут бок о бок, что беспокойная жизнь на земле будет повторяться вечно».

Бесславно заканчивая свою несправедливую жизнь, Танирберген в фантазмагорической агонии смотрит на небо. «Оно все так же сияло, чистое и далекое. «Оно справедливо, справедливо, справедливо!» — хотелось ему кричать, возвещая всему лживому миру только что открытую им истину. Но у него уже не было голоса».

Уже не было голоса у Танирбергена. А у автора трилогии «Кровь и пот» голос есть и услышан он далеко за пределами республики и страны, и не надо быть оракулом, чтобы предсказать, что услышан он будет еще дальше — сквозь толщу времен, ибо честный голос писателя утверждает в беспокойном этом мире столь необходимую всем живущим на земле истину в справедливости неба, жизни и Человека.

Заслуга Нурпеисова в казахской прозе, на мой взгляд, заметна и значительна и в целеустремленном развейивании все еще существующего выспренно фольклорного представления о ней. Что греха таить, казахский читатель приучен в немалой степени к пышному славо-

словую, к слову декорированному, выпрессованному, к краснобайскому шешенству в ярких лохмотьях, к «луноликим», «звездокким» красотам и излишествам. Так вот, Нурпеисов, особенно «позднего», зрелого периода — яростный противник плетения бездушных «красных» словес. Всем своим существом тяготея к реализму, он через точное и правдивое слово стремится к проблематике глобальной, общемировой. Он убежден: хорошее слово правдиво. А оно самое трудное и чаще всего горькое. И еще знает он: для такого слова надо быть мужественным. Ибо слабый душой слаб и на язык.

Им, Нурпеисовым, в творчестве всегда руководит священное беспокойство души. Много ли нужно смелости и ума, чтобы увесистой дубинкой расхожих представлений грохотать по пустой бочке конъюнктурности, восславляя суету буден, захлебываясь от наигранного пафоса? Нет, мужество и смелость литератора в том, чтобы увидеть жизнь в своей корявой реальности, а не в правдивой лжи. Своим романом «Долг» писатель показывает и доказывает: быть фальшивым оптимистом — не удел истинного художника. Верный жизненной правде, он не является приверженцем теории идеализации, форсированного показного оптимизма и бодрячества, к чему так охотно прибегают лъстивое перо и трепливый язык. Представлять что-либо лучше, чем оно есть на самом деле, оборачивается для художника катастрофической ложью, и путь идеализации для истинного художника-реалиста — путь гибельный. Только правда в литературе оставляет человеку веру и надежду. Красивая ложь сеет неверие и безнадежность.

Укажу еще на один достойный урок Нурпеисова как писателя. Он, урок этот, необычайно важен сейчас, в пору эпидемически опасного халтуртрегерства, или, говоря словами Чехова, «курьерского скорописания». Стала притчей во языцех бесконечная шлифовка Нурпеисовым своих писаний — будь то роман или крохот-

ная заметка. Многие над этой его страстью, точно дети неразумные, посмеиваются, кое-кто даже склонен видеть в этом некую причуду, блажь, и писатель, ущемленный подобными кривотолками, уже начинает стесняться этой своей «слабости» и прячет от любопытного взора тома своих книг, густо, беспощадно, вдоль и поперек испещренные поправками, несмотря на то, что вышел уже десяток изданий в несколько миллионов экземпляров. Сколько раз, бывало, он говорил мне: «Искусство беспредельно».

Это его кредо, суть творческих исканий и мук. Кажется, Гоголь советовал переписывать каждую страничку восемь раз. Толстой записал в дневнике: «Надо навсегда отбросить мысль писать без поправок. Три, четыре раза — это еще мало». Нурпеисов верен этому совету. И это чудится странным нынче, когда сплошь и рядом его юные собратья по перу спешат отнести в издательства рукописи с непросохшими чернилами.

Где-то приходилось мне читать воспоминание французского ваятеля Антуана Бурделя: «Мое всегдашнее недовольство собой глубоко трогало Франса. Как-то утром великий писатель явился ко мне. «Смотрите, Бурдель», — сказал он с таинственным видом, вытаскивая из кармана пальто одну из самых знаменитых своих книг. И он стал перелистывать ее страницы, испещренные пометками, вставками и карандашными пометками. А затем, наклонив ко мне свою высокую фигуру, проговорил: «Лишь глупцы уверены в своем совершенстве».

Как это характерно и для Нурпеисова!

Одна из трех максим Иммануила Канта, сформулированная «для класса мыслителей», гласит: «Всегда мыслить в согласии с самим собой».

Понятно: это сложно. Но в своем творчестве Нурпеисов стремится к этому и чаще всего это ему удается.

Но, как известно, человек не состоит из одних достоинств. На правах четвертьвековой близости и дружбы могу сказать, что как человек Нурпеисов замешан сложно, противоречиво и даже путанно; разумеется, и ему присуще некоторое противоречие между сугубо личностным и духовной сутью божьего дара, но при всей сложности и противоречивости натуры совершенно очевидно главное — те несомненные достоинства художника, писателя, гражданина, которые обеспечат прочную славу казахской литературе, казахскому народу в грядущем.

Писатель не культмассовик, не общественный затейник. Ему не пристало быть все время на виду, мозолить постоянно глаза, поучать всех и всюду, мелькать на экране телящика и витийствовать со всех трибун. Увы, именно это зачастую выдается за общественную и социальную активность. Бич времени — суета — не удел истинного художника. Нурпеисов всей своей человеческой и художнической натурой придерживается этой истины. Кривить душой в святом писательском деле — такой удобной, карьерной гибкости он не признает. В житейском смысле я его никак не назвал бы ригористом. Зато в профессии своей он неизменно ригорист и максималист. По-моему, это объясняется тем, что не знал он никогда легкой жизни, как и преждевременной славы.

В одном рассказе Виктора Потанина есть такие замечательные слова: «Одно не простят тебе, мастер, если талант убежит твой, как вода сквозь сито, а это бывает от легкой жизни и ранней славы, тогда нигде не спасешься, пойдешь по свету, как прокаженный: люди подняли, люди опустили».

Как это верно! И как глубоко понимает, осознает это Абдижамил Нурпеисов!

Не скажу, что он находится нынче на распутье. Но свидетельствую: необычайно трудно, мучительно далась

ему новая диалогия, названная «Долг». Он, полагаю, сам еще не в полной мере уяснил, не убедился в том, то ли написал, что хотелось, чем мытарилась душа, сумел ли выразить то, что накипело на сердце, сказал ли то, что от него ожидал равнодушный, искушенный нынешний читатель. Даже взобравшись на холм мудрости, откуда видно далеко вокруг, он предается бесконечным раздумьям, зачастую тяжким и горьким, многое переосмысливая, переоценивая и упорно ища ответа на проклятые вопросы бытия. И в таком душевном напряжении, в сомнениях, в смятении он, как всегда, тяжело работает сейчас над второй книгой «Долга».

1984

На переднем крае

(к семидесятилетию Алексея Дебольского)

Каждый пишет то, что знает,
даже когда пытается писать о
том, чего не знает.

А. Дебольский

Да будет мне позволено в нарушение стародавних традиций не останавливаться подробно на жизненном пути уважаемого юбиляра, ибо в разное время мне уже приходилось о том писать в обзорных статьях, в предисловии к его однотомнику и в литературных портретах. Напомню только, что в творческом плане наш юбиляр, будучи в разные годы то Шмелевым, то Стражевским, то Шольцем, то Дебольским, сделал следующее: перевел на русский язык ряд больших произведений с английского, французского, немецкого; написал на русском и немецком языках романы «Истина стоит жизни», «Туман», «Свершение», юмористическую повесть «Такое долгое лето», пьесу «Великое испытание», несколько книг рассказов и очерков, многочисленные

статьи, рецензии и даже стихи. Таковы, так сказать, беглые анкетные данные о творчестве писателя.

Как я понимаю роль и значение А. Б. Дебольского в советской немецкой литературе? И какие уроки мы можем извлечь из его творчества и деятельности?

Вразумительный ответ на эти вопросы и станет существенным штрихом к его портрету.

Представить советскую немецкую литературу последнего двадцатилетия без колоритной фигуры А. Б. Дебольского невозможно ни в творческом, ни в организационно-деятельном плане. Что касается его творчества, то оно дает немалую пищу для размышления на тему «писатель — литература — действительность». Все его произведения, написанные в разных жанрах, а также устные выступления по разному литературно-культурному поводу, явственно свидетельствуют о том, что А. Дебольский руководствуется в своем литературном творчестве четким мировоззренчески художественным ориентиром, ясным идейно-философским кредо и целенаправленностью своих писательских поисков и устремлений.

Он, как явствует его биография, подлинное дитя своего бурного времени, сполна изведавшего и испытывавшего многосложную и многотрудную судьбу своего поколения, никогда не был сторонним наблюдателем в жизни, никогда ни о чем не судил со стороны, всегда находился, как принято говорить, в самой гуще жизни, жил полнокровно, не боясь набить себе шишек, и богатый, незаурядный, во многом своеобразный его жизненный опыт и неординарный взгляд на иные ее явления и проявления стали единственным материалом, из которого возникли все его произведения. Иначе говоря, в своих писаниях он неизменно исходит из жизни, отталкивается от реальности, от осмысленного своего опыта, четко и точно осознав для себя, о чем он пишет, как пишет и для чего пишет.

В своем творчестве он исходит не из литературы, не из отражения отражения, а из единственно достойного и верного источника — из окружающей действительности, и, следовательно, его произведения следует судить, исходя не из литературы, а из той части действительности, которую они показывают. Мудрый Антуан де Сент-Экзюпери заметил: «Прежде чем писать, нужно жить». Я думаю, этим безупречным во все времена принципом руководствовался и руководствуется и А. Дебольский. В литературу он пришел в зрелом возрасте, обогащенным, повторяю, огромным жизненным опытом, имея за душой что сказать, зная как сказать и для чего сказать; а лучшие книги свои создал, можно сказать, за последние двадцать лет.

Однако может показаться, что я говорю о самых элементарных требованиях к писателю, о банальных истинах писательской премудрости вообще, и то, что я вменяю в достоинство и заслуги А. Дебольского, есть на самом деле азбука писательства. Что ж, по большому счету это, конечно, так, и всякое художественное творчество состоятельно лишь тогда, когда являет собой триединство ЧТО, КАК и ЗАЧЕМ, но говорить о том считаю нужным по той причине, что в наше время повального эпигонства, губительной стандартизации и катастрофической скорописи, с помощью которых с прытью необыкновенной изготавливаются любые поделки по известным образцам, нелишне вновь и вновь напоминать, что только первичное, только подлинно жизненное, пережитое и пережитое, может питать истинную литературу. И в этом смысле творческий опыт А. Б. Дебольского является в советской немецкой литературе благодарным и поучительным примером, достойным подражания.

Любой писатель, претендующий на свой голос, на собственное лицо в литературе, должен, конечно же, обладать чувством времени. Так вот, все произведения,

написанные Дебольским — какого художественного уровня они бы ни были — свидетельствуют, на мой взгляд, о том, что писатель обладает этим даром. Возьмем, к примеру, его первый роман «Истина стоит жизни». Вспомним, что он был написан в те годы, когда бурные события, неотвратимые национально-освободительные движения сотрясали колониальный «черный» континент. Писатель-коммунист, писатель-интернационалист проникся этим всенародным, разноплеменным пафосом освобождения, необходимостью разоблачения империалистических колонизаторских происков и создал остро современный роман, чью актуальность верно подметили многочисленные рецензенты.

Вспомним время появления романа «Туман». Это была пора заметного оживления историографического направления в советской немецкой прозе, когда наши маститые литераторы — Виктор Клейн, Доминик Гольман, Андреас Закс, Александр Реймген — обратились к художественному осмыслению и воспроизведению прошлого своего народа, к изображению немецкой деревни в канун Октября, в первые годы революции и становления советской власти. И в это достойное течение внес свою заметную лепту А. Дебольский, самобытно, своеобразно воскресив эпизоды сложной жизни в двадцатых годах на Украине и тем самым расширив географию и поле видения в советской немецкой литературе. Примечательно, что «Туман» явился первым советско-немецким романом послевоенного времени, увидевшим свет, так сказать, в законченном виде. Роман, как мы знаем, издавался не раз в Москве и Алма-Ате в авторском переводе на русский язык.

Вспомним юмористическую повесть «Такое долгое лето!», также не раз издававшуюся на немецком и русском языках. Повесть создавалась в пору двадцатилетия казахстанской целины и является наиболее крупным и существенным произведением в советской немец-

кой литературе, запечатлевшим — в своеобразном юмористическом ключе — жизнь и быт современного многонационального целинного совхоза в Центральном Казахстане.

Вспомним пьесу «Великое испытание», достоверно воссоздавшую картины активной борьбы советских немцев на Украине с гитлеровским фашизмом. Мы знаем о вкладе советских немцев в нашу великую победу. Ныне мы знаем многих героев из граждан немецкой национальности, которые с оружием в руках стойко и беззаветно сражались с заклятым фашистским врагом. Но в художественной литературе эта подлинная реальность еще не получила своего достойного воплощения. В канун великих дат нашей победы А. Дебольский написал эту пьесу, изъездив для сбора материала несколько областей Украины.

То же самое можно сказать и о его новом романе «Свершение», в котором автор разворачивает перед нами историю и современность, с пристальным вниманием вглядывается в прошлое, рассматривает «пестрый ряд картин» в обстановке сложной, драматичной и как очевидец-наблюдатель, и как умудренный опытом осмысливатель. Это же характерно и многим его рассказам и очеркам.

Вот это все я и имел в виду, когда говорил о чувстве времени, свойственном писателю.

Своеобразие биографии предопределило своеобразие в творчестве.

Будучи по праву всей своей жизни и деятельности советским немецким писателем, А. Дебольский выделяется чем-то из общего потока советской немецкой литературы, а именно — темой, диапазоном, взглядом, художественными манерами. Это верно подметил доктор филологии, известный германист П. М. Топер: «Книжки Алексея Дебольского, судя по всему, занимают особое место среди произведений советских писателей, пишу-

ших на немецком языке. В них хорошо выражены «общесоветские» приметы современной жизни».

Будучи советским немецким писателем, А. Дебольский не замыкается в узкой национальной скорлупе, а работает в фарватере всей многонациональной советской литературы. На эту сторону его творческого облика обратила внимание Ирмтрауд Гучке, известный критик из ГДР, в своей рецензии на роман «Туман»: «Со своим уклоном в психологизм, со своим тонким углублением в морально-этические проблемы роман «Туман» вписывается в рамки основной тенденции современной многонациональной советской литературы».

Будучи советским немецким писателем, А. Дебольский рассматривает и описывает жизнь в ее многообразном единстве и, вводя в свои сочинения образы советских немцев, подмечая их характерные черты, стремится их изобразить не изолированно, а в окружении многоликой, пестрой жизни, соответственно реальности, и, видно, именно эта сторона его творческой индивидуальности дала повод журналисту из «Советунион хойте» (1980, № 3) назвать А. Дебольского «Летописцем советско-немецкой жизни». Возможно, определение излишне обще, многообязывающе, но немалая доля истины в нем все же присутствует.

Будучи советским немецким писателем, А. Дебольский заметно и решительно расширил рамки художественного видения, диапазон своих наблюдений и интересов, привнес в советскую немецкую литературу междunarодную тематику. Я имею в виду его романы «Истина стоит жизни», «Свершение», а также рассказы «Взрыв» и «Мерапи». В этом смысле Алексей Дебольский и Рудольф Жакмьен выделяются из общего круга советских немецких писателей, не покидающих сугубо собственной художественной орбиты, что, разумеется, отнюдь ни в чем не умаляет значения их творчества.

Из сказанного выше вытекают основные уроки А. Б. Де-

больского, то, чему следует у него учиться. А именно: гражданская активность, добрая чуткость, неослабевающий интерес к живой жизни, стремление осмыслить ее многообразие и многоликость, умение замечать и вычленять из общего потока бытия самое главное и существенное, мобильность и равнодушие, непосредственность восприятия и неординарность в выражении своего «я», честная, целенаправленно терпеливая работа на не очень-то обхоженном поле литературы, именуемой советской немецкой.

В этом пафос его творчества.

В этом его назначение и заслуга как литератора.

В этом роль и значение его для советской немецкой литературы и литературы вообще.

В этом суть его как Человека, как Гражданина, как Писателя.

1986

Постигая магию легенд

(печать ГДР о творчестве Абиша Кекильбаева)

«Легендеэрцейлер» — рассказчик легенд — такой приподнято-романтический облик, овеянный загадочно-экзотическим флером, сложился об Абише Кекильбаеве в ГДР.

Там его знают и любят. И знание это серьезное и прочное, а любовь — верная и взаимная.

Вспоминается большая фотография в журнале «Фрайе Вельт» (№ 24, 1982): залитая солнцем широкая площадь, аккуратно выложенная камнем, на заднем плане современное многоэтажное здание, перед ним пышный, в стиле барокко фонтан, а по площади широко шагает, щедро улыбаясь, Абиш. Видно, ему хорошо, радостно в стране

друзей. Под фотографией читаем: «Рассказчик легенд Абиш Кекильбаев в Берлине. 1982».

Журнал «Фрайе Вельт» и его читатели испытывают давнюю привязанность к казахскому прозаику. Еще в 1977 году двое корреспондентов приехали в Алма-Ату, ближе познакомились с жизнью Абиша и посвятили ему несколько страниц популярного, иллюстрированного журнала. Обстоятельный, теплый очерк Гельмута Земке украсили семь дивных фотографий писателя и его семьи. Групповой семейный портрет Кекильбаевых на обложке журнала был потом воспроизведен в ежегодном литературном календаре ГДР. И под этой весьма эффектной, колоритной фотографией стоит подпись: «Степные баллады рассказывает казахский писатель Абиш Кекильбаев, в доме которого побывала «Фрайе Вельт»».

Не стану перечислять здесь подобные очевидные свидетельства непреходящего внимания к творчеству и личности Кекильбаева в ГДР, подчеркну только, что все они говорят о неизменной симпатии и любви к прозаику и об устойчивости восприятия его немецким читателем главным образом как исторического писателя, как рассказчика и интерпретатора древних легенд.

Почти все пишущие в ГДР о Кекильбаеве отмечают его личное, человеческое обаяние. Клаус Шнайдер в книге «Алма-Ата. Казахская весна» (Лейпциг, 1973), например, восторженно описывает выступление Абиша в Театре оперы и балета имени Абая на чествовании композитора Нургисы Тлендиева: «Теперь говорит Кекильбаев! И как он говорит!», И, поведав немецкому читателю о реакции зала, укатывающегося от смеха, Клаус Шнайдер заключает: «Как я рад, что, наконец, увидел тебя, Кекильбаев! А произведения твои мне давно знакомы». (Кстати, и в этой книге имеется прелестная фотография, запечатлевшая Абиша и его мать в высоком белом жаулыке.) Гельмут Земке, встретивший Абиша в Берлине через пять лет, отмечает: «Он стал более внушительным,

более спокойным, невозмутимым; удовлетворение от спора мыслей, на мой взгляд, стало заметней.

Туристы из ГДР, посещая Дом дружбы в Алма-Ате, первым делом неизменно спрашивают о Кекильбаеве.

Понятно, что суть писательского обаяния — его творчество. Творчество, которое легло на сердце читателя, затронуло его душу. «Казахский писатель Абиш Кекильбаев умеет завораживать картинами, в которых чудится нам нечто сказочное, экзотическое», — пишет известный критик Ирмтрауд Гучке.

Верно: баллады казахского прозаика навеяны магией древних легенд. Магией, которую следует постичь.

И все же: чем объяснить столь широкую популярность Кекильбаева в ГДР?

Еще в 1972 году в Берлинском издательстве «Фольк унд Вельт» в сборнике повестей шести советских писателей — «Эрлезенес» («Избранное») — вышла в переводе Тани Цорн повесть Кекильбаева «Баллада забытых лет», сразу же привлекавшая внимание критиков и читателей. В 1975 году в том же издательстве в аналогичной серии вышла «Хатынгольская баллада» в переводе Ильзе Чёртнер. В 1979 году в сборник казахской прозы, изданный в Берлине, вошла повесть Кекильбаева «Колодец». В 1981 году в хорошем полиграфическом исполнении вышел в ГДР роман «Минарет, или Конец легенды» (перевод Кристиане Лихтенфельд), через год — сборник повестей под названием «Степной колодец», а в 1983 году — двухтомник, охватывающий весь исторический цикл Кекильбаева — роман и четыре повести. Орывки из этих произведений печатались также в разные годы в разных журналах ГДР. Помню: я едва успел вчерне закончить перевод «Конец легенды» с казахского на русский, как «Фольк унд Вельт» уже включило его в перспективный план. А переводить роман на немецкий язык начали прямо по верстке русского издания. Потом, прочитав немецкий перевод, знакомые из ГДР нетерпеливо

спрашивали в письмах: «Чем порадует нас Кекильбаев в будущем? О чем его новый роман «Плеяды»?

О творчестве Абиша Кекильбаева писали в ГДР Леонгард Кошут, Герберт Кремпиен, Клаус Шнайдер, Ральф Шрёдер, Зигрид Клейнмихель, Леонора Вайст, Гельмут Земке, Фолькхард Бодэ и другие.

Я не веду подробного учета публикаций печати ГДР о Кекильбаеве, но то, что оказалось в поле моего читательского зрения, позволяет судить о причине устойчивого интереса к его творчеству. Надо отметить, что, во-первых, Восток всегда привлекал немецкого читателя, и никто иной как Гете подчеркивал одинаковую божественность Запада и Востока и говорил, что отныне они неразрывны; во-вторых, в послевоенное время в ГДР резко возросло внимание к многонациональной советской литературе, в том числе к казахской (достаточно вспомнить переводы на немецкий язык Джамбула, М. Ауэзова, А. Нурпеисова, Т. Ахтанова, О. Сулейменова, Д. Досжанова, С. Муратбекова, А. Алимжанова, О. Бокеева и других); и в-третьих, немецкого читателя, очевидно, особенно привлекает зрелый современный уровень кекильбаевской прозы, ее философичность, неоднозначность, актуальность.

Мнения зарубежных коллег о творчестве известного у нас писателя, бесспорно, вызывают отнюдь не праздное любопытство; с другой стороны, как это нередко бывает, именно из уст иноязычных друзей мы порой узнаем о таких гранях, нюансах и фактах творческой биографии художника, которым по причине слишком тесного и постоянного общения с ним и из-за нелюбопытства, нелюбопытственности зачастую вообще не придаем значения.

Критик Герберт Кремпиен, отмечая, что казахская литература приобретает в последнее время интернациональное значение, особенно подчеркивает актуальность, злободневность «Баллады забытых лет» — «гуманистической притчи высокого общественного звучания».

Критики ГДР глубоко проникают в суть творческих исканий Кекильбаева, стараются нащупать философский ключ его баллад, отталкиваясь от емкой фразы, обыгрываемой самим автором: «Только от горького опыта минувших лет можно исторгнуть свет для будущего». Леонгард Кошут в статье «Занимательно и познавательно», опубликованной в «Берлинер цайтунг» (№ 263, 1981), отмечает, что Абиш Кекильбаев, подобно Айтматову, наполняет древние мифы современной идеей и предлагает свою собственную концепцию; «модифицирует легенды и воссоздает на ее основе картину мира большой обобщающей силы». Верно подмечает Л. Кошут и основную художественную манеру казахского прозаика «Композиция романа «Конец легенды» зиждется на психологическом раскрытии художественных фигур, в передаче ориенталистского образа мышления». В выступлении по радио ГДР (текст выступления автор любезно прислал мне) Л. Кошут посчитал необходимым обратить внимание слушателей на то, что «в «Балладе забытых лет» впервые встретился читателю «манкурт», жестоким образом лишенный памяти, который играет в последнем романе Айтматова многослойную стержневую роль».

О творчестве Кекильбаева часто и проникновенно пишет известный литературовед, знаток литератур Средней Азии и Казахстана, скрупулезный исследователь Зигрид Клейнмихель. (Замечу, кстати, что она дважды побывала в Алма-Ате, завела большой круг знакомств с казахскими коллегами, всерьез занимается казахским языком, живо интересуется «ранним» Мухтаром Ауэзовым). В статье «Нельзя отлучать камень от земли» («Зонтаг», 1978) она отмечает, что Кекильбаев строит свои произведения на относительно несложном сюжете, который можно пересказать несколькими словами, но для казахского прозаика существенно, **как** что-то случается, **какие** социальные силы, наряду с тесно, но

противоречиво связанными с ними индивидуальными психологическими предпосылками, чему-то способствуют. Чтобы это объяснить, говорит далее Клейнмихель, Кекильбаев не разрушает легенды, а своеобразно их интерпретирует. Она называет исторические повести Кекильбаева «драматической прозой в стиле баллад». По ее мнению, их автор требует от читателя смотреть на реальность немного иначе, чем он смотрел до сих пор.

Немецкое издание романа «Конец легенды» завершает большое послесловие З. Клейнмихель, в котором критик анализирует весь исторический цикл Кекильбаева, ищет корни его легенд-сказов, проводит любопытные параллели с древней и современной литературой (Низами, Джансугуров, Тажибаев), выявляет основные мотивы его творчества: мотив состязания (борения), мотив тирании, непомерной власти, ее разрушительной, губительной силы («у тирана нет будущего») и мотив творчества, живительной, созидательной мрши искусства («Гончар и строитель»). То, что казахский писатель в своих произведениях постоянно обращается к роли и значению искусства в человеческом обществе всех времен, подчеркивают и Клейнмихель, и Кремпиев. Первая даже назвала свое послесловие к роману Кекильбаева «О силе воздействия искусства» и считает, что «Конец легенды» можно читать как выступление в дискуссии о литературе. А Кремпиев, имея в виду «Балладу забытых лет», пишет: «Искусство в состоянии разбить, растопить корку душевной черствости даже у тех, кто всеми силами противостоит, сопротивляется ему, оно разрушает, отвергает старые догмы, потрясает в полном смысле слова. Оно рождает движение, которое уже невозможно остановить».

З. Клейнмихель констатирует, что роман «Конец легенды» неоднозначен, как не может быть однозначным истинное художественное произведение. Конец легенд

необозрим, каждое новое исследование есть начало новых легенд.

В обстоятельной статье, написанной группой литературоведов и опубликованной в «Веймарских исследованиях» (№ 4, 1981), раскрываются концепции личности, индивидуальности в произведениях советских писателей 70-х годов. Авторы статьи «Наследие и будни» привлекли огромный материал — литературу многих наших национальных республик. Одну из особенностей творческих стремлений Кекильбаева немецкие критики видят в усилии схватить и отобразить сегодняшний день или современное событие в их мимолетном, скоропроходящем движении, в их характерном состоянии, в стремлении объяснить многозначность события, исходя из социального и исторического опыта.

Очерк Гельмута Земке в «Фрайе Вельт» (№ 36, 1977), помимо множества верных наблюдений и суждений о творчестве казахского писателя, изобилует интересными сведениями о его жизни. Многие из того, что поведал немецкий журналист своим читателям, — сведения о родном крае писателя, его детстве, первых впечатлениях, пути к творчеству, личном окружении, сплетении прошлого и настоящего в судьбе народа, — неизвестно не только русскому или казахскому читателю, но — полагаю — и близким друзьям Абиша.

Лет семь назад, в дни Октябрьских торжеств, Кекильбаев опубликовал статью в «Казахстанской правде», в которой мое внимание привлекли следующие воспоминания автора: «Помню душераздирающий крик игравших детей, первыми заметивших налетевший внезапно и кружившийся над поселком темно-серый самолет с каким-то, не похожим на нашу красную звезду, замысловатым знаком на крыльях. Это был налет фашистских самолетов, которые тогда совершали рейды и на восточное побережье Каспия, подвергали бомбардировке мирные аулы и поселки, и одна из бомб упала на

маленький кирпичный завод в двух километрах от времянки-полуземлянки, где мы тогда жили».

Об этом нетипичном, исключительном для аульных мальчишек, сверстников Абиша, случае я узнал впервые из доверительного очерка Гельмута Земке, как, впрочем, и о многом другом из жизни казахского прозаика, которого близко знаю уже четверть века.

Встретившись с Абишем в Берлине, Земке опубликовал о нем еще один задушевный, теплый очерк, снабдив его двумя большими фотографиями.

Немало достойного внимания о творчестве Кекильбаева читатель найдет в интервью с ним Фолькхарда Бодэ (Зонтаг), Кристины Линкс («Дер Бюхеркарен»), Ирмтрауд Гучке («Нойес Дойчланд»), Клауса Вильке («Лаусицэр Рундшау»). В одном из этих интервью, объясняя, почему его властно привлекает историческая тема, Кекильбаев заметил: «Вполне возможно, что немецкие читатели воспринимают меня как писателя, занимающегося исключительно исторической проблематикой. Но это не совсем так. Я пишу и на темы современности».

К сожалению, немецкому читателю не все известно, что написано Кекильбаевым в последнее время.

Из вышеназванных интервью с Кекильбаевым гражданский и писательский облик его вырисовывается более масштабно, колоритно и интимней, чем это мы представляем здесь, у себя, в Алма-Ате. В них он искренне делится своими думами об истории своего народа, о литературе, о своих творческих планах, о своем миропонимании. Так, в беседе с И. Гучке он отметил, что его родители выросли еще в феодально-патриархальной обстановке, и сам он в раннем детстве, живя на отдаленном полуострове Мангышлак, успел увидеть многое из того традиционного жизненного уклада, что он сам является свидетелем грандиозных исторических процессов, и что все это способствует ему в осмыс-

лении прошлого и настоящего. На вопрос Кристины Линкс, ориентируется ли он главным образом на литературные традиции азиатского региона или ему ближе какой-нибудь иной культурный пласт в общем мировоззрении, Кекильбаев ответил, что он, разумеется, не может стоять вне традиционных устоев, вне национальных традиций, но как художника его более интересует западноевропейское искусство и литература, а из азиатских литератур ему более близка японская, в то время, как арабская, индийская, а также, скажем, латиноамериканская вызывают лишь его читательское любопытство. Из западноевропейских же писателей ему наиболее близок Герман Гессе.

В самом деле, любопытное признание...

В конце октября и начале ноября 1982 года по приглашению Министерства культуры ГДР и в связи с традиционными Днями советской книги Кекильбаев гостил у своих давних немецких друзей. Встреча оказалась радостной и полезной. Абиш побывал в Берлине, Веймаре, Зуле, Котбусе, Зоннеберге, Майнингене, давал многочисленные интервью, встретился с читателями в магазине интернациональной книги имени Женни Маркс, выступал в Домах германо-советской дружбы, на празднике советской книги, перед активистами Культурбунда, завел много новых и добрых знакомств. Вернулся он из поездки веселый, восторженный. Говорил: «Будто в родном ауле побывал. Будто родных и близких проведаль».

Охотно ему верю. Приятно сознавать, что твоё творчество находит столь тёплый отклик в сердцах зарубежного читателя и что писательский труд твой служит высокой миссии взаимопонимания, взаимопостижения, единения и дружбы народов и культур.

1983

Страстью писательства Дукенбай Досжанов охвачен с юношеских лет. Пишет он много. И много издается. В свои сорок с небольшим лет им написано шесть романов, пятнадцать повестей, около сорока рассказов, книга очерков, сборник стихов, пьеса, десяток статей. Многие его произведения переведены на языки народов СССР, а также на английский, испанский, японский, немецкий, венгерский, монгольский и другие иностранные языки.

В авторском предисловии к книге рассказов «Ветер Львиная Грива» («Молодая гвардия», 1982) Дукенбай пишет: «Я стремился и стремлюсь написать книгу о моих земляках, о людях, повседневным, внешне неприметным трудом творящих современность и будущее и хранящих в достаточно суровых условиях тепло и уют родных очагов, нетленные национальные традиции, прелесть и богатство живого, полнокровного родного языка».

В сущности, это его писательская программа. Творческое кредо. Тематический круг и идейно-художественный пафос всего его творчества.

Еще совсем молодым он проронил однажды фразу, которая прозвучит потом в его романе «Шелковый путь»: «Каждый, кто взялся однажды за кетмень, должен прокладывать свой арык».

Могу засвидетельствовать: прозаик Досжанов стремится в своем творчестве быть верным этому принципу.

...

История и современность в прямом их понимании — два главных русла творчества Досжанова. На это верно указал Олжас Сулейменов в предисловии к роману писателя «Трудный шаг»: «Еще в первой поэтической книге Д. Досжанова нетрудно было заметить крепкое зерно

его историографического дарования». И в первых прозаических сборниках «Полюнь и цветы» (1966), «Тропою тулпара» (1967), «Города под песком» (1967) привлекали его определенный историографический уклон и кровная привязанность к родному краю — к степям в предгорьях Каратау, к исхлестанной ветрами, иссушенной зноем многострадальной и бесконечно дорогой земле.

Творчество писателя с самого начала развивается по двум этим путям, которые сближаются, скрещиваются, порой сливаются и вновь расходятся: один — в глубь времен, к историческим обозримым истокам, другой — из мрака забвения к нашим дням. Вот эта взаимосвязь далекого прошлого с современностью, эта неразрывная цепь времен и поколений, прослеживаемая с пристальным, проникновенным вниманием и завидным художественным воображением, воссоздаваемая, с одной стороны, с неизменной, восторженной любовью к истории и памяти родного края, ассоциирующейся с терпкой, горькой, жизнестойкой, неистребимой полынью, и, с другой стороны, со строгой требовательностью к потомкам, нашим современникам, достойным и недостойным чести и славы своих предков, — и составляют, на мой взгляд, суть всех романов, повестей, рассказов казахского писателя.

Знание тончайших деталей жизни и быта древних кипчаков и современных казахов, любовное, подробное, доскональное выписывание обычаев, обрядов, многочисленных традиций и бытовых реалий кочевой жизни, сугубо национальный колорит, проявляющийся в поступках героев, в их речи, жестах, манерах, отношениях друг с другом, заметно выделяют Досжанова среди его литературных сверстников. «Досжанов умеет увлечь частностями и деталями, проникнутыми духом старинного быта и уважением к жизненному укладу отцов», — справедливо заметил критик из ГДР Леонгард Кошут.

Этнографические описания, ярко раскрывающие мно-

гомерный, а не примитивный, как склонны считать иные, быт казахского народа, щедро рассыпаны едва ли не в каждом произведении Досжанова. Конечно, это не смакование деталей, не самоцель, не дань экзотике степи. Автор стремится к тому, чтобы все этнографические живописания органически вплетались в художественную ткань произведения, поднимая новые пласты народной жизни, быта, духа.

Нужно сказать, что углубленное изучение бытовой культуры своего народа, проникновенное внимание к различным аспектам и граням подлинной народной жизни особенно характерны для казахских прозаиков среднего и молодого поколений, о чем ярко свидетельствуют произведения А. Кекильбаева, М. Магауина, О. Сарсенбаева, С. Сматаева, К. Сарсекеева, Д. Исабекова, О. Букеева и других.

• • •

Дукенбай Досжанов никогда не чуждался злободневных проблем нашей сложной действительности. Три его романа — «Трудный шаг», «Река жизни» и «Поклонись своему порогу» — составляют единый цикл под общим названием «Пустыня и ветер» и художественно воссоздают реальный облик современного казахстанского юга — края в низовьях Сырдарьи — за последние три десятилетия с его огромными экономическими, социально-психологическими преобразованиями и изменениями.

Романы эти густо «населены» тружениками современного казахского аула и города — чабанами, рисоводами, строителями, учителями, геологами, учащейся молодежью. Для многих из них самозабвенный труд не просто необходимость, а главная человеческая потребность и смысл всей жизни.

Две позиции в отношении к жизни, к назначению человека на земле, к гражданскому долгу сталкиваются

в романах: с одной стороны, люди цельные, целеустремленные, честные и несуетливые, и — с другой — карьеристы, рвачи, приспособленцы, озабоченные единственно личным благополучием.

Резко и остро, с подлинно гражданским пафосом подняты в этих романах проблемы охраны окружающей среды, защиты природы, земли, которые в краю земледельцев-рисоводов ныне стоят предельно конкретно. Автор колоритно описывает успехи рисоводов, их нелегкий повседневный труд, рекордные урожаи, умножающие богатство Родины. Но с болью в сердце показывает он и то, как порой не по-сыновьи обращаются со священной матерью нашей — Землей.

Боль за нерадиво используемую кормилицу-землю все явственнее слышна в произведениях многих национальных писателей. Все о том же — о защите земли, о потребительском отношении к природе и роман узбекского писателя Адыля Якубова «Совесть», и роман украинского писателя Ивана Цюпы «Краяне». Подобные ситуации и аналогичные рассуждения довольно часто встречаются и в романе А. Нурпеисова «Долг», и в повестях советского немецкого прозаика А. Реймгена «Соленые тропы», «Вкус земли», и у многих других писателей.

Досжанов отнюдь не книжно знает жизнь, быт и нелегкий труд рисоводов и чабанов южного края, умеет показывать такие грани их каждодневной деятельности, о которых большинство читателей имеет, думается, лишь приблизительное представление. Описывая своих любимых героев — рисовода-рекордсмена Батыра и исполненного величавости и достоинства знатного чабана Койшеке — в самую горячую пору страды, автор не поэтизирует их труд, не захлебывается от восторга, наигранного, ложного, а детально, изнутри раскрывает сам процесс сложного, напряженного производства, требующего от подлинного работника великого терпения,

настойчивости, целеустремленности и неизбывной любви к земле, к людям, к своему делу, к своему назначению.

• • •

Значительным кажется мне в творчестве Дукенбая Досжанова роман «Шелковый путь», дважды изданный в Москве на русском языке и вышедший недавно в ГДР в издательстве «Фольк унд Вельт». Роман этот я бы назвал условно историческим, ибо в нем, за исключением двух-трех, все герои вымышленные, да и каркас романа построен большей частью на умозрительном, абстрактно-философском. Вся художественная ткань романа подчинена единой концепции автора, считающего, что корни исторических трагедий кипчаков, в том числе и предков нынешних казахов — в бесконечных, опустошающих душу распрях — племенных, родовых, земельных и т. д.

На страницах «Шелкового пути» бурлят, бушуют извечные человеческие страсти, и хотя в нем действуют не более тридцати исторических и вымышленных лиц, автору удалось пристально проследить судьбу народа на изломе трагических потрясений, охватить все общественно-социальные и бытовые сферы той эпохи.

Центральное место в романе занимает трагическая участь города Отрара, долго и мужественно противостоявшего натиску чужеземцев. Автор убедительно показывает: Отрар и его культура погибли в результате не только нашествия туменов Чингисхана, а прежде всего вследствие разобщенности народа, политических склоков и интриг феодальной верхушки, отсутствия высоких стремлений. Романист напоминает простую истину: мирной, созидательной жизни можно добиться лишь благодаря добрым побуждениям, добрососедским отношениям, любви к родной земле, бескорыстному труду.

Необходимо сказать несколько слов в Досжанове-рассказчике. Русскому читателю многие рассказы Дукенбая известны по его книгам «Полюнь и цветы» («Советский писатель», 1971), «Ветер Львиная грива» («Молодая гвардия», 1982), «Каменные верблюды Келиншектау» («Детская литература», 1982), «Серебряный караван» («Художественная литература», 1985), а также по многим коллективным сборникам и журнально-газетным публикациям.

Разнообразные по тематике и художественному исполнению, рассказы Досжанова поднимают и развивают любимые им темы: насущные морально-этические проблемы современного юга республики, становление личности в условиях крутых экономических перемен, многосложные нравственные аспекты взаимоотношений людей, любовь к родной земле, столкновение двух противоположных отношений к жизни, ответственность перед собой и Временем.

Развенчивание потребительского отношения ко всему, что составляет окружение иных деятелей, пристальное внимание к лучшим качествам человеческой души — доброте, бескорыстию, благородству, честности, достоинству, которые ради призрачных житейских благ зачастую предаются забвению, — словом, многогранные стороны нашей современности, наиболее яркие приметы которой автор подмечает с художественной зоркостью, нашли отражение в этих рассказах. Объединяет их сплав реальной конкретности и духовности, целеустремленности художественного видения и оптимистического гражданского пафоса.

В последние годы Досжанов целеустремленно работает в жанре повести. Шесть повестей — «Лодочник», «Да свершится мое желание», «У тигра своя тропа», «Сколько радостей нужно человеку?», «Жар саксаульных углей», «Серебряный караван в красных песках»

и рассказы «О чем поют ветры Кызылкума?», «Пароходы в песках» — по своей этико-нравственной проблематике, по манере письма и авторскому отношению к злободневным проблемам современности составляют, на мой взгляд, своеобразный цикл и характеризуют в какой-то мере новый этап в творчестве опытного и постоянно ищущего прозаика. Писатель находит драматические ситуации, ставит своих героев в экстремальные условия, выявляя тем самым их подлинную нравственную ценность и значимость.

...

Мир, который описывает Дукенбай Досжанов, конкретен. Это край казахстанского юга не только со своими конкретными локальными реалиями, но и зачастую сугубо локальными проблемами. Каратау для Досжанова — все равно, что вымышленная Йокнапатофа для У. Фолкнера, Приаралье, Беларан для А. Нурпеисова, или Цмакут для Г. Матевосяна. Статью о творчестве последнего критик Леонид Теракопян назвал «Сагой о Цмакуте». С таким же основанием творчество Д. Досжанова можно назвать «Сагой о Каратау». Локализованный объект отображения давал большим художникам всех времен возможность затрагивать всечеловеческие, глобальные темы и проблемы и наиболее сосредоточенно и углубленно показать человека, его время и общество, в котором он живет. Лучшие произведения Досжанова также отмечены немалым творческим накалом, масштабностью, типизацией большой эпической и лирической силы, пронизаны всечеловеческим волнением, страстью и болью.

1986

— Герольд Карлович, вы, немец по происхождению, безукоризненно владеете казахским, переводите с оригинала...

— Я вырос в ауле, закончил казахскую школу, в институте учился на преподавателя русского языка в казахских школах. Интересовался сопоставительной грамматикой и всерьез думал заняться наукой. Опубликовал ряд работ: «Русские предлоги «в», «на» и их эквиваленты в казахском языке», «Структура вопросительного предложения в русском и казахском языках», «Система преподавания русской разговорной речи в казахских школах»... Даже аспирантуру одолел по кафедре методики преподавания. Потом вдруг осенило, что методика преподавания — тема не моя, и призвание не мое и что, может, я зря три года «коптил небо».

Тяга к литературе подспудно жила во мне всегда. Но стихи в школе писал на казахском (должен сказать, плохие стихи, так себе, рифмоплетство), думал на немецком, позже, студентом, писал статьи на русском и никак не мог определить, на каком языке мне нужно работать. На немецком у нас мало читают, а в годы моей юности все немецкое вообще было не в чести, мягко говоря, для совершенного овладения литературным русским, признаюсь, не хватало какой-то основы — он должен быть в крови, что ли, на нем надо уметь думать, или, как говорил Мухтар Ауэзов, «сны видеть». Так что порядочное время эта одинаковая преданность трем языкам была отнюдь не во благо мне, мешала углубиться, сосредоточиться.

Судьба столкнула меня с Габиденом Мустафиным, тогдашним первым секретарем правления Союза писа-

* Интервью опубликовано в «Ленинской смене» (11 декабря 1984 г.). Вела беседу Алипа Утешева.

телей Казахстана, и он посоветовал мне заняться художественным переводом — с казахского на русский язык. Я и занялся. С увлечением, азартно. Первое «дело», занявшее очень много времени и сил, была книга «Кровь и пот». Мой однокашник по аспирантуре, ныне критик, прозаик, драматург Аскар Сулейменов предложил взяться за этот роман. Тогда я перевел лишь один отрывок и передал его Нурпеисову. В тот же день он приехал домой ко мне, и мы начали. Это был адский труд. Но сотрудничество с Нурпеисовым — огромная школа.

— В одной из своих статей вы заметили, что перевод — это еще и «дитя науки». Вы имели в виду теорию переводного дела, его правильную организацию?

— Точность передачи смысла, информационной стороны подлинника. Но это главное. Необходим правильный подход к проблеме перевода, пора уже по отношению к ней выработать какие-то научные нормы. Я уже не раз писал об этом и считаю нелишним повторить: переводческое дело надо передать в руки надежной, строгой, авторитетной, компетентной организации — либо отделу при Академии наук, либо дееспособной секции или комиссии при Союзе писателей. Что переведено, что следует переводить заново, какие произведения можно рекомендовать для перевода, а какие не делают чести всесоюзной литературе, — такая организация проводила бы обсуждения переводов, рецензировала, анализировала, сравнивала, активно вмешивалась бы в переводческий процесс.

Необходим квалифицированный, аргументированный анализ переводов, серьезная оценка профессиональных критиков. Нужно, чтобы обсуждали конкретные достоинства и недостатки конкретного текста, проводили практические семинары. У нас традиция — работа с подстрочником. Часто, увы, вынужденная. Это нелепость. Заметьте, что переводы с европейских языков всегда

делаются с оригинала: ведь трудно переводить собственно не слово, а дух, поэтику подлинника. Сколько угодно примеров, когда способные переводчики бросали дело из-за элементарного к себе невнимания. Это те, кто не умеет работать нечестно. Но есть и другая категория — те, кто сориентирован прямо на доход. Халтурщикам, посредственности всегда легко работать, а страдают-то, в конечном счете не столько конкретные писатели, сколько литература в целом, ее высокое имя.

Между тем нам есть к кому обратиться за опытом. В Латвии и Армении, например, готовят кадры, которые занимаются переводом непосредственно с языка подлинника: посылают учиться в университеты братских республик и через 5—6 лет получают одновременно и специалиста по литературе какого-либо народа, и профессионального переводчика. Надо бы в наших вузах хотя бы спецкурс по теории и практике художественного перевода читать.

Сергею Баруздину принадлежат эти мудрые слова: «По-моему, уж как бы ни был хорош мой родной язык, я не считаю, что всю мировую классику целый народ может познавать в переводе с русского». Писатель Алексей Дебольский пишет на немецком, переводит себя на русский. Кроме того, переводит с английского, французского и немецкого на русский. Понятно, что на русском он тоже пишет. Другое дело, когда «многоядных» переводчиков подводит чувство языка и меры. К примеру, в текст с казахского пихают русские пословицы, поговорки, всякие «господи», «али», «авось» и т. д. — то есть искажают логику оригинала полностью. Еще крайность — калькирование, когда пытаются максимально передать ту самую поэтику подлинника. Мудрость где-то посередине.

— Именно в таких случаях встречаются, наверное, идиомы — те непере译имые слова, в которых выражается психология народа...

— Ни одно слово своим адекватом из другого языка не покрывается. Тот же «стол» в казахском и русском — разные понятия. Или «верблюды». Для казаха за одним этим словом сразу возникает масса оттенков. А степь? Ведь это жизнь! Планета! Невозможно пересказать ее, как невозможно пересказать жизнь. А в немецком словаре вообще нет такого слова, вернее, оно заимствовано — «ди штеппе».

Не все можно перевести. Помню, как мы с Нурпенсовым мучались со словом «безерып». Это ведь шире, сложнее, чем «гневно смотреть», «упрямо молчать», «уставиться», «мрачно насупиться», «затаиться», «уйти в себя», «окаменеть лицом», «посуроветь» и т. д. Казахская идиома «я жив благодаря тебе» в буквальном переводе может звучать такой несурaziцей: «Я вижу на твоей спине солнце».

Убежден: не все нужно переводить — пусть что-то будет неизвестным, своего рода самородком. Это в огромной степени относится к поэзии. Вот уже несколько лет «испытывают» Мукагали Макатаева. Вместо его глубоко человеческой, какой-то очень прозрачной лирики — беспомощный, вымученный набор фраз. И это неудивительно: чем тоньше и многозначнее слово, тем оно ранимее.

Мне во многом помогает книжица, куда заносу все «отраслевые» слова: «лошадиные», например, или «травяные». Не смейтесь, это действительно необходимо.

— У вас более чем двадцатилетний опыт общения и с оригиналами, и с переводами — где все-таки кроется обычно первопричина неудач?

— Попытаюсь разделить свой ответ на несколько проблемных тезисов. Первый — ответственность. Сами прозаики часто недостаточно ответственно относятся к своим же работам, к тому, в каком обличье выходит

их произведение, мало внимания уделяют шлифовке текста. Кропотливая, терпеливая, честная работа над словом словно выходит из моды. Лишь бы выпустить книгу.

Второй — переводчик не может прибавить таланта тому, у кого его нет (так говорил Расул Гамзатов). В последнее время я заметил за некоторыми начинающими писателями опасную болезнь — они все больше уповают на перевод, считают жизненно необходимым издаваться на русском. А Абдильда Тажибаев как-то сказал: «У меня есть шесть миллионов читателей. Буду счастлив, если меня назовут поэтом своего народа». Ведь национальное в самом лучшем его проявлении закономерно интернационально. Это аксиома.

Третий тезис — это проблема перевода богатейшего казахского фольклора и классики. Надо, как это сделали в братских республиках — Грузии и Латвии, — издать прекрасный, полноценный во всех отношениях, максимально приближенный к оригиналу подстрочник, который бы передавал его размер, дыхание, пластику, ритмику и т. д., объявить всесоюзный конкурс, привлечь лучших поэтов-переводчиков и обеспечить всем откликнувшимся моральную, материальную поддержку. В переводе «Мерани» Бараташвили, например, участвовали 200 человек. А, прочтя подстрочник двухтомника латышской поэзии, Сергей Залыгин засомневался, нужен ли вообще рифмованный художественный перевод.

— В соавторстве с Юрием Домбровским вы перевели произведения классика казахской литературы Беимбета Майлина. Пытались ли вы приблизить его к современности: ведь и классика обретает свое подлинное значение, если воспринимается современниками — то есть всегда нужна живая обратная связь...

— Верно. Более того, переводы устаревают, потому что язык современных понятий и чувств каждый раз, в определенный промежуток времени в какой-то мере об-новляется. «Война и мир», к примеру, переведена на 37 языков. На английский она переводилась восемь раз, на немецкий — четырнадцать, на японский — семь. Но Майлин звучит современно и в оригинале — это писатель на стыке нового и старого. И герой его — казах на ломке времени. Отсюда и смешение стиля, обилие искаженных русских слов в диалогах, та разноголосица, которая организуется жизнеутверждающим, революционным началом. А оно современно всегда.

— Этика переводчика не позволяет ему самовыражаться — пиши свое и самовыражайся сколько хочешь, но в то же время, куда от себя денешься?..

— Эта проблема, по-видимому, никогда каким-то готовым конкретным рецептом не разрешится. Искусство переводчика — в его жертвенности; сдерживать себя постоянно, не строить, а воссоздавать. Но ведь художественный перевод требует соперевживания, личного участия и вмешательства. Так же артист произносит чужие слова, но, перевоплощаясь, трактует роль. Здесь нужно, по-видимому, соблюдать равноправие автора и переводчика в пределах того языка, на котором осуществлен перевод. Правда, чем крупнее художник, тем труднее ему «сдерживать» свою индивидуальность.

Наверное, это вечная проблема. За долгие годы работы успел убедиться, что в многотрудном и всегда неожиданном переводческом деле важно все: и интуиция, и «рацио», и жертвы, и многое-многое другое... что объединяется четким определением своих задач, преданностью делу, осознанной гражданственностью.

Где жмет ботинок?

Это калька немецкого выражения, и в переводе она означает то же самое, что и в оригинале: «у кого что болит», «слабое место», «что тревожит и заботит». О том и речь — о некоторых проблемах современной советской немецкой литературы, которые волнуют, тревожат автора этих заметок. И, смею надеяться, не его одного.

Кстати, само это сочетание — «советская немецкая» или «немецко-советская» — слышится как-то непривычно, странно, не правда ли? Случается, зарубежные коллеги с искренним недоумением спрашивают: «А что это — советская немецкая литература? И что значит — советский немец? Вы же не говорите: «советский казах», «советский грек» или «советский чукча».

Подобные суждения вызывают в свой черед недоумение у нас. Неужто непонятно? Речь, совершенно очевидно, идет о двух с лишним миллионах немцев Советского Союза, а термин «советская немецкая литература» возник еще в конце двадцатых годов нашего века и ныне достаточно прочно укоренился. В «Краткой литературной энциклопедии» (т. 9, стр. 555) сказано: «Немецкая советская литература — литература немцев СССР, до 1941 года живших на Украине и в Поволжье, а ныне — главным образом — в Казахской ССР и Западной Сибири».

И все же общая неосведомленность в этом вопросе поражает.

Еще в 1931 году немецкий критик Р. Калтофен назвал свою статью так: «А существует ли вообще она, советская немецкая литература?» и пришел к выводу: «да, существует». Правда, он оговорился: «несмотря на свои слабости». Четыре десятилетия спустя этот же

вопрос повторил доктор филологии из ФРГ Александр Риттер и также ответил утвердительно, издав в серии «Современная литература зарубежных немцев» сборник под названием «Вести из Казахстана» (Ольмс прессе, 1974), включающий произведения советских немецких литераторов. Правда, он добавил: «несмотря на то, что прошла вторая мировая война».

С этого вопроса начал свою статью, опубликованную в журнале «Зинн унд Форм» (Берлин, № 3, 1982), и Иоганн Варкентин (голландец по происхождению), выказав при этом солидную осведомленность о советской немецкой литературе. Он тоже ответил «да», правда, по своему обыкновению, чуть-чуть свысока и в некоторой степени снисходительно.

Из сказанного уже напрашивается первый вывод: рассматриваемый предмет действительно еще недостаточно известен и изучен.

Так в чем же дело?

Нападение гитлеровской Германии на Советский Союз имело для советских немцев, помимо общего народного горя, еще и особый трагический смысл. Всюду и всем было ясно, что советские немцы неповинны в злодеяниях фашизма, что они ни в какой степени не разделяют ответственности за его преступления, и все же в годы Великой Отечественной войны тень праведного людского гнева на фашизм пала и на совершенно невинных советских граждан немецкой национальности. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года (см. Сборник законов СССР 1938—1975 гг. М., Известия, 1975. Т. 1. С. 81) с его безапелляционным заявлением о том, что «по достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов», и последовавшим за ним решением «переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья»,

в целях «предупреждения серьезных кровопролитий» нанес сокрушительный урон справедливости, гуманизму и национальному достоинству и чести советских немцев, поставив их — в тяжелейших условиях военного времени — по сути дела в положение изгоев.

Думаю, нет и не было оснований обвинять советских немцев в недостаточном патриотизме. Те из них, кому доверяли оружие, яростно сражались с фашизмом. Были и такие, кто ради этой чести сменяли немецкие фамилии на русские. Остальные, не щадя жизни, ковали Победу в суровых условиях трудовой армии. Примеров тому — тьма. И кое-что на эту тему написано. Укажу здесь лишь на трехтомный коллективный сборник очерков «До последнего дыхания» («Казахстан», 1968, 1975), сборник «Путь к Победе» («Казахстан», 1985), повесть Г. Вормсбехера «Имя вернет Победу» («Радуга», 1986), книгу Д. Вагнера «Рыцари без страха» («Казахстан», 1973), пьесу А. Дебольского «Великое испытание» (1981), исследование И. Кроневальда «Годы стойкости и мужества» («Хайматлихе Вайтен», 1985, № 1), воспоминания А. Гассельбаха, А. Берша, Р. Пфлюг, А. Реймгена, Р. Гейнца и др.

Кончилась война. Фашисты, повинные в мировом несчастье, отбыв определенный срок в плену, вернулись на родину. Была образована Германская Демократическая Республика. В положении же советских немцев странным образом ничего не изменилось. Более того, на головы их обрушились новые удары. Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 ноября 1948 года было объявлено, что немцы «переселены навечно и что выезд с мест поселения без особого разрешения органов МВД карается каторжными работами до 20 лет». Семь лет спустя был обнародован еще один Указ Президиума Верховного Совета СССР (от 13 декабря 1955 года), который постановил «снять с учета спецпоселения и освободить из-под административного над-

зора органов МВД немцев и членов их семей», но тут же оговорился, что «они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены».

Политическую реабилитацию советские немцы получили лишь в 1964 году после выхода указа Президиума Верховного Совета СССР (от 29 августа 1964 года, № 2820—VI), который отменил указ от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» в части, содержащей огульные обвинения в отношении немецкого населения. Тем самым было с большим опозданием признано, что «достоверные данные», о которых говорилось в указе 1941 года, никак не оправдались, что «тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов» было вымыслом, ложью, наветом чистой воды.

Это был очень важный, жизненно необходимый документ, который советские немцы прождали 23 года и один день. Правда, для советских немцев в нем не было ничего неожиданного, ибо о своей невинности и об огульности обвинения они и сами все прекрасно знали, но признание этого в официальном документе важно было для реабилитации себя в глазах других народов.

Увы, документ этот не получил широкой огласки, он прозвучал лишь в «Нойес лебен» (изд. «Правды»). В 1988 году он был в этом же органе заново перепечатан одновременно на русском и немецком языках. Не все немцы знают его и поныне. Гражданам других национальностей он вообще не известен. Следовательно, появившиеся в 1941 году подозрения и необоснованные обвинения относительно «десятков тысяч диверсантов» данный указ не развеял, не рассеял.

Что касается названных выше указов от 1948 и 1955 годов, то их и по сей день не опровергли официально. Хотя их отвергла сама жизнь. Указ от 29 августа 1964 года просто снимает политическое обвинение, отменяет

только первую часть указа 1941 года, оставляя в силе вторую часть о выселении.

Напрашивается вывод: не пора ли предать — в какой-либо форме — названные указы гласности, объявить, объяснить их нелепость и историческую несостоятельность открыто перед всеми народами Советского Союза, дабы все знали, что советские немцы к злодеяниям фашистов никогда никакого отношения не имели и, следовательно, всюду, везде, ни в какой мере не должно быть и тени подозрения, сомнения, недоверия в этом вопросе. Тем самым, кажется мне, мы положили бы конец всяким кривотолкам и каким-либо (явным или скрытым, завуалированным) ущемлениям, где они еще нет-нет да и сказываются по давней инерции, и выбили бы идеологическую дуду из рук разных непрошенных «благотестелей».

В беседе с группой советских немцев в 1965 году А. И. Микоян сказал: «Не все ошибки прошлого можно исправить». Может, и так. Прошлое никому не подвластно. Но настоящее и будущее в наших руках. И когда-нибудь все равно будет сказано всю правду. Полуправда в любом случае — вариант лжи. То, что не скажем мы, скажут другие. Но скажут по-своему. А зачем? Мы ведь и сами можем сказать правду. «Скрывающий свою хворь — обречен» — гласит казахская поговорка. Мы можем сказать правду просто и убедительно. Тем самым был бы поднят подлинный национальный престиж двух миллионов немцев в Советском Союзе.

Все, о чем я здесь говорю, имеет самое непосредственное отношение к литературе вообще и к литературе советских немцев в частности. По сути этот огромный пласт жизни оказался художественно не изображенным, не отраженным, не освоенным. И по моему убеждению, все негативное, что отчетливо видно сейчас в советской немецкой литературе, объясняется именно этим или в большой степени этим. Ибо те трагические «ошибки»,

разумеется, не могли пройти и не прошли даром. Эксперименты на судьбе народа никогда не проходят бесследно, они непременно, спустя годы, через поколения, каким-то образом проявятся, и при этом нередко уродливо, так как прошлое не умирает, оно живет в каждом из нас, и непросто предугадать, предвидеть, что именно произрастет из корней, сильно искореженных стальным плугом чьей-то всесокрушающей воли. Кому легче от того, что повинными в тех «ошибках» оказались культ или время? Временем в конце-концов можно объяснить и оправдать любую глобальную глупость. Как горько заметил М. Л. Леонов, «не надо мазать ножку кровати йодом — это не поможет» («Литературная Россия», № 23, 1987).

Гласное или негласное табуирование тех или иных тем, как правило, рождает инерцию, вялость, апатию, а от них в свою очередь произрастают так называемые «национальные нигилисты», которые ради низменной корысти, а то и ради красного словца всегда готовы испровергать что угодно и кого угодно. Что стоит, например, объявить, что у советских немцев нет никакой истории? Но, заявив так, можно десятилетиями ничего не печатать.

Почти двадцать лет тому назад меня, только что утвержденного секретариатом Союза писателей Казахстана председателем Совета по советско-немецкой литературе при республиканской писательской организации, милостиво принял секретарь по идеологии ЦК Компартии Казахстана. Взволнованный столь высокой аудиенцией и помня строгое предупреждение помощника секретаря о том, что на беседу отводится «минут двенадцать-тринадцать, не более», я торопливо, сбивчиво, но чистосердечно начал выкладывать все наши проблемы, наивно полагая, что на таком солидном уровне они — в большой степени — вполне могут быть разрешены. Секретарь-идеолог молча слушал, уставясь на меня отсут-

ствующим взглядом, потом похвалил мою речь на съезде писателей республики за ее партийность и свел разговор к тому, что немцы, мол, хорошие работники, старательные, законы уважают, порядки чтут, сплошь толковые дояры, механизаторы, строители, и в сфере обслуживания хорошо себя проявляют, а потому — цитирую точно — «мы им дали газету, пусть читают, книжки издаем, хотя их литература самодеятельная, вот еще ансамбль создадим, пусть поют свои старинные песни. Обиды?.. Да, мы это знаем. Несправедливости были. Но... время работает на нас. Появляются новые поколения. Старики уйдут. Обиды забудутся. А в обществе нашем созданы все условия для расцвета, не так ли?...»

Против «расцвета» я возразить, понятно, не посмел.

Вся моя предыдущая жизнь подготовила меня к этому «они» и «мы». Но в устах секретаря-идеолога такое противопоставление прозвучало странно, если не сказать — дико. Но даже и не это меня поразило. Поразила ставка на всемогущее время. Оказывается, ничего не надо делать. Время-то «работает на нас». Зачем беспокоиться? Время идет, род минует, обиды забудутся, все прахом будет...

Губительный стереотип этот существует и поныне. Иные «деятели» и теперь выжидают, считая, что самые сложные, запутанные национальные вопросы само по себе разрешит время.

Неверно!

Конечно, время многое излечит, отодвинет, сгладит, приглушит, размочет. Пройдет еще несколько десятилетий, и советские немцы, несмотря на все усилия и добрые побуждения, окончательно забудут свой язык, свои диалекты, культуру, потеряют национальное своеобразие, может, даже память о былом, о прошлом. Но ведь не на это мы уповаем, не к этому стремимся. И не за потери ратуем, а за обретения. Следовательно, нужно

самим что-то делать, а не возлагать все надежды на могущество Времени.

Не раз мне приходилось слышать от разных партийных функционеров: «Не надо выпячивать немецкий вопрос». Или: «К чему все это? Может создаться впечатление, будто у нас существует такая проблема». Согласен: выпячивать не надо. Готов выражение «немецкий вопрос» неизменно заключать в кавычки. Но проблема все же существует. И глаза на нее не закроешь. И никаким декретом и постановлением ее не отменишь. Проблемы накопились не только практические, остро жизненные, но и сугубо теоретические. Вот об одной из них хочется сказать подробно.

Общезвестно, что советские немцы — неотъемлемая часть многонационального государства СССР, что они — одна из народностей Советского Союза. Именно так они себя исторически воспринимают и считают. Между тем в отношении советских немцев реально бытует ошибочное представление, выраженное еще в 1961 году в книге П. Г. Подъячих «Население СССР». Там сказано: «...не имеют своей государственности в составе СССР представители тех народов, основная часть которых проживает за пределами Советского Союза (немцы, поляки, болгары и др.)» (стр. 108).

Из этого утверждения логически выходит, что советские немцы открыто причислены к представителям каких-то других государств, то есть к тем немцам, которые живут за пределами СССР. (Не по той ли причине одно время в Казахстане один миллион граждан немецкой национальности упорно относили в статистических документах в графу «другие национальности»? Указывалось, например, в 1979 году, что в Казахстане дунган 22 тысячи, а «других национальностей» — 1 млн 414 тыс., а что эти «другие» почти все немцы — почему-то замалчивалось.) А коли так, то наши идеологические противники тотчас подводят под этот ошибочный посту-

лат теоретическую основу с помощью псевдогуманных терминов типа «шпетхаймкерер» («поздние возвращенцы») — так называют эмигрировавших в ФРГ советских немцев — и «историческая родина». Неверная и вредная в самой своей основе эта предпосылка сбивает с толку и определенную часть советских немцев: ведь если их считают «представителями народов, которые проживают за пределами Советского Союза», то им и в самом деле влору обращаться за разрешением каких-то проблем к разного рода канцлерам. Но это ведь абсолютный нонсенс!

Давно пора иметь и в этом вопросе четкую, точную теоретическую основу, вытекающую из исторической реальности и конкретного положения дел, и не давать повода для разглагольствования мнимых благодетелей. У советских немцев достаточно возможностей решить возникающие проблемы в своем родном государстве, в Советском Союзе.

Печать наша не балует советских немцев особым вниманием и благосклонностью. Зато когда нужно разоблачать эмиграционные настроения среди небольшой части немецкого населения, тут уж «раззудись плечо, размахнись рука». Нередко случается, эмигрантов путают с экстремистами, полагая, что это одно и то же. В сущности же в основе эмигрантских настроений лежит неблагополучие в общественной жизни. В отношении к эмигрирующим гражданам немецкой национальности не стоит, думаю, прибегать к стереотипной бранной лексике, к хлесткому разоблачительному пафосу, как это часто делают наши контрпропагандисты. Надо реально исходить из каждого отдельного случая, вникать каждый раз в конкретные мотивы, а не спешить с приклеиванием уничижительных ярлыков. Уезжающие — не всегда «непатриоты», «мелкие душонки» или просто-напросто негодяи. Я мог бы привести немало примеров, когда немцев в прямом смысле вынуждали искать свою

судьбу в чужом краю. И делали они это с тяжелым сердцем. Знаю также, что иные эмигрируют из-за меркантильно-обывательского отношения к жизни, некоторые — по невежеству и глупости.

В речи на XII пленуме ЦК Компартии Казахстана (июнь 1988) первый секретарь Целиноградского обкома партии А. Г. Браун сказал: «Недавно я встречался с группой немцев, решивших выехать из нашей области в ФРГ на постоянное место жительства. Главной целью была попытка установить мотивы, заставившие советских граждан, родившихся и воспитанных в условиях социалистического строя, покинуть родину. Наряду с невозможностью в полной мере удовлетворить духовные и культурные запросы, недовольством проявлениями бюрократизма, называлась боязнь утраты родного языка. Причем она выступала в роли главной».

Весьма точное, верное замечание!

Знаю еще, что покинувшие родину — в большинстве случаев поломанные судьбы. Читать их письма грустно. В том волежденном раю свободного предпринимательства им снятся русские долины, казахская степь, предгорья Киргизии, села и аулы, свадьбы, шумные застолья, русские песни. Думаю, что об этом мы все еще ведем недостаточно компетентный разговор. А самое главное, эмиграция — никакое не решение «немецкого вопроса» в СССР. Конечно, ФРГ необходимы «гастарбайтеры», и там охотно заменят греков и турков «русскими» немцами, но почему последние должны быть игрушкой в руках политиков? Эмиграцией ровным счетом ничего не решим. И население останется тем же (в количественном отношении), и проблемы — те же.

А вот к тем, кто курсирует взад-вперед, лично я не испытываю ни малейшего уважения. Кающаяся Магдалина — не мой идеал. Считаю, что взрослый человек должен расплачиваться за свою глупость и близорукость.

Так называемому «немецкому вопросу», например, в Казахстане уделяется — особенно в последнее время — немало внимания. В добрых намерениях, по крайней мере, недостатка нет.

Многие полагают, что немцы появились в Казахстане в 1941 году. Так это лишь отчасти. Немцы здесь жили и до 1941 года, еще со времен столыпинщины, а некоторые и еще раньше — с конца прошлого века. Так что корни глубокие. И взаимоотношения с коренным населением многообразное, порой причудливое, контакты самые тесные. Ныне в Казахстане немцев один миллион. И многое перемешалось. Есть немцы, которых в пору записывать казахами. Есть казахи, которых, случается, называют немцами. Смешанных браков тоже немало. Есть рыжие, белобрысы, конопатые Арманы и Жанаргули, есть чернявые, узкоглазые, скуластые Карлы и Марксы, Энгельсы и Тельманы, Розы и Кларты.

Факт банальный. И в литературе широко отраженный.

Полагаю, немцам в Казахстане грех особенно жаловаться. Обустроились хорошо. Корни пустили глубокие. Материальный уровень отнюдь не низок. Отношения с разноязычным населением республики сложились добрые, дружественные. Контакты светлые. Казахстан стал родиной для огромного числа советских немцев. Неслучайно ровно половина советских немцев живет в Казахстане. И в социальной, общественной жизни много позитивного. Об этом и говорится, и пишется много, при этом недекларативно, а искренне, от души. «Мой Казахстан» — гордо заявляют многие немцы с полным на то правом. Немало в республике культурных очагов. И вообще о положительных явлениях можно бы сказать очень много. Автор этих записок живет в Казахстане полвека и имеет все основания говорить на эту тему светло, благодарно и абсолютно объективно. Что, собственно говоря, он и делает в своем творчестве.

Беда же и в том, что добрые намерения «сверху», как правило, теряют свою реальную силу, пока доходят до «глубинок» и «низов». Там, «внизу», все многочисленные хорошие постановления, решения, указания нередко натываются на инерцию, на формализм, равнодушие, безразличие, казенщину. Высокая волна добрых побуждений докатывается до берегов реального бытия заметно ослабленной, обессиленной и с легким шипением, пенясь, тотчас уходит в песок. На местах уже знают, что постановления, решения, предложения «по немцам» выполнять вовсе не обязательно. В суе повседневных забот они кажутся отнюдь не столь уж важными и значительными, а потому их можно спокойно отодвинуть «на потом». Десятилетиями эту инерцию преодолеть не удается.

При нынешней фантастической разброшенности, развенности советских немцев по всей необъятной нашей стране трудно говорить о таких материях, как национальное самосознание, национальное единство, национальное развитие, консолидация потенциальных возможностей и творческих сил и т. д. Советский немец, живущий на Дальнем Востоке, понятия не имеет о своих соплеменниках, живущих в Молдавии, на Северном Кавказе или в Таджикистане. Более того, отсутствует тесная духовная связь между немцами, проживающими, скажем, в Южном Казахстане и Киргизии. Факт прискорбный. Отдельные культурные очаги, едва тлеющие в разных точках страны, не обладают функцией объединения. И в этом одна из причин все усиливающейся ассимиляции, для которой достаточно объективных причин, с ними, понятно, приходится считаться всем. Не годится только, если темпы ассимиляции опережают наши добрые культуртрегерские намерения. А вот искусственной ассимиляции, полагаю, необходимо противостоять. И подспудно это как раз и происходит.

Давно напрашивается вывод: для советских немцев,

учитывая исторически сложившиеся обстоятельства, необходим единый направляющий центр для эффективной общественно-политической, культурно-массовой работы. И, кажется, самый идеальный такой центр — автономия. С ней связывается главная надежда. Когда-то писатель Эрнст Кончак выразился по этому поводу энергично и кратко: «Автономия нужна, и она — будет!» Кажется, к этому тезису ныне склоняется все большее число немцев. Вот уже три десятилетия вопрос этот муссируется на всех уровнях. Бывало, «автономисты» преследовались, карались. Но идею эту не вытравишь.

Известно: прореху на штанах ладошкой не прикроешь. Неудачная попытка создать автономную область в Казахстане и последовавшие за этим позорные, постыдные события в Целинограде летом 1979 года, к которым советские немцы не имели никакого отношения, вновь взбудоражили многих и остро приковали внимание к этому животрепещущему вопросу.

Отношение к нему у советских немцев неоднозначное. Одни горячо ратуют за воссоздание автономии немцев Поволжья, созданную в октябре 1918 года и распущенную в августе 1941 года. Кое-кто считает это нереальным: «Поезд ушел...» Иные даже ненужным: «Слава богу, обустроились неплохо. Живем — и ладно». Еще одни пугливо вскидывают брови: «Либер гот, неужто опять все бросать и куда-то кочевать?! А где гарантия, что потом опять нас не выселят?»...

И невдомек добрым людям, что если даже и будет воссоздана автономия, то вовсе не обязательно ехать туда всему двухмиллионному немецкому населению СССР. Известно, что и до войны в АССР немцев Поволжья (центр — г. Энгельс) проживало всего 363,3 тыс. немцев, т. е. 27 % от их общего числа в стране.

Убежден также: речь должна идти не о создании, а о **воссоздании** автономии. Только тогда можно восстановить справедливость в этом затянувшемся вопросе.

Но даже если это и случится, все равно не разрешатся сразу все проблемы. Дел окажется невпроворот. Потребуются колоссальные усилия, чтобы воссоздать утраченное, чтобы развеять обессиляющее безверие. Но — думается — появится фундамент, на котором можно будет строить.

Ясно, что необходимо все всерьез, аргументированно взвесить и рассмотреть всю проблему в комплексе, по-государственному, по-гуманному. Я из тех, кто верит в созидательную мощь и разум нашего общества.

Добрые перемены в нашем обществе радуют. Необычайно активизировался так называемый человеческий фактор. В чем я вижу основную задачу советских немецких литераторов сейчас? В воспитании, активизации национального сознания, национального достоинства, осознании, осмыслении своей истории, своего единства, своей значимости в многонациональной советской семье, формировании, воспитании чувства гражданина, патриота. Вот на осуществление этих задач и необходимо, на мой взгляд, обратить наши творческие усилия.

В последние годы мы особенно охотно и часто говорим о взаимовлиянии и взаимодействии культур и литератур в нашем современном обществе. Явление это очевидное, динамичное и все время углубляющееся, развивающееся. Испытывает этот процесс и советская немецкая литература, которая еще лет двадцать назад почти исключительно варилась в собственном соку. Однако говоря об этом процессе, мы, литераторы, зачастую упускаем из виду прекрасную первую часть этих слов-понятий — ВЗАИМО. В отношении к советской немецкой литературе этот диалектический процесс все еще односторонний, односторонен. Я хочу сказать, что вклад советской немецкой литературы в общее развитие многонациональной советской литературы еще незначителен, и, следовательно, советские немцы как бы находятся на интеллектуальном иждивении. А подоб-

ное иждивенчество в культурно-интеллектуальной сфере не способствует подлинному духовному равноправию многочисленных национальных компонентов между народами. Об этом хорошо сказал Александр Гельман: «Когда нет «само», то нет и «взаимно». Суть в том, что в обществе наиболее плодотворны взаимозависимости самостоятельных, суверенных структур» («ЛГ», 1986, 10 сентября). Мысль, на мой взгляд, значительная: продуктивна лишь взаимозависимость суверенных структур. А советская немецкая литература, думаю, недостаточно суверенна, ибо общественная, экономически хозяйственная потенция советских немцев неравноценна, неадекватна потенции культурно-интеллектуальной, то есть совершенно очевидны «ножницы» между вкладом экономическим и интеллектуальным. И в преодолении этого явного разрыва роль Советских немецких литераторов весьма значительна. Словом, и в этом вопросе ботинок жмет.

1988

Хранить, осваивать, умножать

Одна из приятных, обнадеживающих примет нашего времени видится мне в том, что повсюду вновь — громко или робко — заговорили о культуре, о ее разнообразии и насущной необходимости в духовном становлении человека. И не только говорим об этом, но и что-то конкретно делаем. Свидетельством тому — созданные в последние годы Советский фонд культуры и его республиканские отделения. Ясно, что это одна из ярких форм демократизации нашего общества.

Все мы ясно ощущали и видели, что в годы застоя культура не то что была в загоне, но как-то отодвинута, что ли, на второй, на третий план. Общий уровень культуры в широком, объемном смысле этого слова, ее духовная значимость и облагораживающая роль заметно снизились, упали. Под напором разных негативных яв-

лений тех лет, ныне активно и последовательно разоблачаемых, культура как-то очутилась на задворках, явно поблекла и растерялась, точно сиротинушка на разгульном пиру новоявленных нуворишей.

Конечно, на словах все обстояло не так уж и плохо. Но на деле... Известный писатель Ануар Алимжанов, выступая на учредительной конференции Казахского республиканского отделения Советского фонда культуры (12 апреля 1987 года) привел такой факт: в Казахстане за два десятилетия прежнего руководства было принято около пятидесяти (!) постановлений о разных культурных мероприятиях, но ни одно из них так и не было осуществлено, не было выполнено.

И это было характерно для того времени. К культуре проявлялось такое отношение, как к чему-то необязательному, как к чему-то такому, без которого вполне можно обойтись. Вот еще несколько разительных фактов: в Казахстане на один миллион жителей приходится 2,1 театра (по стране этот показатель составляет 2,3), 4,7 музея (по СССР — 6,7), последнее место занимает Казахстан по обеспеченности населения цирками. Из 1000 рублей, растрачиваемых казахстанцами на потребление товаров, на книги расходуются 7 рублей, на кино — 3,80, на концерты — 0,80, на театры — 0,30. Вдумайтесь только: из одной тысячи рублей казахстанец тратит на театр в год тридцать копеек! Приведу еще один факт: если в Эстонии каждый житель покупает в год 10 книг, то в Казахстане в год на десять человек реализуется одна книга.

Таковы гримасы застойной-застольной эпохи в нашей республике. «Нельзя, чтобы культурой руководил человек с психологией лавочника» — эту фразу под аплодисменты зала произнес известный в Казахстане коллекционер Азат Каимбаев на той же учредительной конференции Казахского фонда культуры. А вот замечание бывшего министра просвещения Казахской ССР

М. Д. Джолдасбекова: «Из системы народного просвещения у нас сделали этакую тихую гавань для всевозможной номенклатуры, провалившей работу в партийных, советских органах» («ЛГ», 1988, 2 марта). Культура и просвещение — понятия близкие, родственные. И в Казахстане они долгое время в самом деле находились на правах бедных родственников.

К счастью, мы теперь принялись выкорчевывать, выпалывать пышные и ядовитые цветы эпохи благодушия. И ясно уяснили себе, сколько предстоит сделать во всех сферах общественной жизни, в том числе и в культуре.

Проникновенные, идущие от сердца выступления участников Учредительной конференции Казахского фонда культуры запали в душу. Тяга к подлинной культуре — изначальная человеческая потребность. Ораторы — ученые, писатели, работники культуры, коллекционеры — говорили тогда о воспитании духовной культуры народа, о нравственно-моральном воспитании, о взаимосвязи с другими народами и культурами, о подлинной гражданственности отдельных сподвижников — «прорабов культуры», об экологии культуры, о том, что девиз Фонда культуры — «Хранить, осваивать, умножать» — должен быть основным направлением его многообразной деятельности в будущем. И чувствовалось, что новая организация эта хотя и создана по желанию и инициативе интеллигенции, по своей сущности истинно народная организация.

Правление Казахского фонда культуры, исходя из Устава Советского фонда культуры, решило сосредоточить свою деятельность на разработке и осуществлении программ и проектов, выражающих общенародные интересы, их социальную значимость и необходимость дальнейшего улучшения работы по патриотическому и интернациональному воспитанию трудящихся, совершенствованию духовной жизни общества.

Полгода спустя после учреждения Казахского фонда культуры члены его правления собрались на заседание в бывшем великолепном кафедральном соборе Алматы, чтобы обстоятельно поговорить о том, в каком направлении идет работа, что уже сделано и какие проблемы необходимо решить в первую голову. Вот я и хотел бы здесь поделиться некоторыми мыслями, возникшими у меня тогда на этих совещаниях.

Известно, что немцы искони гордятся своей культурой, своей духовностью. Вероятно, гордость эта закономерна. Особенно в историческом плане. Знаю, что и советские немцы непрочь порассуждать о своей культуре. Очевидно, они имеют на то основание. Правда, при нынешних условиях эти рассуждения носят слишком уж общий, умозрительный характер. Есть такие, кто кичится неизвестно чем. И это, я бы сказал, не очень приятно. Или уж совсем неприятно. Ведь кичиться своей культурой — уже бескультурье. Национальные спесь и чванство никогда не считались добродетелью. Замечу также, что некоторые мои соплеменники под понятием культуры разумеют отнюдь не духовный аспект, а лишь ее утилитарно-приземленную грань, так сказать, бытовое проявление: аккуратно выбеленный дом, ухоженный огород, уют, опрятность, чистоту и т. д. Что и говорить, это совсем немало, вовсе неплохо, но — увы! — бытовая культура еще не приводит к подлинной, большой культуре, к духовности. Более того, сытый, хорошо налаженный быт при всей своей внешней привлекательности и элементарной разумности не всегда даже является фундаментом для духовной культуры. Вот это-то и серьезно беспокоит.

Как-то в Чимкентской области знакомый немец с нескрываемой гордостью показывал мне свое подворье. Это действительно было образцовое хозяйство. И свинарник, и птичник, и сад, и поливальная установка, и разые пристройки, и виноградник — загляденье! «Ну,

как? Как? — похлопывал меня по плечу. — Неплохо, а?» Я кивал головой, тянул: «О, да-а...» Польщенный хозяин сиял довольный, ликовал: «Да, да, это сделано дойч! По-немецки! Это настоящая немецкая культура!» Я промолчал. Мы вошли в просторный дом. И здесь во всем чувствовались достаток, порядок, прилежание, усердие. А вот книг в том доме я не увидел. Немецких газет хозяин не читал. Даже не знал, что такие бывают. Выписывал лишь программу радио- и телепередач. «Ну, а как с культурой? — поинтересовался я. — Она у тебя тоже дойч?» Он недоуменно уставился на меня, дескать, о чем ты спрашиваешь. Жена его смекнула, о чем речь, пояснила: «Ай, от газет и книжонок столько пыли! Я детям и учебники не позволяю заносить в дом. Готовят к урокам в летней кухне». «И даже «Нойес Лебен» не читаете?» Хозяин замялся, а фрау его заметила: «Почему же? Вот соседский парнишка-казах Койшы-кара выписывает. Беру иной раз у него. Знаете, иногда попадаются потешные шванки и даже шнёркели забавные...»

Увы, с такой «культурой» мне приходилось сталкиваться и в других областях Казахстана, где проживают мои соплеменники.

Как-то мне дали читать одну рукопись — социологическое исследование. Речь в ней шла о материальном уровне жизни русских, украинцев, немцев, живущих в некоторых районах Сибири. Автор дотошно, скрупулезно перечислял, у кого что есть: сколько холодильников, телевизоров, стиральных машин, мотоциклов, коров, свиней. И получалось, что в среднем у немцев всего этого чуть больше, что живут они зажиточней, крепче. Мне лично это известно и без специальных социологических исследований. В том несложно убедиться даже чисто визуально. Правда, из этого я делаю не такой вывод, как автор той рукописи. Единственный вывод из этих данных, на мой взгляд, заключается в том, что, во-

первых, весьма приятно, что советские немцы после долгих испытаний и лишений зажили наконец материально прилично, а во-вторых, добились они этого исключительно своим трудом, своим старанием, прилежанием, извечной тягой к разумному порядку, любовью к налаженному быту.

Ну, а если провести социологическое исследование по части культурных показателей? Выяснить, скажем, сколько советский немец тратит времени и средств на книги, на кино, на театр, на расширение своего кругозора, на воспитание своей духовности? Убежден, что показатели будут не ахти какие. Во всяком случае значительно хуже тех данных, которые я привел выше и которые характеризуют средний уровень культуры Казахстана.

Понимаю, кое-кому из моих единокровников нелестно это читать. Но и мне писать о том не очень-то приятно.

За примерами бескультурья далеко ходить не надо. Какая уж тут культура, когда советские немцы скверно знают свою историю, своих предков, своих славных героев и деятелей, а некоторые даже и кичатся тем, что всего этого не знают. Какая уж тут духовность, когда многие мои земляки предпочитают держаться в тени, чураются активной общественной жизни, брюзжат в уютном, укромном уголке, что, дескать, и то плохо, и это нехорошо?!

О, да, не надо меня ловить на слове, не надо утверждать, что я путаю причину и следствие, что не вижу корней негативного, что не знаю, почему и как это случилось. И вижу, и знаю, и все могу объяснить.

Но есть ведь и вещи, которые трудно объяснить лишь былыми ущемлениями, несправедливостью и ограничениями. Или все наши нынешние беды и неурядицы будем вечно оправдывать прошлым? Боюсь, этак мы не выберемся из тупика.

Не все благополучно на фронте культуры. Она еще не стала внутренней, насущной потребностью и необходимостью. Она еще не воспитывает в нас духовность. Она не стала единой облагораживающей силой. Она не пронизана идеей внутреннего сплочения. Она никак еще не выходит на человекодостойный большой масштаб. Она еще не привела к постижению самих себя и тех народов, с которыми живем бок о бок.

С чего начинается культура? С ликвидации безграмотности и невежества. Что значит культурный человек? Это прежде всего человек мыслящий, с развитыми чувствами. Это открытый человек, гражданин открытого общества. Человек, который излучает свет и в душу которого проникает светоч духовности. Ограниченный человек — закрытый человек. Закрытость лежит рядом с невежеством, примитивизмом, самодовольством.

Три объемных, весомых слова составляют девиз Советского фонда культуры — хранить, осваивать, умножать. Эти три глагола звучат как призыв. Они будят нашу душу, нашу совесть. И как своевременно звучат они теперь, в эпоху перестройки! Они обращены к культуре всего многонационального народа нашей великой страны. И, разумеется, к культуре советских немцев.

Хранить... А осталось ли еще что хранить? Думаю, да! Прежде всего необходимо хранить ПАМЯТЬ. Не дать ей угаснуть, раствориться в небытии, не позволить себе превратиться в манкуртов. Беречь память о своей истории, о былом можно по-разному. Сохранить память — сберечь свою душу. Разве не это сделали П. Герман и И. Госниц, написав прекрасную, нужную книгу «Маршенталь — Советское. Страницы истории»? Разве не о духовной памяти пекутся многие наши литераторы? Разве не активная, совестьливая память руководила бывшим сельским учителем из Чимкентской области Иоганном Давыдовичем Вормом, когда он написал историю своего родного села Мангейм на Волге? Некогда до-

вольно большое это село ныне стерто с лица земли, а учитель Ворм описал его с самого начала века, вспомнил многих его жителей, тружеников, поведал обо всем с сердечной теплотой и прислал рукопись мне, чтобы я сохранил память о малой родине моих предков, моих родителей.

Отрадно, что на страницах нашей периодической печати ныне все чаще говорится о необходимости знания своей истории, а «Хайматлихе вайтен», «Фройндшафт» в последнее время публикуют серьезные исследования.

У нас есть что хранить. Мы еще не выявили наших «прорабов духа», наших сподвижников, скромных коллег-лекционеров. Плохо знаем своих увлеченных людей, собирающих наш песенный и музыкальный фольклор, старые издания, предметы материальной культуры, хранящих редкие документы, изучающих свою родословную. А такие люди есть. И надо только каждому из нас проникнуться сознанием, что все это имеет непреходящее значение и когда-нибудь будет собрано по крохам. Сколько таких случаев знает история!

А как же варварски мы относимся к архивам! Я с ужасом вспоминаю, как безрассудно обошлись с архивами наших покойных литераторов. Что от них осталось? Знакомый литератор, скончавшийся несколько лет назад, многие годы увлеченно составлял библиографический справочник: в толстые тетради он тщательно заносил все литературные публикации послевоенного времени. Тетради эти одно время хранились у меня. Но перед самой своей кончиной литератор потребовал, чтобы я принес их ему в больницу. Вскоре он скончался. Месяц-другой спустя я навел справки, где эти тетради? Выяснилось, что вдова литератора пустила их на растопку... Архив другого покойного советского немецкого писателя я обнаружил сваленным в полном беспорядке на чердаке дома-разволюхи. Мне вспомнились

стихи Олжаса Сулейменова: «Книги... книги горели, по которым затоскует потом несчастный Восток...» Кому не ясно, что и мы потом спохватимся, затоскуем, да поздно будет...

Осваивать, умножать... Благое стремление в этом направлении у нас ощущается. Можно вспомнить опять-таки труды наших историков и литературоведов. Целе-направленные усилия кандидата искусствоведения Ю-ганна Виндгольца. Поистине подвижническую деятельность коллектива Немецкого драматического театра, прошедшего недавно фестиваль советского немецкого музыкального фольклора. Прекрасные начинания! Они свидетельствуют о том, что у нас не иссяк родник народной культуры и что есть энтузиасты, способные хранить, сберечь, осваивать и умножать истинно ценное, что составляет душу народа. И, разумеется, чтобы сохранить этот тлеющий уголек, чтобы раздуть животворный огонь духовности, необходимы сочувствие, заинтересованность, внимание, поддержка, помощь всего общества, нужен единый консолидирующий всю творческую потен-цию народа центр.

Без культуры, без духовности нет человека. Алек-сандр Гельман как-то писал: «Человек только тогда человек, когда старается быть человеком». Перефрази-руя это, можно сказать: культурным можно быть лишь тогда, когда воспитываешь в себе потребность культуры, тягу к культуре.

Требование нашего времени: умножать фонд нашей духовности.

Достоевский утверждал: «Красота спасет мир».

Верно!

Но, думаю, верно и то, что в спасении мира велика роль и человеческой культуры.

1988

Нет, все бывшие недомолвки
Домолвить ныне долг велит.
А. Твардовский
В душе твоей эта боль жива
И не уходит по дозам.

М. Дудин

То, что мы наконец-то набрались мужества и духа и открыто признали проблемы межнациональных отношений, уже свидетельствует о прогрессивных тенденциях и переменах в нашем социалистическом обществе. А тот факт, что мы не только открыто признаем эти проблемы, но и настойчиво и последовательно стремимся каким-то образом их решать, внушает в определенной мере оптимизм.

Но национальные и межнациональные отношения имеют множество граней и нюансов. О некоторых из них мы и по сей день или вообще не говорим, или говорим, так сказать, одними губами, невнятно, робко. Имею в виду открытый, честный разговор о судьбах репрессированных народов. Долгие, слишком долгие годы тема эта была табуирована. Табу это, длительное, тотальное, столь глубоко проникло в сознание, что даже сами репрессированные народы испытывают некоторую неловкость, а, точнее говоря, боль и стыд говорить предельно откровенно об этой поистине трудной теме. Боль и стыд, ибо само сочетание «репрессированный народ» звучит ужасно и нелепо и есть в цивилизованную эпоху, в разумном обществе нонсенс, нечто противоестественное, нечеловеческое. Однако все это было, было...

Часто вспоминается мне одна старая публикация в «Комсомольской правде» от 24 августа 1941 года. Под заглавием «Мы отомстим за тебя, товарищ!» была воспроизведена фотография обгорелого, залитого кровью, проколотого фашистским штыком комсомольского

билета. Этот билет принадлежал красноармейцу Гейнриху Филипповичу Гофману, зверски замученному гитлеровцами. Гейнриху было двадцать лет, в комсомол он вступил 31 августа 1940 года. Билет выдан Краснокутским канткомом Немреспублики — так гласит четкая запись в членском билете. Слева — на русском языке, справа — на немецком. Подписался Гейнрих по-немецки — Hoffmann. Старательно, аккуратно.

Комсомолец Гейнрих Гофман был отважным бойцом, горячим патриотом. Фашисты этого ему не простили. Выкололи ему глаза, отрезали язык, прокололи штыком грудь, из частей его тела сложили красную звезду.

Весть эта мгновенно облетела все деревни, все кантоны Автономной республики немцев Поволжья. Республиканские газеты на немецком языке успели перепечатать этот скорбный и гордый документ.

«Успели», потому что через четыре дня после публикации в «Комсомольской правде» этого материала был обнародован в стране бесчеловечный сталинский указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Под указом стоит дата — 28 августа 1941 года. Через два дня его напечатали в центральных газетах Автономной республики немцев Поволжья. По-русски — в газете «Большевик», по-немецки — в «Нахрихтен».

Указ вполне в духе времени страшал, пугал, угрожал, предупреждал. «По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья».

Немцы Поволжья были ошарашены, ошеломлены. Их предки обжили, обиходили, облагородили, окультурили дикие, запущенные степи Нижней Волги почти

двести лет тому назад. Свою социалистическую республику «Вольгадойче» поистине выстрадали. Автономная область немцев Поволжья была создана ленинским декретом еще 19 октября 1918 года. Позже, в 1924 году, она была преобразована в Автономную республику. Поволжские немцы своей республикой гордились. Она была образцовой по многим экономическим, социальным, культурным показателям, хотя и небольшой по территории (28 тыс. кв. км) и населению (перед войной 605,5 тыс. человек, из них немцев — 60 %, т. е. 363,3 тыс. человек). Жили компактно: от деревни до деревни — три-пять верст. Немецкие деревни перемежались с русскими. Рядом, скажем, с деревнями Шёнваль, Шёнфельд, Шёндорф шли Митрофановка, Семеновка, Николаевка. В близлежащих деревнях знали друг друга от мала до велика. Так откуда могли взяться «тысячи и десятки тысяч шпионов и диверсантов»? Другое дело — «враги народа». Их находили и вылавливали, как и по всей стране, в каждой немецкой деревушке. Но шпионы и диверсанты... Где же они все прятались? Где и как готовили диверсионные акты? Кого и что взрывали? Непонятно. Уму непостижимо. Дико.

Суд был скорый. Немцев выслали. Депортировали. Насильно. Республику распустили. Немецкие названия сел и городов срочно переименовали на русский лад. Правда, город Энгельс сохранил свое имя и поныне. А вот от города Маркштадта оставили лишь первую половину наименования. Самих немцев переименовывать не стали, только отныне называли их не гражданами, не товарищами, а спецпереселенцами. Ну, а доля спецпереселенца известна искони. Особенно в экстремальных условиях всенародного гнева и горя, когда в людском сознании «немец» и «фашист» самым роковым, трагичным образом сплошь и рядом синонимизировались.

Замученный фашистами комсомолец Гейнрих Гоф-

ман всего этого знать не мог. Он погиб, отважно защищая Родину. И «Комсомольская правда» написала о его подвиге за четыре дня до появления позорного указа «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Всего лишь четырьмя днями позже центральная печать не осмелилась бы напечатать эту заметку. Не осмелилась бы назвать имя героя — Гейнриха Гофмана из Краснокутского кантона Немреспублики. Не осмелилась бы написать так, по-человечески проникновенно и понятно: «Мы отомстим за тебя, товарищ!» Какой же, извините, товарищ, если он державной волей обернулся в одночасье спецпереселенцем...

Истерзанному палачами юному патриоту Гейнриху Гофману не суждено было знать, что двадцать три года спустя был обнародован очередной Указ Президиума Верховного Совета СССР (от 29 августа 1964 года), который назывался так: «О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Приведу из этого Указа лишь один абзац: «Жизнь показала, что эти огульные обвинения были неосновательными и явились проявлением произвола в условиях культа личности Сталина. В действительности в годы Великой Отечественной войны подавляющее большинство немецкого населения вместе со всем советским народом своим трудом способствовало победе Советского Союза над фашистской Германией, а в послевоенные годы активно участвует в коммунистическом строительстве».

Что ж... довольно вразумительно. Казалось, справедливость восторжествовала, как в доброй сказке. Но... двадцать три года спустя! Иначе говоря, невинно осужденного продержали в недостойных условиях почти четверть века, а потом объявили, что обвинения, оказывается, были огульными. И справедливость восторжест-

вовала не вся, а лишь отчасти, лишь в малом, лишь в само собой разумеющемся. Ведь не было и не могло быть среди немцев Поволжья «тысяч и десятков тысяч шпионов и диверсантов». А обвинение целого народа в активной помощи и пособничестве немецко-фашистским захватчикам было беспардонной ложью, гнусной выдумкой бериевских опричников.

Впрочем сталинское руководство в «решении» национальных вопросов особой оригинальностью не отличалось. В ход легко пускалась беспардонная ложь, «причины» запросто находились, а депортация была мерой испытанной, обычной. Тяготы, унижения выселения до волжских немцев испытали корейцы, поляки, финны. После волжских немцев пришел черед немцев Украины, Кавказа, Крыма. Участь спецпереселенцев изведали латыши, эстонцы, литовцы, чечены, ингуши, кумыки, курды, турки-месхетинцы, балкары, карачаевцы, калмыки, крымские татары, греки. Треть населения была выдворена из Крыма. Целые народы обвинялись в предательстве и пособничестве фашизму. Десятилетиями жили с этим клеймом. Рождалось новое поколение репрессированных народов, уже клейменное, уже оклеветанное, меченое людским презрением.

Известный писатель Виктор Астафьев пишет: «...народ был в те годы «перемолот». Одних усылали в северные дали, других из жарких краев переселяли к нам. Тасовали судьбы людей почем зря. Так вот у нас появилась целая улица немцев, переселенцев с Поволжья. Есть калмыки, литовцы, кого только нет, даже финны есть — на десяти языках говорит деревня» («Комсомольская правда», 1988, 12 мая).

Доктор экономических наук профессор Р. И. Хасбулатов вспоминает: «Мое детство прошло на самом севере Казахстана, в небольшом селе Полудино, куда мы, чеченцы, были перемещены в феврале 1944 года со статусом «спецпереселенцы». Село поневоле оказалось ин-

тернациональным. Кроме нашей семьи — матери, двух моих старших братьев и сестры, там поселились еще несколько семей из бывшей Немцев Поволжья АССР, корейцы, татары. При абсолютном преобладании русского населения» («Комсомольская правда», 1988, 17 июня).

Андрей Петрович Браун, первый секретарь Целиноградского обкома КПСС, рассказывает: «Еще несколько лет назад я не мог ни предположить, ни подумать, что стану первым секретарем обкома. Тянуть меня наверх никому резона не было, скорее, наоборот. Родился на Украине, в одном из немецких сел... Потом война, лагеря в Польше; чтобы помочь матери, стал батраком, даже польский выучил. После войны, в 1945 году, нас привезли в Казахстан: голых, босых, голодных. Вы ведь знаете: война с фашистской Германией была трагедией для всего советского народа, но вдвойне трагедией она стала для советских немцев. В течение короткого времени они превратились в глазах многих во врагов. Немцам больше не доверяли...» («Литературная газета», 1987. 7 сентября).

Судьбами народов расправлялись лихо, играючи.

И повеленьем грозного владыки,
Как под метелку до одной души,
Чеченцы выселяются, калмыки,
Балкары, карачаи, ингуши...

— свидетельствует Расул Гамзатов («Дружба народов», 1987, № 12).

Вторит ему Булат Окуджава:

Сталин трубочку раскурит —
Станут листья опадать.
Сталин бровь свою нахмурит —
Трем народам не бывать.

(«Дружба народов», 1988, № 1)

Народы разные — мотивы выселения схожие. Немцы — шпионы и диверсанты. Чеченцы и ингуши — бандиты, подло наносившие удары в спину Красной Армии. Крымские татары виновны в пособничестве оккупантам. И т. д. Факты? Идею о виновности народа состряпать проще простого. Механизм этой идеи хорошо раскрывает профессор Р. И. Хасбулатов: «И все-таки давайте до конца разберемся с этими «бандами». Они «появились» в результате фальсификаций, придуманных Берией, Сталиным и их местными прихлебателями. Была состряпана преступная идея о «виновности» народа, его пособничестве врагу. Но правда восторжествовала. Народ полностью реабилитирован, с того дня прошло почти 30 лет. А разговоры о «бандах» получили самостоятельную жизнь и свободно «гуляют» по миру, мстя целому народу, «расстреливая» его» («Комсомольская правда», 1988, 17 июня).

Много схожего было и в самой депортации. Пожалуй, более-менее организованно, без лихорадочной спешки вывели немцев Поволжья. Остальных — в жуткой спешке, за двадцать четыре часа, не давая опомниться, с бухты-барахты, с вооруженным конвоем, с собаками, под плач, стон, проклятия. Вспомним жуткую сцену из повести «Ночевала тучка золотая» А. Приставкина, когда один из Кузменышей встречает на глухой станции забитый, заколоченный, странный эшелон. Из зарешеченных окон доносились судорожные, отчаянные крики: «Хи! Хи!» То депортируемые чеченские дети умоляли случайных прохожих о глотке воды. Евгений Носов пишет: «С содроганием вспоминали они насквозь продуваемые товарняки, увозившие в ссылку. Люди ехали стоя, сплошным комом сгрудившихся тел, и только совсем ослабевшие сползали и опускались на грязный ледяной пол. Иногда в безлюдных местах товарняки останавливали, чтобы вынести из вагонов трупы и закопать их в снег...» («Литературная газета»,

1988, 20 апреля). «Много нас умерло,— вспоминает знакомый корейский писатель,— по долгой дороге от Дальнего Востока до пустынь Чимкентской области».

Мне еще не было семи лет, когда нас выслали из кантона Гнаденфлюр, и я живо, до мелочей помню и дорогу, и товарняк, и оцепенение, охватившее немцев-спецпереселенцев...

Грозный дух «отца народа» витал над бедой и страданиями репрессированных племен. И не было ни про света, ни надежды. Указом от 26 ноября 1948 года было объявлено, что «немцы, калмыки, ингуши, крымские татары и другие переселены навечно и что выезд с мест поселения без особого разрешения органов МВД карается каторжными работами до 20 лет».

Но и репрессированным народам предписывалось славить «великого кормчего».

Любой судьбине благодарен,
Тверди одно, как он велик.
Хотя б ты крымский был татарин,
Ингуш иль друг степей калмык.

— замечено А. Твардовским в поэме «По праву памяти».

О социальном статусе спецпереселенца в литературе сказано мало. Да тут и говорить особенно нечего. Какой уж статус у спецпереселенца? Он, конечно, не совсем заключенный. Он просто-напросто социально и морально ущемленный. Он ущемлен, ограничен в общественной жизни. Злой волей причислен к «ненадежным». Он предстатель «народа-преступника». Под постоянным подозрением, под колпаком.

Обращаясь к своему другу Давиду Кугультинову, сполна изведавшему долю спецпереселенца, Михаил Дудин употребил удивительно точные слова:

В душе твоей до сих пор горит
Изгоя тупая участь.

Поистине: что позволено Юпитеру, то не позволено быку. Слово «изгой» применительно к спецпереселенцу я употреблял в своих статьях неоднократно, но каждый раз это слово вымарывалось: редакторам оно чудилось слишком сильным. И — напрасно! Русский советский поэт употребил его кстати и точно. Изгой — вот он, весь статус спецпереселенца. Чувствовать себя спецпереселенцем среди свободных товарищей, друзей — тяжело, унижительно. Ведь спецпереселенец социально незащищен. Уповать он может только на индивидуальную доброту, на людскую милость, на сочувствие и сострадание. Увы, в приснопамятные крутые времена на это не всегда приходилось рассчитывать. Сверхбдительная комендантша общежития Карагандинского политехнического института в 1953 году, узнав, что я спецпереселенец, что нет у меня паспорта и разрешения комендантуры, выставила меня ночью на улицу и мне ничего не оставалось, как ночевать на скамейке в городском парке. И я радовался, что еще отделался легким испугом. А отчисленный, наряду с другими такими же бедолагами (пятьдесят два человека — немцы, чеченцы, ингуши, один поляк и один грек), я вернулся в Петропавловск и в поисках попутной подводки два дня неприкаянно слонялся по улицам, за три квартала избегая милиционеров и не смея приблизиться ни к одной гостинице: не было ни паспорта, ни комендантского разрешения, а во временном удостоверении в графе «особые отметки» стояла «каинова» печать — «разрешается жить в пределах только Октябрьского района». При этом «только» было подчеркнуто жирно, тушью. Мне повезло: я благополучно добрался до аула. Тогда еще был в силе закон о двадцатилетней каторге за выезд с места поселения без специального разрешения органов внутренних дел. А моему отцу, члену партии с 1939 года, но тоже спецпереселенцу (в отличие от большинства членов партии-спецпереселенцев он не был лишен членского билета),

пришлось потом отчитываться у коменданта районного УМВД за самовольность и строптивость сына, сделавшего дерзкую попытку поступить в высшее учебное заведение. Не буду далее говорить о себе: все это детские обиды, мелкие неурядицы бытия по сравнению с тем, что пришлось испытать моим старшим братьям и сестрам, отцу и матери.

В упомянутом выше указе «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» от 28 августа 1941 года сказано: «...переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы с тем, чтобы переселяемые были наделены землей и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах».

Разумеется, это было фарисейство. Слова утешения. Страна была в опасности, гитлеровцы рвались к Москве, все силы были мобилизованы на защиту Родины, и в таких условиях никакой спецпереселенец и не уповал на государственную помощь по устройству на новом месте. Наоборот, последнее отдавал в Фонд обороны. Устраивались кто как мог — у добрых людей, в заброшенных строениях, в наспех вырытых землянках, в закутках, сараях, в мазанках. Правда, земли в Казахстане и Сибири было много. И работы много. Только не было времени, сил и возможностей на обустройство в новых районах. Вскоре всех мужчин-спецпереселенцев мобилизовали в трудармию — в сибирские леса, на рудники в Заполярье, на шахты, на спешно строящиеся объекты. Историк Мария Лайгер («Фройндшафт», 1987, 7 сентября) установила, например, что из одной лишь деревни Рождественка бывшей Акмолинской области в январе 1942 года было за один раз призвано в трудармию 85 мужчин из числа немцев. Большинство из них не вернулось. И так было повсюду. Вслед за мужчинами стали забирать в трудармию женщин-спецпереселенок с шестнадцатилетнего возраста. Оставив детей на руках рас-

терянных и беспомощных стариков, а нередко — на волю судьбы, немки-спецпереселенки отправлялись в суровые края ковать победу над фашизмом.

Война длилась долгих четыре года, трудармия затянулась намного дольше. Надо было восстанавливать страну, а труд спецпереселенца (наряду с трудом заключенных всех мастей) был наиболее дешевый. Ну, а немец-спецпереселенец к тому же отличался покладистостью, послушностью, извечной любовью к труду и порядку, тщанием и старанием.

Трудились — как в бою сражались. За колючей проволокой. Под конвоем. Без выходных. По 12—14 часов. На износ. Впроголодь. Мерли — особенно на первых порах — сотнями, тысячами. Иван Иванович Фрезе из Ташкента вспоминает: в 1942 году в Ивдель (Свердловская область) на лесоповал было завезено 15 тысяч немцев-трудармейцев, а через год из них осталось в живых 3 тысячи. Четыре брата и семеро племянников моего отца погибли в трудармии. И таковы были потери в каждой советской немецкой семье. А ведь при этом надо было еще постоянно, повседневно бороться за человеческую честь и достоинство, доказывать трудом, поведением, что ты не «фриц», не «фашист», не враг, а гражданин и патриот своей социалистической Отчизны. Кое-кто пытался внушить немцам-трудармейцам идею страшной вины, внушить, что он должен работать не щадя живота, чтобы искупить эту вину перед советским народом. Это была унижающая, оскорбляющая, парализующая волю ложь. И немцы-трудармейцы истово боролись за право трудиться во имя святого долга перед Родиной, под лозунгом: «Все для фронта, все для Победы!» Об этом убедительно рассказал заслуженный тренер СССР, персональный пенсионер, член КПСС с 1940 года Эдуард Фердинандович Айрих в статье «В трудные годы войны» («Казахстанская правда», 1988, 2 июля). В годы войны он с десятитысячным коллекти-

вом трудармейцев (подавляющее большинство были советские немцы) строил в дремучей тайге промышленный гигант по производству алюминия, который назывался Базстрой НКВД. «Здесь мы испытали на себе всю горечь унижительного положения безвинного человека в условиях лагеря. А между тем немалое количество из нас были коммунистами и комсомольцами», — замечает Э. Ф. Айрих.

К великому сожалению, тема трудового фронта, тема жертвенности спецпереселенцев, ставших «лагерной пылью» во имя победы, во имя благоденствия многострадальной Отчизны нашей постыдно плохо, слабо освещена в нашей многонациональной литературе. Из советских немецких литераторов эту трудную тему лишь чуть-чуть затронули А. Реймген, В. Шпаар, В. Гердт, Р. Пфлюг, Г. Вормсбехер, Л. Маркс, Ф. Крюгер. В последнее время опубликовали свои воспоминания Д. Фризен, Г. Ситнер, Э. Айрих, И. Кроневальд, А. Гассельбах, А. Герман. Много, очень многое еще не высказано. Глубоко прав Д. Гранин, когда он говорит в статье «О милосердии»: «В нашей послевоенной литературе нельзя найти строк сочувствия к народам, которых выселяли с родных мест...»

Случалось, некоторые спецпереселенцы, стремясь вырваться из унижительного круга своего социального положения, при случае меняли фамилии, переименовывали их на русский лад или выдавали себя за представителя более «благонадежной» нации. Точно это подметил Ап. Приставкин в повести «Ночевала тучка золотая». Он пишет о немке Лиде Гросс, которая просила всех называть ее по-русски — Гроссова. Маленькая, наивная хитрость, чтобы хоть как-то обезопасить себя от насмешек, унижений. Правда, иногда это делалось ради более высоких целей. Чтобы завоевать право на схватку с лютым врагом, Вольдемар Венцель превратился в Влади-

мира Венцова и стал Героем Советского Союза. Пауль Шмидт, герой документальной повести Г. Вормсбехера «Имя вернет победа», прошел всю войну под видом азербайджанца Ахмедова. Артур Бейгель воевал под именем Бойченко, Петер Лёвен — под фамилией Левин. Таких примеров немало. А ведь многих мы можем просто не знать. И, скорее всего, никогда уж не узнаем.

А разве подвиг трудармейцев не сродни ратному подвигу красноармейцев? Или они меньше погибали? А те, что уцелели, вернулись домой без славы и почета, без орденов и медалей, все в том же «ранге» спецпереселенца. И вот пишет мне бывший трудармеец Рихард Давидович Гаас, подорвавший в годы войны здоровье на лесоповале, о своих горестях и обидах: «А теперь, когда болею, когда нужно дефицитное лекарство, врач говорит: «Если б вы были участником войны...» Так, кто же я? Как еще дальше жить?» Время берет свое. В Казахстане немцев-трудармейцев осталось ныне лишь около 13 тысяч.

Огромную роль в подавлении личности, в унижении человеческого достоинства спецпереселенца сыграла система спецкомендатуры, созданная при управлениях МВД. Каждый спецпереселенец с шестнадцатилетнего возраста брался на учет и был обязан строго регулярно (раз в две недели или в месяц) отмечаться в комендатуре по месту жительства. Иначе говоря, он был поднадзорным, в чем и расписывался у коменданта, тем самым удостоверяя, что он никуда не выехал, не отлучился, не нарушил закона о выезде куда-либо без разрешения спецкомендатуры. Это была унижительная процедура. Спецпереселенец мог забыть отца родного, себя, но только не дату, когда ему надлежало «отмечаться». Приходил срок, и он бросал все, оставлял работу и покорно, обреченно шел в комендатуру, нередко за десяток километров в любую непогоду. Тем самым в среде «свободных» насаждались к нему недоверие и подозри-

тельность. В отдаленные от райцентра аулы, где обитали спецпереселенцы и административно высланные, раз в месяц приезжал комендант. Еще за два-три дня до его появления у нас в семье устанавливалась гнетущая атмосфера. Мрачнел отец, молчала, поблескивая глазами, мать. Немел на уроках я, ибо в душе происходило раздвоение, разлад, так как «демократические» положения сталинской конституции плохо вязались с ожиданием в ауле спецкоменданта. Потом нас вызывали в колхозную контору, рассаживали вдоль обшарпанной, облупленной стенки, и комендант, строго оглядев нас, нес какую-нибудь демагогическую околесицу, которая никак не доходила до нашего сознания. Аул наш был небольшой, и спецпереселенцев оказалось мало: мой отец, заведующий фельдшерско-акушерским пунктом, член партии, моя мать, санитарка, кузнец Иоганнес Энгель и его брат, молотобоец Антон (будущий Герой Социалистического Труда), преподавательница русского языка и литературы Мария Петровна Егорова, «чесеировка» (член семьи изменника родины — была и такая аббревиатура), и я, ученик казахской школы, активный общественник, комсомолец. Нам бывало ужасно стыдно друг перед другом. Поставив свои подписи, мы молча расходились, и на сердце было плохо, плохо... Мария Петровна, кутаясь в ветхую шаль, подолгу стояла в классе у окна, говорила о «прекрасных порывах», о том, что «взойдет она, звезда пленительного счастья», и голос ее дрожал, а в глазах стояли слезы, и мои сверстники-казахи недоуменно переглядывались, не понимая, что же сегодня такое происходит с «мугалимом». Только я, единственный немец-спецпереселенец в школе, был в состоянии в эти минуты понять душевную смуту моей учительницы. А дома отец старательно избегал мой осуждающий взгляд, ибо я, юный максималист, не прощал ему, коммунисту, лейтенанту медицинской службы РККА, всеми уважаемому человеку, той послуш-

ности, покорности, с какой он ставил ежемесячно свою подпись в замусоленном списке спецпереселенцев...

Многое вызывало горькое недоумение. Прославленный спортсмен, чемпион СССР, Европы, мира, Олимпийских игр Рудольф Плюкфельдер пишет: «Одно мне только непонятно — почему уже после войны, после нашей общей Победы, нам, советским немцам, проработавшим все эти годы плечом к плечу с сибиряками на шахтах Кузбасса, объявили, что все мы осуждены на двадцать лет ссылки. За что?» («Советский спорт», 1988, 16 января).

Тому, кто не прошел через это, многое, должно быть, непонятно. Но людям старшего поколения знакомы и доступны те чувства, которые испытывал спецпереселенец, только что отмечавшийся у коменданта. Вот читаем у Виктора Астафьева: «Если мороз, пурга, круговерть снежная, зима бесконечная, оторженность от земли обетованной, забытые «под завязку» бараки спецпереселенцев со старостой во главе, который раз в месяц должен в комендатуре отчитываться «по головам» за свое «население», называлось это вежливо — отмечаться, и в первые годы переселения каждый «элемент», достигший шестнадцатилетнего возраста, отмечался сам, отдельно, потом послабление вышло» («Литературная газета», 1987, 9 декабря).

Здесь все верно, все правда. Справедливо и то, что «потом послабление вышло». Это я и сам испытал, на личном, так сказать, опыте. Весь 1953 год я тщетно пытался вырваться из-под надзора МВД и поступить в вуз. Месяцами я обивал пороги районного и областного управлений МВД, сильно досаждал комендантам разных рангов, строчил во все инстанции, вплоть до председателя Президиума Верховного Совета СССР и министра внутренних дел, жалобы и прошения, стучался в райкомы и обкомы комсомола и КПСС, извел отца, извелся сам, добрался наперекор всему до Караганды,

сдал вступительные экзамены и... был отчислен. Через год заново прошел в строгой последовательности все инстанции, добрался до Алма-Аты, успешно сдал все вступительные экзамены в Казахский педагогический институт им. Абая и опять не был принят, пока не обошел разные министерства и не заручился поддержкой второго секретаря ЦК ЛКСМ Казахстана. А уже глубокой осенью я был вызван в комендатуру г. Алма-Аты, получил крепкий нагоняй за то, что опять-таки проявил дерзость и не встал на учет, просрочил все сроки. Но уже чувствовалось «послабление». Из института исключать меня не стали, а наоборот, сняли с меня все ограничения и выдали настоящий советский паспорт (чему, как я понял, способствовало мое знание казахского языка и то, что я окончил казахскую школу). Помню тот день: от радости и счастья едва не лишился рассудка, ходил весь день по улице Гоголя, ежеминутно разглядывал паспорт, впервые четко осознав, что такое чувство полноправного гражданина, что такое пьянящее чувство свободы, подлинную цену которой знаешь лишь тогда, когда ее лишен...

Да, это было послабление. Хотя до Указа 1964 года, снявшего с советских немцев огульное обвинение, все еще оставалось долгих десять лет.

Однако времена менялись. Многие спецпереселенцы возвращались домой. Известный русский прозаик Евгений Носов пишет: «Возвращались по домам целые народы, некогда попавшие в немилость, — балкарцы, чеченцы, калмыки, изгнанные из отчих мест до последнего человека... Вместе с земляками-балкарцами возвратился в долину Чегема Кайсын Кулиев. Из заполярного рудника наконец вырвался в свою Калмыкию Давид Кугультинов. В родную Чечню вернулась с навсегда испуганными глазами поэтесса Раиса Ахматова...» («Литературная газета», 1988, 20 апреля).

Увы, о возвращении немцев по домам речи не было.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 года постановил «снять с учета спецпоселения и освободить из-под административного надзора органов МВД немцев и членов их семей», но тут же оговорился, что «они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены».

Жестко, несправедливо, но по крайней мере предельно ясно: не имеют права возвращаться...

Мотив этот прозвучит и в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 года. Правда, более смягченно, обтекаемо, многословно: «Учитывая, что немецкое население укоренилось по новому месту жительства на территории ряда республик, краев и областей страны, а районы его прежнего места жительства заселены, в целях дальнейшего развития районов с немецким населением поручить Советам Министров союзных республик и впредь оказывать помощь и содействие немецкому населению, проживающему на территории республик, в хозяйственном и культурном строительстве с учетом его национальных особенностей и интересов».

Смысл этого пункта весьма прост: выселены немцы были неправильно, обвинены огульно, но коль за двадцать три года они успели укорениться по новому месту жительства, то пусть уж на этих местах и сидят.

Что касается советской немецкой литературы, то серьезный урон она понесла еще в тридцатые годы. Эдуард Белтов, изучающий судьбы незаконно репрессированных писателей, говорит: «По национальным литературам был нанесен такой сокрушительный удар, что некоторые из них от него еще не оправились и вряд ли оправятся в ближайшее время» («Книжное обозрение», 1988, 17 июля). И далее он приводит конкретные примеры: были арестованы почти все лучшие писатели Удмуртии, в корне была подорвана алтайская литература, в большинстве своем были уничтожены башкир-

ские писатели. «Отец народов» был почему-то особенно суров в отношении к национальным литераторам. «Из 1000 погибших примерно 700 — писатели союзных и автономных республик», — подчеркивает Э. Белтов. Что уж тут говорить о литературе, о культуре репрессированных народов, о литературе спецпереселенцев?

В течение пятнадцати лет ни один из уцелевших советских немецких литераторов не мог опубликовать ни единой строки на родном языке. Им внушали, что уже никогда и нигде в Советском Союзе «фашистский» язык звучать не будет. Не то что писать, говорить между собой на родном языке за стенами дома сплошь и рядом осуждалось. Кое-кто из советских немецких литераторов пробовал сочинять на русском. Некоторые усиленно упражнялись в английском языке. Первая немецкая газета в послевоенное время — маленькая, робкая, районная «Арбайт» — появилась в 1955 году. В нее подолгу, как бы не веря своим глазам, вглядывались, поражались звучанию родной речи, вслушивались в немецкие слова, жадно искали имена запомнившихся еще до войны литераторов. Кто-то находился в сибирской глухомани, другой — в казахстанских степях, третий отзывался из Заполярья. Надо было как-то собраться с духом, мобилизовать оставшиеся силы и раздуть едва тлеющий уголек родной словесности. И такова была участь литературы всех репрессированных народов. В 1980 году в Доме творчества писателей в Дубулты я подолгу беседовал с известным крымско-татарским писателем Шамилем Сеитовичем Алядиным, печатавшимся еще до войны, бывшим председателем правления Союза писателей Крыма. Я читал редактируемый им альманах «Йилдыз» с интересом и удовольствием: крымско-татарский язык мне доступен, поскольку он схож с «родным» моим казахским. Сколько же общего в судьбах наших литератур!.. Сколько времени прошло с тех пор, а многие схожие наши проблемы так и не ре-

шаются... Приходят на ум слова Чингиза Айтматова: «Стоит вспомнить историю истребительного сталинского переселения к концу войны чеченцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, кавказских турок, крымских татар, курдов и других народов. До сих пор — скоро уже полвека — тянется шлейф тех бед и страданий» («Известия», 1988, 3 мая).

Вообще давно пора уяснить очевидную истину: национальные вопросы никогда не решаются запретами, устрашениями, ограничениями свобод и прав. Полумеры, как правило, затуманивают, усложняют суть, рожают новые проблемы. Наивно было полагать, что Указ от 29 августа 1964 года в отношении советских немцев развяжет весь клубок вопросов. Отменить, снять вздорное, огульное обвинение означало всего-навсего запоздалое официальное признание того, что было и так очевидно. Основной, кардинальный вопрос он не решил: все оставалось так, как сложилось — «учитывая, что немецкое население укоренилось по новому месту жительства...» Наивно было полагать, что, отменив 5 сентября 1967 года решение государственных органов в части, содержащей обвинения в отношении всех граждан татарской национальности, проживавших в Крыму, Президиум Верховного Совета СССР тем самым полностью восстановил их конституционные права. И вообще не очень серьезно объяснять все беззакония какими-то особыми обстоятельствами и сложностью времени. На это совершенно верно указывает Альгис Празиускас в глубокой, аргументированной статье «Зачем мнутся народы?..» («Дружба народов», 1988, № 8): «Политика национального подавления достигла апогея в 40-е годы, отмеченные такими беспрецедентными мерами, как выселение поволжских немцев, карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев, крымских татар, массовые депортации коренного населения Прибалтики. Ссылки на чрезвычайные условия военного времени и

тем более на классовую борьбу — аргумент слишком слабый, чтобы оправдать подобную волну насилия. Нельзя забывать, что эти события стали частью истории народов, оставили глубокий след в их памяти, и этот след невозможно изгладить умалчиванием, увещеванием, идейным воспитанием и запретами».

Удовлетворяет, что в последнее время мы стремимся называть вещи своими именами: выселение — выселением, насилие — насилием, беззаконие — беззаконием, а не прибегаем к разным эвфемизмам и изящным стилистическим фигурам, в которых вся пишущая братия изрядно преуспела. Конечно, не надо шикого вводить в заблуждение и говорить «эвакуация» там, где было насильственное поголовное выселение, тотальная депортация. Грешен и я. В повести «Перед далью» я тоже всячески обыгрывал невинное словечко «эвакуация», ибо знал, что слово «выселение» мне произнести публично, а тем более печатно не дадут.

Фальшь эта нет-нет да и теперь еще продолжается. В «Правде» (1988, 29 августа) Т. Цечоев из Чечено-Ингушской АССР пишет: «Вспоминаю тяжелые военные годы. Нас у матери было семеро. Всей семьей эвакуировались в Казахстан. И холодно было, и голодно». Как это мирно, спокойно сказано: «эвакуировались»? Будто просто взяли да и переехали с юга на север, совершили туристическое путешествие. Кого обманываем? Ведь мы-то хорошо знаем, как «эвакуировались»... Люди гибли сотнями в пути от такой «эвакуации», а кто считал жертвы уже на новом месте — от холода, голода, бесприютства, отчаяния? Вот что пишет Тимур Пулатов, имея в виду крымских татар: «Эта вера в «справедливого вождя» стоила народу, кроме сотен погибших от отчаяния и болезней в дороге, еще и сорока тысяч погибших от голода уже на новом месте — детей, женщин, стариков» («Дружба народов», 1988, № 12, с. 203).

Мы живем в едином обществе, где каждая нация, каждая народность имеет свое достойное место и без которых советский народ не полон. В обществе нашем происходит сложный внутренний взаимообмен духовности, без чего трудно даже представить развитие межнациональной культуры. Нельзя путать естественную тягу к единству с насильственной ассимиляцией. Надо радоваться нашему различию, а не стремиться к унификации, когда, если воспользоваться выражением известного горьковского героя, «ни одна блоха не плоха — все серенькие, все прыгают». Конечно, управлять обществом, где все ассимилированы и все унифицировано — проще, удобней, но это отнюдь не благо. Прав Альгис Празиускас: «С формальной политической точки зрения ассимиляцию, стирание различий вполне можно расценивать положительно, особенно если не обращать внимания на отрицательные последствия национального нигилизма. Но с точки зрения развития многонациональной советской культуры страна явно теряет, и теряет много» («Дружба народов». 1988. № 8. С. 215).

Боль и тяжкие испытания, несправедливые обвинения, выпавшие на долю осужденных в 30—40 годах народов, — не нечто локальное. Это наша всеобщая, всенародная боль. И это не забывается. «Тяжелый удар по народам, живущим в Латвии, прежде всего по латышам, нанесли незаконные депортации 1941 и 1949 годов, чего, конечно, нельзя ни забыть, ни простить», — пишет Имант Декшениекс («Юрмала», 1988, 4 августа). Нет ничего безнравственнее, чем унижать слабого, беззащитного, и не годится обывательскую злобу, ограниченность, тупоумие, недоверие, подозрительность сознательно и целеустремленно обрушивать на ту или иную народность. Многие из моих сверстников и соплеменников, думаю, на всю жизнь запомнили, как их сплошь и рядом запросто и походя обзывали (безнаказанно!) фрицем, фашистом, недобитком. Оскорбления

и унижения подобного рода в устах иных считались едва ли не проявлением истинного патриотизма. И не всегда находились заступники спецпереселенцев, не всегда звучал голос разума. И случалось такое не только в те жестокие сталинские времена, синдром подозрительности и ненависти, мерзкая инерция нет-нет да и теперь еще проявляются. «Бей гансов!» — подобные хулиганские надписи и ныне еще встречаются на заборах в Риге. О том писала республиканская печать Латвии. Русская поэтесса Людмила Азарова, живущая в Риге, говорит: «Когда в трамвае или другом общественном месте латыша называют фашистом, мне хочется не только вступить тут же на месте, но и что-то сделать, чтобы избавиться от этой жуткой болезни» («Советская Латвия», 1988, 12 августа).

Инерцию прошлого в национальном вопросе одолеть не так-то просто. В обществе всегда находятся низменные, темные силы, бдительно высматривающие, подозрительно вынюхивающие «внутренних врагов» и с легкостью и прежде всего находящих их в среде бывших репрессированных народов. Профессор Р. И. Хасбулатов объясняет это так: «Думается, здесь налицо рецидив «локальной сталинщины»: запугать, поставить «на место»: «Вы-де все равно виновны...» («Комсомольская правда», 1988, 17 июня). Такую попытку запугать, поставить на место советских немцев предпринял подполковник в отставке, член СП СССР В. Г. Рудин в газете «Кузбасс» (1987, 5 августа) в статье хлестко и претенциозно названной «Что помнят о себе немцы?». Нагрозив уйму неточностей и нелепостей, В. Рудин из всех сил старался внушить советским немцам комплекс их «виновности» и оправдать указ от 28 августа 1941 года. Статья Рудина в «Кузбассе» была воспринята советскими немцами как беспардонная провокация, как желание унижить, осрамить народ, возродить излюбленные мотивы сталинского режима (См. «Нойс Лебен»,

№ 4, 6, 38). Попытался задним числом оправдать сталинское решение о выселении чеченцев и ингушей и Г. Муриков («Звезда», 1987, № 12). А значительно раньше, еще в 1970 году, Г. Х. Манджагаладзе в своей кандидатской диссертации «Немецкие колонии в Закавказье. 1917—1920 гг.» писал о российских немцах XIX и начала XX веков как об опоре германского империализма, бескультурной народности, повсеместно враждебно относившейся к власти.

Это было абсолютной ложью, но, видно, и такая клевета кому-то была нужна.

Подобные рецидивы нередко приводят к уродливым искажениям в национальном сознании. «Откуда это больное, искривленное национальное сознание? Что питает его? — задается вопросом татарский писатель. Д. Валеев и отвечает: — Подобное искривление — прямой ответ на такие сталинские политические «шутки», как изгнание с родных земель калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев, крымских татар, как угроза, нависшая тогда вообще над татарами» («Комсомольская правда», 1988, 11 сентября).

К великому сожалению, и поныне еще приходится утверждать банальную истину: нет народа-преступника! Нет народа-негодяя! Нет народа-националиста! Нет народа-предателя! А есть низменные инстинкты, темные силы, стремящиеся стравливать народы, дабы отвлечь внимание обывателя от социальных болячек общества. Поэт Анатолий Жигулин, человек трудной судьбы, в своих «Черных камнях» («Знамя», 1988, № 7, 8) пишет: «Вообще же именно в лагерях окрепло во мне убеждение, с которым я начал и прожил жизнь и которое исповедую и сейчас: нет плохих народов, есть плохие люди. И процент плохих людей примерно одинаков в каждом народе, в каждой нации».

Человек, если он существо нормальное и мыслящее, не может быть счастливым, если несчастливы его близ-

кие, соседи, народ, соседние народы. Сталин насаждал, внедрял противоестественное, разрушал целостное ощущение, восприятие благополучия, нормального человеческого состояния, разделив людей, народы на «надежные» и «ненадежные», на «верные» и «неверные» и т. д. О каких общих интересах могла быть речь, когда национальные интересы рассматривались в антагонизме? И разве можно было говорить о счастье, скажем, русского или казаха, если рядом с ними, вместе с ними жили репрессированные немцы, чеченцы, ингуши, поляки, кумыки, греки, курды, калмыки, балкары? О том верно сказал ветеран Великой Отечественной войны Б. Габисов из г. Грозного: «Поистине чудовищны, не поддаются здравому пониманию карательные акции, чьим автором был, несомненно, «гений всех времен». Из Кабардино-Балкарии выселили только балкарцев. Из Карачаево-Черкесской автономной области — одних карачаевцев. Одни народы возводились в ранг сплошь нравственных, другие изгонялись, словно в чем-то провинились перед страной. Так их сталкивали лбами, сеяли рознь» («Казахстанская правда», 1989, 11 февраля).

Порядочные люди мучились этой несправедливостью, проявляли сочувствие и сострадание, испытывали стыд и боль за политику «отца народов». Эта политика была на руку лишь ублюдкам, насаждавшим зло, смуту, ненависть.

Человеческое в человеке в конечном счете берет верх. Всем нам необходимо терпеливо, повседневно воспитывать в себе благородный принцип сочувствия к незаслуженно репрессированным народам. Постараться понять их, понять их боль, обиды, вникнуть в их просьбы и претензии. Мы все еще немилосердны. Не знаем многих национальных проблем. Не хотим знать. Порой раздражаемся: «Ну, чего им еще надо?» Брюзжим: «Живут не хуже других. Чего им не хватает? Автономию, видишь ли, им подавай!» Теоретизируем: «Не все

ошибки прошлого можно исправить». Отмахиваемся: «Да ну их!» Я часто бываю в Ташкенте и приходится порой слышать недоброжелательное о крымских татарах. Дескать, что же им нейдет, проучить бы их как следует... Мне больно от этих слов. Я слышу в них знакомые мотивы недоверия, подозрения. А некоторые возмущаются печатно. «Настоящее поколение в Крыму и не жило, чего же они требуют туда возврата? К тому же татарское население переселяли не в другую страну, а в СССР. Я считаю, у нас где ни живи, везде наше, нами созданное», — читал я однажды в «Аргументах и фактах» (1987, № 30). Но это мнение простой пенсионерки. А вот Константин Симонов вспоминает: в 46-м ему казалось справедливым «то, что было сделано... с балкарцами, или калмыками, или чеченцами». Он думал, что так и должно быть. «Выселить — и все!» Лишь позже писатель осознал свою ошибку. Странное это дело — глухота к чужой боли, равнодушие. Что это такое — сполна испытали лишь репрессированные народы.

Горе, беды, несправедливость, ущемления бесследно не проходят. Сейчас много пишут и говорят об эмигрирующих в ФРГ советских немцах. Спохватившись, начинаем искать причины. И не всегда вдаемся в то, что это трагедия. Национальная, человеческая. И не жирный кус в пресловутом «фатерланде» соблазняет многих. Основные мотивы отъезда верно уловил Леонид Почивалов в статье «Кто они, эти эмигранты?» («Литературная газета», 1988, № 52): «В третьей волне из СССР уезжает немало советских немцев. Покидают Родину, на земле которой их предки, выходцы из Германии, поселились еще при Екатерине II, покидают не только по экономическим соображениям. Некоторые подчеркивают: натерпелись предостаточно во времена Сталина — массовые высылки, репрессии, а в послекультовые времена подрывала надежды неторопливость властей уравнивать советских немцев с другими нашими

народами не только в гражданских правах, но и в возможностях ими пользоваться. Отъезд немцев — тоже убыток для Отечества. Русские немцы немало дали нашей стране ярких талантов, великий труд вложили в развитие общества. И могли бы вложить. А вот уезжают... Многие — с болью».

Только сейчас начали понемногу писать об этом. Какие-то важные, добрые, сочувственные слова мы находим у Ч. Айтматова, В. Астафьева, Е. Носова, М. Дудина, Р. Гамзатова, Д. Гранина, А. Приставкина, Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Б. Окуджавы. О своих немецких, чеченских, ингушских, кумыкских, корейских сверстниках пишут казахские прозаики. И журналисты все активнее нащупывают болевые точки в весьма актуальных национальных и межнациональных отношениях. Большой резонанс имели статьи «Немцы и мы» Л. Почивалова («ЛГ», 1988, 20 июля), «Горькие яблоки 41-го» В. Савельева («Сельская жизнь», 1988, 6 сентября), «Крымская история» И. Сички («Комсомольская правда», 1988, 25 мая), «Советские немцы: проблемы и надежды» Г. Вормсбехера («Нойес Лебен», 1988, 7 сентября), «Советские немцы перед войной и сегодня» В. Аумана, В. Чернышева («Правда» 1988, 5 ноября), «Судьбы и люди» М. Петрова («Собеседник», 1988, № 52), «Русские немцы» А. Лапина и А. Франка («Комсомольская правда», 1988, 28 декабря) и другие.

И все равно об этой проблеме наш читатель знает еще слишком мало. Прав Ан. Приставкин, когда пишет: «А кто знает о страданиях крымских греков, которые, кстати, доставляли в осажденный Севастополь воду и среди которых не было предателей? Их выселили в Казахстан, Сибирь. А где они теперь? А чеченцы-акххинцы? Их так и не вернули в родные места, а только разрешили хоронить на своих старых кладбищах близких. В их домах, на их земле живут уже внуки и прав-

нуки горцев, которых сюда тоже насильственно переселили. Они не виноваты ни в чем, но как разрубить этот узел?» («Аргументы и факты», 1988, № 48).

Было время, еще совсем недавнее, когда даже немцы в Казахстане засекречивались. В данных переписи 1979 года их просто опустили. Что дунган в Казахстане проживало 22 тысячи, указывалось, а миллион немцев был включен в «и др.». Я, естественно, обрушился на своего друга, известного у нас в республике демографа М. Татимова, но тот смущенно развел руками: такая, мол, установка. Неужто численность немцев — военная тайна? От кого надо было нас скрывать? И разве это способствовало укреплению дружбы народов? Может, и вклад советских немцев в экономику Казахстана засекречен?

Оттого-то мы и приходим в смущение, когда говорим о взаимовлиянии, взаимодействии культур. О влиянии великой русской культуры на национальные культуры мы говорим часто и охотно. И это справедливо. Но не сужаем ли мы искусственно сферу влияния? Раскрываем ли «взаимо»? Высвечиваем ли межнациональные влияния? Не очень убедительно. Мое внимание привлекло, например, мнение академика Академии наук Латвийской ССР Я. П. Страдия: «Напомню, что в культуре Латвии много хорошего когда-то сделали и прибалтийские немцы. Латыши приняли это в качестве своего наследия, подобно тому, как это сделали чехи, поляки, венгры, эстонцы» («Советская Латвия», 1988, 12 августа). А ведь, признаться, некоторым кажется кошунственной, даже неприличной сама такая постановка вопроса. Кое-кто их сверхбдительных может узреть в этом подвох или урон советскому патриотизму. Тоже отголосок консервативного, замшелого мышления...

Строить отношения между народами надо на правде, на полной правде, добре, любви, на возвышенном и бла-

городном, позитивном. Постоянно подчеркивать вклад каждого народа в мощь России, в мощь нашей многонациональной Отчизны. Ведь в сущности, как сказал советский немецкий поэт Фридрих Больгер, «мы все, и те, кто мертв, и те, кто жив, тебе, отчизна, верность доказали». Не надо опасаться, что употребление «инородческих» имен может ослабить советский патриотизм. Не только многомиллионные ивановы, петровы, сидоровы служили вящей славе российского отечества, но и многочисленные пестели, кюхельбекеры, дельвиги, тотлебены, шмидты, кренкели, крузенштерны, беллинсгаузены и т. д. Огромная армия великих сынов, в чьих жилах текла не только славянская, но и германская, романская, тюркская кровь.

Мы разные. Но в наших целях и стремлениях мы едины. Сохранив нашу разность, мы уповаем на нашу общность. Ибо сознаем: в этом наша сила. В этом наше грядущее.

1988

Размышления в Байсунском тупике

В Байсунском тупике в Ташкенте находится дом моих родителей. Здесь они живут без малого двадцать лет. Это своеобразный уголок в огромном шумном городе — частный сектор, островок личных — больших и малых — построек за заборами, почти не видимыми из-за густой листвы фруктовых деревьев и виноградников.

Район этот нередко называют «Шумиловским городком». Получается, как бы крохотный городок в гигантском городе. Со всех сторон высятся казенные многоэтажки, в двух-трех остановках во все времена года гудят пестрые восточные базары, до центра, до метро —

пятнадцать-двадцать минут езды, а тут город не город, село не село, дача не дача, зелень, прохлада, горяшки день-деньской гургычат, петухи перекликаются, собаки брешут да струится по утрам вкусный дух только что испеченных в тандыре узбекских лепешек.

И народ живет здесь простой, трудовой, отнюдь не из высшей иерархии. И по национальному составу весьма пестрый — узбеки, русские, татары, таджики, украинцы, армяне, корейцы, казахи, немцы, греки, перемешанные к тому же нередко родственными узами.

Я охотно приезжаю сюда. Прельщает меня возможность побыть с родными, сосредоточиться, вкусить усладу тишины и покоя, предаться размеренному ритму песуемой жизни, здесь я, окруженный вниманием и заботой родителей, люблю почитать, поразмышлять, пописать.

Но нынче было шумно и колготно на нашем подворье в Байсунском тупике. На восьмидесятилетие отца, коммуниста с полувековым стажем, Отличника здравоохранения СССР, Отличника народного образования Казахской ССР, персонального пенсионера и поныне активно работающего в парткомиссии Хамзинского райкома партии Ташкента, понаехало немало народу, и в течение нескольких дней продолжались семейные торжества с шумными, как водится, застольями, песнями, музыкой, речами, пляской, весельем. В этой в общем-то приятной, хотя и немного утомительной, кутерьме едва удавалось полистать центральные и местные газеты, послушать радио и посмотреть кое-какие телевизионные передачи.

Поздними вечерами на Шумиловский городок как-то сразу обрушивалась «азиатская тьма», по выражению Анны Ахматовой, наступала желанная тишь, зной сменялся упоительной прохладой, я устраивался на ночлег в бывшем курятнике за домом, весьма уединенном за-

кутке, с кроватью и крохотным столиком, заваленным газетами, журналами, книгами, бумагой, и перебирал, «переваривал» в вожденном одиночестве дневные впечатления, предавался думам о том, о сем, что неотступно, каждодневно волнует и смущает душу, ввергает порой в изнурительную бессонницу.

• • •

А для тревог и душевной смуты оснований более чем достаточно. Беспокойство ныне охватило всех. И газеты решительно отринули сладкую ложь во спасение и никого не убаюкивают, не утешают. Не грохочут, как бывало, браурные марши. И зажигательные речи «лозунгового социализма» никого не прельщают. Сыт народ речами на много лет вперед. О достижениях и успехах — даже если они где-то и есть — слушать стало невозможно. «Отечество в опасности!», «Мы на краю пропасти!», «Кризис неминуем!», «Через год-полтора наверняка перейдем на карточную систему», — упорно вдабливают экономисты в головы и без того перепуганных бесконечными нехватками-напастями соотечественников, почти изверившихся во всем.

Все взбаламучено. Все недовольны.

«Вроде раньше столько безобразий не было», — сокрушается моя мама, прожившая на белом свете восемь десятков лет и изведавшая немало общественных потрясений.

Вокруг Министерства социального обеспечения в Алма-Ате напротив моего дома с раннего утра до позднего вечера толпятся, кружатся, сидят на траве скорбнолицые, безнадежно уставшие, больные старухи с тощими узелками, с «авоськами» и в ожидании переоформления пенсионного дела рассказывают друг дружке неве-

сельные истории своей жизни. Все о том же: как жить? Как сводить концы с концами? Продукты почти недоступны. Лекарства не достанешь. Маленькой «пенсией» никакие дыры уж не залатаешь.

Пятнадцатилетние юнцы пишут в «Комсомольскую правду»: во что верить? Кому верить? Подскажите цель жизни. Один даже заявил: «Впору утопиться».

Кажется, многие потрясены, подавлены враз обрушившейся вселенской «чернухой», хотя и до того знали и видели нашу — говоря словами Гоголя — «повсюдную бестолковость».

Нет покоя под оливами. И даже под тихими виноградниками в Байсунском тупике.

Нигде.

...

Из Алма-Аты я вылетел накануне обнародования в печати проекта «Закона о языках в Казахской ССР». Я входил в рабочую группу по разработке этого проекта. Несколько месяцев наша группа подолгу заседала, сопоставляла и сравнивала проекты и уже утвержденные «Законы о языках» в других республиках, вырабатывала — в спорах, дискуссиях — наиболее оптимальные, приемлемые для Казахстана статьи и формулировки.

Признаюсь: скрупулезная, адовая работа! Со студенческих лет я в той или иной мере занимаюсь лингвистическими проблемами, но еще несколько лет назад и представить себе не мог, что языковые вопросы станут ареной жарких баталий и яростных ристалищ. Язык обернулся ныне остро национальной, предельно политизированной проблемой, способной вызвать самые неожиданные и опасные акции.

Стоило мне в одной из статей допустить неловкость

в одном-двух выражениях, как в течение месяца мне пришлось выдержать тяжкий прессинг: меня «разоблачали», прорабатывали на публичных собраниях, мне угрожали по телефону, а в редакции, в разные высокие инстанции и на домашний адрес сыпались гневные письма в отнюдь не парламентском стиле.

Самое любопытное в этой истории то, что я, воспитанник казахской школы, говорящий и пишущий на казахском языке, переводчик казахской литературы, автор ряда статей в защиту самобытности, богатства казахского языка и речестроя, возбудил вдруг в одночасье острую неприязнь некоторой части казахской интеллигенции всего лишь из-за того, что публично усомнился в необходимости скорейшего, незамедлительного придания государственного статуса в республике казахскому языку, ничуть не возражая в принципе против этого, но искренне полагая, что вначале необходимо провести основательную, многолетнюю подготовительную работу.

Вот так-то!.. Ныне язык, языковедение — не тихая гавань. И удивляться этому не приходится. Национальные вопросы обострились до предела, а язык — как известно — душа нации. И она, душа, корчится от боли, когда ей худо, когда больно.

Язык, язык, язык...

И здесь, в Узбекистане, газеты пестрят статьями о языках: идет обсуждение проекта «Закона о языках в Узбекской ССР».

Суть знакома, понятна. Аргументы нетерпеливых сторонников придания языку коренного населения в национальных республиках государственного статуса хорошо известны. И ход рассуждений их противников тоже успел уже набить оскомину. Доводы и контрдоводы, примеры и мотивировки, даже формы выражения в этом затянувшемся диспуте во всех республиках если

и не совсем одинаковы, то по крайней мере весьма созвучны.

Вырисовывается некая общая тенденция: во всех республиках объявить язык коренного населения государственным, русский язык считать средством межнационального общения (каковым он, в сущности, является уже давно, и сейчас пришло время придать ему статус общегосударственного или официального), проявлять максимальную заботу о развитии языков других национальностей и народностей, проживающих в той или иной республике. Таковы общие контуры, общая схема законов о языках.

Казалось бы все просто и ясно. Но как только начнешь расписывать эти общие постулаты по статьям, раскладывать на составные части, примерять это общее положение к реальной, конкретной жизни, прикидывать все меры практического осуществления теоретических установок, способы внедрения, реализации их в жизнь, вникать во все исторические, культурные, психологические, этнографические, экономические, юридические, философские, политические, педагогические, социологические, общественно-нравственные и прочие мотивы и нюансы, то все эти языковые проблемы обретают такую беспредельность и глобальность, что только на описание всех этих аспектов потребуется неизмеримое количество бумаги и в конечном счете сам черт ногу сломит, ибо после многодневных, многомесячных споров немудрено и вовсе потерять нить первоначального разговора.

Увы, я в этом убедился. За последние годы сподобился пройти через это.

Между тем я понимаю так, что в этом вопросе основополагающими являются два подхода.

Если все эти дискуссии о языках имеют целью главным образом ЗАБОТУ о сохранении, процветании, благоденствии родной речи (а в ходе споров мы убедились,

что с ней плохо, иногда катастрофически худо у всех народов нашей многоязычной страны), если все эти законы, положения, меры принимаются исключительно во имя сбережения национального духа, национальной культуры и самосознания, то все наши усилия и старания в этом направлении несомненно благо, и их надо всячески приветствовать, их практическому осуществлению необходимо активно содействовать. В самом деле, разве кому-нибудь плохо оттого, что любой, каждый национальный язык получит возможность максимально развиваться, процветать и общественно функционировать на радость и гордость носителей данного языка и их потомков? На это, по-моему, и нацелены прогрессивные общественные и государственные устремления. О том свидетельствует и платформа КПСС «Национальная политика партии в современных условиях», принятая Пленумом ЦК КПСС 20 сентября 1989 года.

Но... если весь этот сыр-бор затевается ради совсем иных политических или социально-эгоистических целей, если язык лишь ширма, если все эти разговоры о языке лишь средство навязывания своей воли, желание кому-нибудь досадить, кого-то ущемить, проявить с помощью языка насилие над иноязычным соседом, поставить «мигранта», «чужака» в тяжелое положение, а себе любой ценой обеспечить режим наибольшего благоприятствования, прибегнуть к языковому экстремизму, иначе говоря, использовать «свой» язык как орудие насилия над «другими», как дубинку, которой при случае можно потюкивать «пришельцев» по голове, то — о чем тут речь? — это просто-напросто нечестный прием, неблагоприятный поступок, нетерпимость, откровенно недобрый умысел и замысел, у которых совсем иное название, иная этическая классификация. Язык в таком случае совсем ни при чем. И нечего пускать пыль в глаза и делать вид, что заботишься о сокровенном, о родной речи. Это забота о нечто совсем другом. И вряд

ли корректно делать ставку на то, чтобы кого-то сбить с толку, ввести в заблуждение. На такой мякине ныне никого не проведешь.

Наивно думать, что можно с помощью одних лишь законов и директив заставить кого-то изучать язык. Для этого прежде всего необходима добрая воля, желание. Или — на худой конец — острая, вынужденная необходимость. Глубокое заблуждение, безнравственно — спасать, развивать «свой» язык, ущемляя, унижая, оттирая другой. И уж совсем несерьезно, смехотворно строить языковую политику в строго ограниченных временных рамках, определяя законодательным актом сроки для овладения языком. Так, например, в проекте С. Азимова на овладение узбекским языком неузбеками отводятся пять лет, в Молдавии и Таджикистане указывается десятилетний срок, в Прибалтике — от 2 до 4 лет. Неужто кто-то думает, что это реально? Прав, по-моему, член-корреспондент АН Узбекской ССР Э. Фазылов: «В мировой практике (даже в условиях оккупации) нет прецедента тотального овладения населением тем или иным языком за три-четыре года» («Правда Востока», 1989, 5 сентября).

На насилии ничего не построишь. У языкового экстремизма нет будущего. Скорее, он ведет к обратному эффекту.

Знакомый языковед как-то сказал мне: «Примем Закон и заставим русского баскарму (председателя) говорить по-казахски!» Я ответил: «Ну и что? Вызубрит он с горем пополам десяток или сотню слов, будет косноязычить лад не в лад, много ли оттого проку казахскому языку? Будет ли это способствовать развитию казахского языка? Ведь сама казахская мудрость гласит: «Старый урус мусульманином не станет». Языковед задумался: «Э... так-то оно так. Но все равно... заставим!»

Моя сестра, немного владеющая казахским, пони-

мает кое-что и по-узбекски и охотно употребляет в разговоре со сослуживцами узбекские слова и фразы. Но когда на ее работе объявили, что все в обязательном порядке должны овладеть в такой-то срок узбекским, то, по ее признанию, у нее пропало всякое желание учить язык, то есть принуждение вызвало в ней душевный дискомфорт, глухое сопротивление. И это понятно. Справедливость в том, чтобы обеспечить равноправие языков, их всемерное развитие и свободный выбор языка обучения. Эти правила должны быть неукоснительно соблюдены всюду в нашем обществе.

Строить языковую политику, межнациональные отношения возможно лишь на фундаменте Добра — на взаимоуважении, взаимной тяге и симпатии, на гуманизме, на подлинной человеческой, всечеловеческой культуре. Лишь в таком случае будут работать «Законы о языках». Принятые на другой основе, ради иной цели, они заведомо обречены на провал.

И «Законы о языках» должны прежде всего гарантировать добрые отношения между людьми разных национальностей, способствовать сближению народов, а не разъединению, не отчуждению. Иначе этим законам грош цена.

Жизнь мудра и справедлива. Да и многоязычный люд у нас пока не лишен здравого ума. Так что языковые проблемы жизнь и люди решат вполне справедливо и объективно, полагаю, и без узаконенных и регламентированных положений. Правда, и то верно, что добрые и справедливые законы имеют свойство иногда способствовать прогрессу.

• • •

Не выходит из головы трагедия турок-месхетинцев. Советские немцы восприняли ее как личную. Как же: схожие судьбы. И где гарантия, что подобное не случит-

ся и с ними? Некоторых моих соплеменников эти страшные события подтолкнули к эмиграции.

Найти бы такие слова, чтобы даже толстокожий обыватель ужаснулся, содрогнулся, сказал: «Какой позор! Это не должно повториться! Никогда! Ни с одним народом!» Нужно достучаться до сердца каждого, возбудить в нем понимание, еще лучше — сочувствие, сострадание, желание помочь тем, кто был невинно обогнан, выслан из родных мест, унижен и растоптан. Вот о чем мечтается! Вот тот идеал, к которому стремится душа. Это то, о чем говорил В. И. Ленин: «В нашем идеале нет места насилию над людьми».

А как мы далеки от него! И какое это горе, что мы от него так далеки...

И опять вспоминаются кошмарные ферганские события... Вот что писал журнал «Новое время» (1989, № 37): «Фергана... Отдаем ли мы себе отчет, что именно произошло? Республику покинули около 50 тысяч турок-месхетинцев, из них более 16 тысяч были вывезены в экстремальных условиях с военного полигона, на котором они нашли временное убежище от ужасов погрома. Так что же это такое, как не вторичная депортация?»

Чем, в самом деле, объяснить тот дикий разгул, тот вандализм, тот кошмар, который среди бела дня творил один народ над другим народом — над народом-изгнанником, народом репрессированным?!

Меня как-то мало убеждают пространные объяснения о монокультуре, о безработице молодежи, о тесноте, о материальных трудностях. Неужели этим, исключительно этим объясняются насилие, надругательство, убийство, поджоги, грабежи, мародерство, вандализм? И где, в каком уголке нашей страны сейчас тишь да благодать, где не тесно, не голодно, не бестолково, так, что же, сразу за оружие, стенка на стенку, разгул и резня?! До чего же мы дожили, если каким-то недоумкам почудилось, будто национальный вопрос в нашей

стране можно решить с помощью автоматов, винтовок, гранат, мин? Откуда в наш век гласности это стыдли-
вое желание объяснить откровенно-пещерно-низменную
всдышку некими происками таинственных экстремистов,
хулиганствующих элементов, наркоманов и уголовни-
ков? Почему эти загадочные «элементы» при рассекре-
чивании в лучшем случае оказываются подонками-под-
ростками, незадачливыми слесарями, сантехниками
или вообще бездельниками-тунеядцами, как это упорно
внушает нам печать? Откуда, спрашивается, у них такая
власть, такая сила, такая организованность и мобиль-
ность, такое разнообразие смертоносного оружия? От-
куда у них эти человеконенавистнические лозунги, эта
продуманность действий и целенаправленность поступ-
ков? Неужто некий 20-летний Хабибулло Абдрахманов,
которого с такой значительностью дважды демонстри-
ровали по программе «Время», и есть один из главных
зачинщиков ферганского бесчинства, от которого пос-
традало столько невинных гражданских и военных лиц?
Ай-ай, какой он страшный, жестокий и коварный, этот
всесильный сопливый Хабибулло!.. Страшен, конечно,
этот озлобленный насильник, но на ум упорно приходит
казахская мудрость: «Выпивший айран спасется, обли-
завший ведро попадетса».

Убежден: подобные позорные явления — где бы они
не происходили — должны получить свою точную, суро-
вую политическую оценку. И не надо, видимо, бояться,
будто тень позора упадет на весь народ. Не упадет! Ни-
кто никогда не обвинит весь народ из-за кучки подон-
ков, вышедших из его среды. Народ, обладающий здра-
вой нравственностью, найдет в себе силу не отождеств-
лять себя со «своими» негодяями, срамящими его перед
всем миром. И постыдно принимать «отцами нации», а
то и крупными государственными и партийными чинами
по телевидению перед многомиллионной аудиторией
позу недоумения, разводить пухлыми ручками и слад-

ким голосом завязтого тамады объяснять кровавую расправу над незащитными людьми всего-навсего рядовой бытовой стычкой, недоразумением на базаре, когда якобы представитель одной национальности швырнул в лицо представителю другой нации тарелку клубники или один у другого отобрал кружку пива. И разве не кощунственно, когда руководимая тобой республика объята пожаром, страшной бедой, опять-таки перед всей многонациональной страной без конца повторять ставшую ныне повсеместно крылатой сакраментальную фразу: «Минуточку! Все хорошо, все нормально!»? (Полагаю, фраза эта может попасть со временем в фразеологический словарь, как и родственная ей — «Все хорошо, прекрасная маркиза!»)

Сколько развелось у нас подобных «деятелей», которые именно с такой колокольни видят разбушевавшиеся у нас национальные страсти и именно с такой позиции намереваются их решить.

Смешно и горько!

Как необходимо в подобных случаях трезвое и правдивое слово национального интеллигента, в первую очередь писателя — выразителя национального духа, глашатая высоких истин! Сделаю здесь ссылку на Д. А. Гранина: «И потому у меня в голове не укладывается, как моя любимая Грузия, ее замечательная интеллигенция может безмолвствовать во время бесчинств в Абхазии».

Ферганские события я воспринял как страшное личное горе. Я недоумевал, терзался сомнениями, болью и обидой. Как?! В любимом Узбекистане? Невозможно, невымыслимо, чудовищно! Я жадно, с нетерпением, с дрожью в сердце ждал, что по этому поводу скажут известные, почитаемые мной узбекские писатели.

Тщетно! Более месяца находясь в Ташкенте, я просматривал кипы газет на русском и узбекском языках, слушал радио, надеясь увидеть, услышать веское писа-

тельское слово о том, что случилось с турками-мехетинцами и — главное — как вообще такое могло случиться. Кто еще о том скажет, как не национальный писатель? Нет, ничего мне на глаза не попадалось, кроме лапидарных сообщений о судебных процессах в Ферганской области. Будто и не случилось ничего. «Минуточку!.. Все хорошо, все нормально!»...

Выступая на сессии Верховного Совета СССР, писатель Василий Белов сказал: «Мне хотелось услышать, в чем же причины ферганской трагедии? Ведь во времена так называемого застоя люди в Узбекистане не резали детей и женщин, не стреляли в соседей из автоматов. Мы ничего не слышали по этому поводу. Ташкентские руководители отмалчиваются» (См. Досье «ЛГ», № 1. С. 11).

То, что отмалчиваются «ташкентские руководители», меня менее всего тревожит, ибо их суждения в этом вопросе вряд ли могут кого-либо удовлетворить. Уж коли сами «столичные» руководители склонны объяснять национальные конфликты с помощью «тарелки клубники», то несложно представить ход рассуждений по этой части «руководителя» рангом пониже. А вот то, что отмалчивается узбекская интеллигенция, молчат писатели, меня не только волнует, но очень и очень серьезно беспокоит.

И вот в «Правде» (1989, 8 сентября) появилась статья народного писателя Узбекистана, лауреата Государственной премии СССР Хамида Гуляма «Образ друга». Почтенный Гулям-ака сказал немало хороших слов о своих эстонских, латышских, литовских братьях по перу, а о ферганских событиях обмолвился одним лишним предложением: «Я уверен, что добрые чувства к нам, узбекам, не только у прибалтов, но и у других народов, поколеблены в связи с событиями в Фергане...»

Полагаю, Гулям-ака тут не прав. Добрые чувства к древнему, прекрасному, трудолюбивому узбекскому на-

роду никак и ни у кого не поколеблены. Думаю, есть только чувство брезгливости и гадливости к насильникам, убийцам, вандалам, опьяненным ненавистью и злобой, и к тем закулисным режиссерам, изощренным демагогам и политикам, которые в угоду своей низкой корысти ловко натравили «своих» на «чужих». Вряд ли кто-нибудь понимает и трактует случившееся превратно. Но — повторяю — загадочное молчание передовой узбекской интеллигенции по этому позорному поводу вызывает откровенное недоумение. Как мы все нуждаемся в ее авторитетном мнении!..

Много ныне говорится о «теневой» экономике. Увы, не только экономика, многое у нас нынче в тени. Во всех сферах нашей жизни существует грозная и опасная тень. И не счесть рыцарей тени. Они, напуганные, расстроенные эпохой гласности и демократии, затаились, спрятались и шипят, шушукаются, злословят, потирают руки, похихикивают, нашептывают, сеют смуту и раздор, стравливают доверчивый, неискушенный в кознях люд, подогревают темные инстинкты.

Вот на кого следует направлять свет интеллектуальной мощи лучших сынов народов и наций. Борьбы не избежать. В сторонке не прожить. И уж кому-кому, а интеллигенции, истинным партиям, радетелям прогресса отсиживаться не пристало.

Перестройка — та же передовая.

Вспоминается Эрнест Хемингуэй. Он писал мужественно и резко: «...чем ближе к передовой, тем более замечательных людей там встречаешь; зато те, кто затевает, разжигает и ведет войну, — свиньи, думающие только об экономической конкуренции и о том, что на этом можно нажиться».

Кому-то в наше время очень и очень на руку межнациональные распри и междоусобица. Они имеют от этого, видимо, немалый «навар». Таких необходимо решительно выволакивать из тени на свет божий, разоб-

лечать их иудушкин словесный гной, развевать дематогический туман и, назвав их поступки подлинным именем и дав им точную оценку, действовать соответственно закону и человеческой нравственности. А главное — не брать под защиту, под крыло «своих» мерзавцев, унижающих род, племя, нацию. Это не имеет ничего общего с национальным единством и национальным самосознанием. Древняя истина, которой следует проникнуться всерьез.

И вообще, рассуждая о тех или иных национальных проблемах, никогда нельзя упускать из виду общечеловеческое.

Человек больше, выше, шире нации. Следовательно, права человека выше прав нации. Когда ЧЕЛОВЕК и НАЦИЯ вступают в противоречие или когда отдельная нация ищет себе приоритет в роду человеческом, кризис в той или иной форме неминуем.

Так было всегда. То же происходит и сейчас.

• • •

Некоторые точно помешались нынче на национальной почве. Если тысячу раз говорить: «халва, халва», во рту сладко не станет. Оттого, что мы везде и всюду талдычим о национальных отношениях, эти самые отношения никак не улучшатся. А вот вред от бесконечной долбежки, от педалирования проблемы очевиден.

Сужу по себе. Еще каких-нибудь пять лет назад, сидя на собраниях, скажем, в Союзе писателей Казахстана, я совершенно не обращал внимания на то, кто с кем сидит и кто восседает в президиуме. Точнее, я замечал лишь людей, а кто какой национальности — это как-то в сознании совершенно не фиксировалось.

И вот пошла полоса интенсивного разговора об интернационализме, о дружбе народов, о национальном самосознании и межнациональных взаимоотношениях. И я выступал на эту тему с разных трибун, написал

десяток статей. И вдруг ловлю себя на том, что я уже не столько людей замечаю, сколько в обязательном, каком-то невольном порядке определяю их национальность. Смотрю в зал и фиксирую: «Вон сидят казахи, там кучкуются русские, в том углу сгруппировались уйгуры, в другом вперемешку жмутся немцы и корейцы». Прямо наваждение какое-то!

Смотришь в президиум и опять в уме подсчитываешь, прикидываешь: «Каков там национальный состав? Так!.. Русский есть, казах есть, еврей есть, дунганин есть, татарин есть, уйгур, кореец на месте... Ага!.. Немца-то опять забыли...» И уже чувствуешь себя дискомфортно. Вроде обделен, что ли...

В последние годы я часто восседаю в разных торжественных президиумах. По выражению М. Светлова, «пропах президиумом». Сижу порой без какой-либо надобности. Просто так, представляю одну из национальностей Казахстана. Иногда невольно усмехаюсь: долгие годы меня не сажали в президиумы главным образом потому, что я немец (были ведь ограничения, куда денешься!); теперь же именно по этой причине чаще, чем надо, сажают в президиум (как же, интернационализм на деле). О, изменчивый, переменчивый мир!

Поделился я как-то своим наблюдением с товарищами, и те тоже признались, что постоянно — помимо воли! — занимаются раскладкой и подсчетом национального состава своего окружения. Знакомый партсекретарь сказал мне, что он неизменно и строго следит за тем, чтобы в президиум собрания или в какие-нибудь списки, комиссии и т. д. непременно включались все национальные представители коллектива. А то обид не оберешься.

Ну, не уродство ли это? Это называется — дожили!..

Многих раздражает пресловутая пятая графа в анкетах. Иногда высказывается мнение, что достаточно

эту графу ликвидировать, как в решениях национального вопроса само собой произойдут позитивные сдвиги.

Не уверен, что это так. Однако не раз убеждался в том, что пятая графа очень часто просто формальность, а то и нонсенс, бессмыслица. Ну, согласитесь, нужна ли она, скажем, при определении в гостиницу или при вступлении в шахматно-шашечный клуб? Или когда принимают на работу вахтера, большое ли значение имеет его национальность? Или, может, доподлинно установлено, что немец спит на работе меньше, чем казах? Нелепость да и только!

Особое недоумение вызывает у меня, когда взрослые настойчиво допытываются у малых детей, какой они национальности. Для иных это почти невозможно. Определить национальность по матери? А если мать по отцовской линии — татарка, по материнской — полумордовка, полуукраинка? И ни один из них не владел родным языком. А сама она воспитывалась в русской среде и говорит только по-русски? Определять национальность по отцу? Ну, а если у него отец-немец, а мать — армянка, а сам он в паспорте записан русским?

Я могу привести ряд таких комбинаций из своего же родственного окружения или не выходя далеко из Байсунского тупика, где сейчас пишу эти строки. На восьмидесятилетие своего прадеда в Ташкент приехали мой внук и внучка моей сестры. У моего внука по двум линиям насчитали шесть национальностей, в жилах внучки моей сестры течет кровь четырех национальностей. Так какой национальности эти милые создания? И как их изволите записать в будущем школьном журнале? И вообще нужна ли там эта графа? Может, кому и нужна для каких-то отчетов, но, полагаю, только не детям.

Я могу привести немало примеров, когда цыгане, немцы, удмурты, коми, чуваша, мордва записаны русскими. Многие казахи, татары, таджики в Узбекистане числятся узбеками. Так что статистика по националь-

ному составу — нечто весьма условное и приблизительное.

Как-то зашла ко мне пожилая немка. Она все допытывалась у меня, будет ли восстановлена автономия советских немцев на Волге. Если да, уверяла она, то обязательно переедет туда с двумя внуками, правда — тут она усмехнулась — одна армянка, другая — азербайджанка, обе черненькис, прехорошенькие, уже сейчас немного говорят по-немецки, а там, на Волге, и вовсе станут немками...

Словом, жизнь ставит все больше проблем в национальном вопросе, и старые формы, представления, каноны, стереотипы, за которые кое-кто отчаянно цепляется, как за некую «этническую доминанту», нуждаются в серьезных коррективах.

• • •

В узких, тенистых и пыльных переулочках, тупиках, зажатых между заборами, самозабвенно играют дети — чернявые, смуглые, рыжие и конопатые, вихрастые и наголо остриженные, черноглазые и голубоглазые. Галдят, носятся вдоль арыка, как ошалелые, нервируя собак за воротами, играют кто во что горазд. Многих я узнаю по их родителям: лет восемнадцать назад, помню, они так же резвились на этих улочках. Правда, те звали тогда меня «дядя Гера», а эти — все чаще зовут «деда Гера». Мигом окружают меня, оглядывают пытливо с ног до головы моего засмущавшегося внучонка, впервые приехавшего сюда из Москвы, с любопытством спрашивают: «А это кто такой?» И, получив ответ, тут же дружно вовлекают его в свою компанию, кто-то сует ему кусок лепешки, кто-то — яблоко, третий — гроздь винограда, а загорелые девчушки в цветастых платицах, с тоненькими косичками, торчащими из-под тюбетеек, тотчас берут моего внука под опеку, похло-

пывают по плечу, по спинке, поглаживают по голове, воркуя: «Сева, Сева... халосенький какой... Ай-ай!»

Я улыбаюсь: счастливы! Нет им дела до каких-то национальных проблем и отношений, и язык у них свой, доступный, всем понятный, желанный, и неважно, государственный он или всего лишь средство межнационального общения.

А вот взрослые... Хотя опять-таки какие взрослые...

На Байсуевской улице сегодня свадьба. На рассвете разбудил меня рык керная, вслед посыпалась дробь бубна, а потом над всей махаллей (кварталом) полилась ликующе-восторженная длинная восточная песня.

Да, свадьба! Хозяин-узбек выдает дочь. Ворота широко распахнуты. Во дворе за длинными столами гомонят гости. Круглый стол, укрытый зеленой плюшевой скатертью, вынесен за ворота, на улицу. На столе горка лепешек, в кесушках зеленый чай. На стульях чуть в сторонке важно восседают седобородые старики в чапанах и чалмах. Подходят и подъезжают поздравители, учтиво здороваются со стариками, те чуть заметно кивают, бормочут благословения, и все молитвенно складывают ладони, оглаживают лица, говорят: «Бисмилля!» — «Во имя аллаха»...

Подходят не только узбеки. Спешат куда-то прохожие. Их тоже приглашают к столу.

— Э, брат!.. Присядь, лепешки отведай.

— Ай, сестра! Чайку попей. У нас — праздник!

«Брат», «сестра» — такова традиционная форма обращения в Ташкенте.

Через некоторое время из ворот выходит пухлая, лет тридцати пяти, узбечка в ярком одеянии, в цветастых шальварах, ловко неся на воздетых руках два лягана (подноса) с горкой плова. Она вся сияет, черные глаза лучатся. Подходит к воротам, где живут русские, громко зовет:

— О-ля!.. О-ля!..

Выходит Оля, разбитная, непутевая бабенка, и узбечка протягивает ей ляган с пловом:

— Пыжалста! От наш дом.

Потом она проплывает мимо меня, стрельнув глазами, вежливо здоровается и стучит в ворота другого соседа, армянина Жоры:

— А-ся!.. А-ся!..

Выходит Жорина сноха, маленькая, хрупкая, милотвидная татарочка Ася, и узбечка подает ей другой ляган с дымящимся, золотистым пловом.

— Пыжалста! От наш дом.

И, довольная, вся какая-то томно-благодарная, колыхая тяжелыми бедрами, шествует обратно домой, скосив мимоходом глаза на Севушку, жмущегося к моей ноге.

— Внук, да?! Ай, ай, хорошо! Тьфу-тьфу... пусть счастливый будет...

За два десятилетия, приезжая сюда по несколько раз в году, я ни разу не слышал в этой и близлежащих махаллях про какие-то стычки или недоразумения на национальной основе. Более того, я не слышал, чтобы вообще кто-то из разноплеменных обитателей этих улочек и закоулков заводил на эту тему разговор. Я побывал здесь на многих свадьбах, именинах, поминках, торжествах по разным случаям, на которых, как правило, участвовал трудовой люд восьми-десяти национальностей, но не был свидетелем какой-то распри, обиды или хотя бы размолвки по этой причине.

И каждый раз мне вспоминался маленький аул на берегу Ишима, где я вырос и где тоже не припомню ни одного случая, чтобы кто-то косился на кого-то из-за национального происхождения. Мы там прожили почти тридцать лет, и мать моя недавно задумчиво заметила: «Я перебираю в памяти всех жителей аула того времени, и ни об одном из них ничего плохого сказать не могу».

Да, это так!

Может, мы были исключением? Может, это я был таким счастливым? Может, люди раньше были лучше, добрее, благородней? А, может, простой, трудящийся человек в этих вопросах вообще мудрее, шире, естественней? Может, так называемый национальный вопрос в разных сферах общества, в разных слоях социальной жизни, «наверху» и «внизу» воспринимается совсем по-разному? И, может, в наших спорах, рассуждениях по этой части вообще много лишнего, наносного, искусственного, далекого от реальной конкретики бытия? Может, многие страсти нагнетаются зря, подогреваются праздным и недобрым умом? Или это просто безумие, безрассудство?

Что и говорить, искривились ныне пути-дороги человеческие, скособоились, извратились нравы, озлобился род людской и не всегда ведает, что творит...

...

Угнетает, удручает одно явление, которое в последнее время обретает все более четкие очертания, — русофобство. Становится какой-то дурной модой ругать, разоблачать, развенчивать все русское. Это не только несправедливо, но и отвратительно, как и любое «фобство» — юдофобство, германофобство и так далее. Смеем думать, что и оно, уродство это, родилось не в глубинных сферах многоязычной человеческой жизни, не в самих недрах социальной жизни, а проистекает откуда-то сверху, а, может, сбоку, словом, немного со стороны, как бы извне.

Известно: все на свете объяснимо. Объяснимы и причины этого явления. Их пытаются объяснять и исторически, и философски, и психологически, и той некой особой ментальностью, которую сами русские так охотно обволакивают в мифический флер «исключительности», «загадочности», «судьбоносности», «мессианства».

Все это не очень убеждает и мало кого прельщает.

Одно бесспорно: есть великий русский народ, есть великая русская история, великая русская культура и великий русский язык. А вот «исключительность», «загадочность», невозможность измерять аршином и понять умом — миф, поэтический туман, попросту — приписка. Любой народ исключителен и загадочен. Да и не всякого тем же аршином измеришь.

Должно быть, такая претенциозность да еще пресловутый, идеологически насаждаемый, внедряемый стереотип «старшего брата», благодетеля и радетеля всех «иностранцев» вкупе с иными своеобразными национальными чертами характера и родили у «младших братьев» некоторые сомнения, раздражение, обиды, в результате чего и возник кое у кого опасный симптом русофобства.

Времена меняются. Несмышленные некогда «братишки» выросли, окрепли, набрались ума, встали на ноги, оглянулись и увидели: у самого «старшего брата» не все ладно, а, скорее, наоборот, и пора бы и ему о себе, о своей родной земле, о заброшенных своих деревнях, о загубленных озерах и реках, о неустроенном быте и неухоженном своем народе всерьез подумать и позаботиться, а не учить по инерции других дефицитному уму-разуму да внушать, как жить-поживать да добра наживать.

Кандидат философских наук А. Жариков в статье в «Правде» (1989, 22 августа) пишет: «Стереотип «старшего брата», долгое время воспринимавшийся как нечто естественное и нормальное, свой позитивный потенциал исчерпал».

Думаю, это так. И если даже позитивный потенциал исчерпан далеко не весь, вероятно, декларировать его постоянно, подчеркивать, тыкать им в глаза, а то и навязывать, насаждать, уже не стоит, уже ни к чему. Истинно великое не нуждается в постоянном внушении.

И не надо кичиться числом, подавляющим процентным показателем, исторической ролью в всемирной цивилизации.

Отрицать заслуги и достоинства русского народа, подыскивать ему негативные определения, в чем упражняются ныне иные «специалисты», — глупость, нонсенс.

И уж совсем глупы, смешны выпады против русского языка. Какая бестактность — называть его «языком оккупантов»! Причем тут русский язык — прекрасный, богатейший, выразительнейший?! Да мы все, так называемые инациональные, живущие в необъятной нашей стране, без русского языка — нищие, беспомощные. Почти ничто! Гордиться надо русским языком, благодарить судьбу за то, что им владеешь, радоваться за него, а не хаять, не унижать, не презирать, не оскорблять.

Мне и раньше приходилось говорить об этом. И, помню, один из моих оппонентов как-то насмешливо бросил: «Русские и русский язык в твоей защите не нуждаются. Они как-нибудь без тебя обойдутся. Ты уж лучше позаботься о своем немецком или моем казахском».

Нет, неверно! Русский язык, как и истинно русская культура, ныне уже нуждается в защите, в заботе, в сбережении, в любви. Как и все остальные языки в нашей стране. Общими усилиями — как русских, так и нерусских — мы незаметно нанесли ему немалый урон, обеднили, засорили его, лишили первозданности и природной красочности, выразительности, крепости, превратили его в сплошной акцент. Благодаря русскому языку, мы обрели многое, приобщились к мировой культуре, так что пора возвращать долг и проявить к нему сыновнюю любовь. Думаю, эта идея, этот мотив должны быть отражены во всех республиканских законах о языках.

А русофобство — невежество. Стыд и позор. Дикость,

безрассудство. Это значит унижать себя, свой народ, свой остров.

Русофобство — омерзительно.

• • •

С детских лет затвердилось гордое, вызывающее, максималистское: «На проклятые вопросы дай ответы мне прямые!»

Для меня, для подавляющего большинства моих соплеменников разных поколений такой «проклятый вопрос» — жизнь и судьба советских немцев. Эта боль сидит в душе как гвоздь. И не выдернуть его. Никак...

На седьмом году жизни познал я омерзительный указ от 28 августа 1941 года и последовавшую за ним тотальную депортацию моего народа — немцев Поволжья. Недоумение и горе в глазах мужчин, скорбный плач женщин, притихшие, перепуганные дети, рев недоенных коров, тоскливый вой собак, брошенные со всем имуществом родные дома, спешные сборы, военные, шаставшие по опустевшим деревням, «теплушки», в которые загоняли по восемь-десять семей с их жалким скарбом, долгий путь в неведомые края...

Навсегда это врезалось в память. И теперь еще, спустя полвека, часто снится мне один и тот же сон: мчится, подпрыгивая на ухабах, раздрызганная полуторка по пустым полям, везет нас, последних немцев, из Гнаденфлюра, центра кантона, на станцию, откуда вот-вот должен уйти последний эшелон с выселяемыми. Не дай бог опоздать, отстать! Тогда случится непоправимое, произойдет кровопролитие, ибо Советская власть вынуждена будет по законам военного времени применить карательные меры против всего немецкого населения. Да, да, именно так, именно такими словами сказано в сталинском указе. А «любимый вождь» слов на ветер не бросает.

А что потом? Потом тяжкая доля спецпереселенца:

великая неустроенность, холод, голод, отчуждение, мор, гибель, уничтожение взрослого населения в трудармии, за колючей проволокой, комендатура, еще указ, еще и еще, один подлее, кощунственнее другого, сплошная цепь унижений, ограничений, ущемлений, издевательств и мытарств. Кто выжил — оказался с убиенной душой. Рождалось новое поколение с ущербными генами, уже с душой раздвинутой, изуродованной...

А теперь, случается, недоумевают, руками разводят: «И чёго вам, немцам, не хватает? Все у вас есть, живете лучше других...»

Да, все есть. И хлеб, и сало, и крыша над головой. А вот душа кровотоцит, сердце ноет.

Верно: нельзя жить все время прошлым. Надо стряхнуть с себя проклятый груз былых обид. Надо устремиться вперед к светлому будущему...

Да, надо. Это мы знаем. Но... не получается. То ли энергии «снизу» не хватает, то ли желания, доброй воли «сверху» нет.

Недавно кинорежиссер Александр Сокуров сказал: «Вообще человек, прошедший школу унижения, — раб».

Сколько еще нужно десятилетий, сколько поколений должно еще смениться, чтобы вытравить из себя страх, обиду, рабство? Неужто так-таки и неразрешим в нашей стране так называемый «немецкий вопрос»?

Сколько еще нужно изводить бумаги во все инстанции с сокровенными просьбами, объяснениями, мольбами, сколько еще делегаций должны обивать столичные пороги, сколько еще должно быть создано общественно-политических и культурно-просветительных обществ, чтобы двухмиллионный народ, огульно оклеветанный, репрессированный, развеянный, точно пыль на ветру, по низовьям и верховьям, обрел наконец полную политическую реабилитацию?

«На проклятые вопросы дай ответы мне прямые!»

Полвека — срок немалый. «В пятьдесят лет обнов-

ляется земля», — гласит казахская мудрость. За этот срок горячая надежда сменилась сомнениями, а со временем и сомнения улетучились, уступив место неверию. Даже гласность в «немецком вопросе», позволившая в определенной мере открыто говорить о наблевшем, неверия в душе не развеяла. Так уж создан немец. Он боготворит дело. И верит только делу.

В результате — эмиграционная вспышка. 52 тысячи советских немцев покинули страну в 1988 году. В 1989 году уехало 105 тысяч. На 1990 год подали заявления на выезд уже 350 тысяч. Это уже не вспышка, а эпидемия, исход.

Давний друг, казах, шутит каждый раз при встрече: «Не понимаю, почему историки называют нас кочевниками? Кочевники ведь вы, немцы».

Горькая шутка! Кочевники поневоле. Нация на чемоданах.

А мы на всех уровнях все еще создаем комиссии, всесторонне изучаем вопрос, кого-то убеждаем, уговариваем, упрашиваем, все что-то прикидываем, присматриваемся, осторожничаем, оглядываемся по сторонам, сокрушаемся — ох, и трудный же, сложный же этот самый немецкий вопрос!

Сколько тысяч советских немцев еще эмигрирует, пока он решится? И когда решится? Когда — по выражению бессмертного Ходжи Насреддина — или бык подохнет, или арба развалится?

С семидесятого года я активно участвую в «немецком движении». Вхожу в разные комиссии, советы, комитеты, сотрясаю, где только возможно, воздух, строчу письма, заявления, записки в самые высокие инстанции, пытаюсь растормошить, взбодрить соплеменников, вселить в них оптимизм, пропагандирую немецкую советскую литературу, перевожу ее на русский язык, составляю книги, пишу статьи, исследования.

Многого ли добился за двадцать лет?

Уже и родственники ропщут: «Ну, что ты? Пишешь, утешаешь, обещаешь... Где же перемены? Где автономия?» Дочь двоюродного брата прямо заявила: «Если до июня автономии не будет, все, уеду!» И, действительно, выехала в ФРГ с мужем и двумя детьми.

Еще несколько лет назад я искренне обличал, осуждал тех, кто уезжал на пресловутую «родину предков». Теперь, когда уехали многие мои друзья, хорошие, честные люди, прекрасные работники, уехали — твердо знаю! — не ради шмоток или колбасы, а по совсем иным мотивам, я просто скорблю, подавленно молчу, острее чувствую свое бессилие.

А мы опять комиссии создаем, опять рядим-гадаем: решать «немецкий вопрос» или еще подождать...

Вот и Декларация о репрессированных народах принята Верховным Советом СССР. Прямо сказано: беззаконие и произвол, поправление прав человека и норм гуманности. Насильственная депортация безоговорочно осуждена. Все хорошо. Но что же дальше? Каков практический шаг? Что значит полная политическая реабилитация? Это означает только одно: вернуть народу то, что у него было отнято — честь, достоинство, культуру, язык, государственность.

Это в принципе возможно. И я все еще верю: это будет. Как же иначе? Должно быть! Но уж так получается, что мы всегда запаздываем. Запоздали — это очевидно — уже и теперь, даже еще не решив вопроса. И каждый советский немец в душе это сознает. И продолжает — хоть и слабо — утешать себя: лучше поздно, чем никогда. Ибо другого утешения просто-напросто нет. Ведь эмиграция вопрос не решит. Эмиграция — та же трагедия.

Слышен ли голос советского немца в многоголосом хоре нашего общества? Не очень. Язык, культура, искусство его еле-еле тлеют. Он поставлен в такие условия, что везде и всюду, постоянно вынужден доказы-

вать, что он не верблюд. Значит, и жизнь его скудна, бедна. Его жизнь, его культура, его история как бы разорваны, лишены преемственности, и восстановить разорвавшиеся звенья трудно, а чаще всего и невозможно. И отсюда печать усталости и неверия на лице советского немца.

Или я ошибаюсь? Или это я устал? Или мою душу грызет, дерзает моя собственная беспомощность, мое бессилие поведать миру ту печаль, излить ту боль, выразить ту надежду, которые живут во мне и не дают покоя, не отпускают ни на миг уже полвека, считай, почти всю мою жизнь?

«На проклятые вопросы дай ответы мне прямые!»...

• • •

Ночь. Тишь. Светят крупные звезды на восточном небосклоне, пронизывая азийскую тьму. В сладкую предрасветную дремь погрузился «Шумиловский городок». Тихо-тихо в Байсунском тупике.

Кончаю свои заметки. Может, и нет большого смысла в этих рожденных в тупике размышлениях? Может, тревога и печаль, что сквозят в них, все же не означают тупиковую ситуацию? Ведь жизнь вечна, и потому никогда не ведет она в тупик. И человек не рожден для того, чтобы очутиться в тупике. Не так ли?..

Ночь. Тишь.

Близится рассвет.

СОДЕРЖАНИЕ

ДРУЖБА КОНКРЕТНОГО СМЫСЛА ПОЛНА

Три струны моей души	3
Дружба конкретного смысла полна	6
Обогатив наш духовный опыт	15
В многоголосице единого хора	27
Нервной дружбы не бывает	41

СОЗВУЧНОГО СЛОВА РОДСТВО

Созвучного слова родство	49
Влеск старых истин	57
Смет книги	67

ЕДИНАЯ, МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ...

О литературных взаимосвязях	72
О «белых пятнах» в немецкой советской литературе	87
Параметры поиска	97
Художник на все времена	113
Пблин Чингизских гор	126
Чуткое сердце художника	138
Уроки старшего друга	143
На переднем крае	149
Постиная магию легенд	155
Нетры отчего края	164
Вначале было слово	171

СТРОКИ, ПРОДИКТОВАННЫЕ ВРЕМЕНЕМ

Где жмет ботинок?	177
Хранить, осваивать, умножать	191
Выль и боль	200
Размышления в Байсуинском тупике	227

Герольд Карлович Бельгер
РОДСТВО

Художник Д. Сланов

Художественный редактор Г. М. Горелов

Технические редакторы Г. В. Герасименко, Л. И. Конькова

Корректор Э. М. Тлеукулова

ИБ № 4484

Сдано в набор 3.01.91. Подписано в печать 29.10.91. Формат 70×108¹/₃₂.
Бумага № 1. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 11,2.
Уч.-изд. л. 11,49. Усл. кр.отт. 11,46. Тираж 3000 экз. Заказ № 71. Цена
1 руб.

Ордена Дружбы народов издательство «Казахстан» Министерства
печати и массовой информации Казахской ССР, 480124, г. Алма-Ата,
проспект Абая 143.

Полиграфкомбинат Министерства печати и массовой информации Казах-
ской ССР, 480002, г. Алма-Ата, ул. Макатаева, 41.